

ISSN 2500-039X

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
ПСИХОЛОГИЯ

№3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2022

Редакционная коллегия

- И. Н. Симеева*, д-р психол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
С. С. Ваулина, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
М. Н. Коннова, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
О. В. Александрова, д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. В. Байбородова, д-р пед. наук, проф., ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
В. П. Бездухов, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ;
Л. М. Бондарева, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. О. Бударина, д-р пед. наук, доц., БФУ им. И. Канта;
И. В. Вацков, д-р психол. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет; *А. А. Горелов*, д-р пед. наук, проф., СПбУ МВД;
У. Гравитис, д-р пед. наук, проф., Латвийская академия спортивной педагогики;
Ю. В. Доманский, д-р филол. наук, проф., РГГУ; *С. П. Евсеев*, д-р пед. наук, проф., НГУ физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта;
В. И. Заботкина, д-р филол. наук, проф., РГГУ;
И. Ю. Иеронова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. В. Кузнецова, д-р филол. наук, проф., ЮФУ;
Л. В. Куликов, д-р психол. наук, проф., СПбГУ;
В. К. Пельменев, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф., САФУ им. М. В. Ломоносова;
А. А. Реан, д-р пед. наук, акад. РАО, МПГУ;
И. Д. Рудинский, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
И. В. Реверчук, д-р мед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Н. В. Самсонова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
С. В. Свиридов, канд. филол. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
О. Р. Темиришина, д-р филол. наук, проф., Московский университет им. А. С. Грибоедова;
В. В. Хитрюк, д-р пед. наук, проф., Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка; *Н. С. Цветова*, д-р филол. наук, проф., СПбГУ;
Т. А. Шарыгина, д-р филол. наук, проф., НГУ им. Н. И. Лобачевского;
Ю. М. Шемчук, д-р филол. наук, проф., МГЛУ; *К. Г. Языков*, д-р мед. наук, проф., Сибирский государственный медицинский университет

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-68537 от 31 января 2017 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 04.10.2022 г.

© БФУ им. И. Канта, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Журавлев А. П.</i> Построение модели терминологических полей на примере терминопоя «Повреждения таза»	5
<i>Колесникова Е. И.</i> Об инновационном фрагменте лексико-семантического поля «Социальная политика»	26
<i>Королева И. А.</i> Речевой портрет современной русской женщины: ономастический фрагмент	36
<i>Ваганова Е. Ю., Кофанова Г. П.</i> Заимствование межкультурных концептов в условиях синтеза СМИ и социальных сетей	44

Литературоведение

<i>Пахсарьян Н. Т.</i> Роман Мариво «Жизнь Марианны» в контексте французской эпистолярной прозы XVIII века	53
<i>Иванова Н. П.</i> Тема двойничества в романе М. И. Воскресенского «Проклятое место»	61
<i>Дьякова Т. А.</i> Аллюзии в поэтическом творчестве Михаила Матусовского: филологический и историко-культурологический аспекты функционирования	71

Педагогика и психология

<i>Карась И. С., Досаева А. А.</i> Связь созависимости с представлениями об абьюзивных отношениях у молодых женщин	85
<i>Симаева И. Н., Чуркин А. И., Чуприс А. С.</i> Методическое обеспечение музыкального образования слепых и слабовидящих в научной литературе: обзор предметного поля отечественных педагогических исследований	99

Рецензия

<i>Цветова Н. С.</i> Словари кильдинского саамского языка в контексте современных лексикографических тенденций	111
--	-----

CONTENTS

Linguistics

<i>Zhuravlyov A. P.</i> Building a model of terminological fields on an example of the “Pelvis injuries” terminological field	5
<i>Kolesnikova E. I.</i> On innovative segment of a lexical semantic field “Social policy”	26
<i>Koroleva I. A.</i> Speech portrait of a modern Russian woman: an onomastic fragment	36
<i>Vaganova E. Yu., Kofanova G. P.</i> Borrowing inter-cultural concepts in the context of mass media and social networks synthesis	44

Literary studies

<i>Pakhsarian N. T.</i> The novel by Marivaux “Marianna’s Life” within the context of French epistolary prose of the XVIII century	53
<i>Ivanova N. P.</i> The motive of duality in the novel “Cursed Place” by M. I. Voskresensky	61
<i>Diakova T. A.</i> Allusions in poetic work of Mikhail Matusowsky: philological and cultural-historical aspects	71

Pedagogy and psychology

<i>Karas I. S., Dosaeva A. A.</i> On connection between codependency and the ideas about abusive relationships in young women	85
<i>Simaeva I. N., Churkin A. I., Chupris A. S.</i> Methodology support for the musical training for visually impaired in research papers: a review of Russian pedagogical publications	99

Review

<i>Tsvetova N. S.</i> Dictionaries of the Kildin Sami language in the context of modern lexicographic trends	111
--	-----

А. П. Журавлев

**ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ
НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОПОЛЯ «ПОВРЕЖДЕНИЯ ТАЗА»**

5

Поступила в редакцию 25.03.2022 г.

Рецензия от 27.04.2022 г.

Во второй статье, продолжающей серию публикаций, посвященных теме моделирования терминопольей, рассматривается практическое применение метода моделирования терминопольей, разработанного автором ранее, к конкретной терминосистеме, что позволяет проверить эффективность работы данного метода. В качестве объекта исследования выбрано терминополье «Повреждения таза» по причине малой степени проработанности его состава и структуры в тематической литературе. Выявлены некоторые его особенности, учитываемые при создании модели. Построение модели терминополья «Повреждения таза» осуществлялось в три этапа, что обусловлено общим строением данного поля, позволяющим разделить его на три лексико-семантические группы терминов. Все три этапа моделирования идентичны: согласно разработанному ранее методу первым шагом является описание лексической базы каждой лексико-семантической группы с применением тезаурусного подхода. Вторым шагом – описание структуры каждой лексико-семантической группы при помощи элементов, упорядочивающих ее лексический состав; эти элементы выделяются на основе дифференциальных сем, выявленных путем применения метода компонентного анализа. Третьим шагом является графическая репрезентация каждой лексико-семантической группы в виде древовидного графа, состоящего из элементов двух видов – терминов и структурирующих их единиц. На последнем этапе все три графа объединяются в единую модель терминополья «Повреждения таза». Такое представление терминополья позволяет в перспективе создать компьютерную модель терминосистемы для оценки знаний учащихся.

This paper is the second one in the series of three papers dealing the modeling of terminological fields. The present paper deals with the practical application of the author's method for modeling terminological fields (developed in the previous paper) to a particular terminological system to prove its efficiency. The "Pelvis injuries" terminological field is picked as an object of modeling because both its lexical content and structure are poorly conceived in many subject-related textbooks. As the result of analysis of this terminological field, some of its characteristic features are revealed; they are taken into consideration

during the process of modeling the field. The model of the "Pelvis injuries" terminological field is built in three stages because the field consists of three lexical-semantic groups of terms. All three stages of modeling are identical: according to the previously developed method, the first step gives the description of the lexical base of each lexico-semantic group using the thesaurus approach. The second step describes the structure of each lexico-semantic group with the help of elements ordering its lexical composition; these elements are distinguished on the basis of differential semes identified by applying the method of component analysis. The third step is a graphical representation of each lexico-semantic group in the form of a tree-like graph consisting of elements of two types – terms and units structuring them. As a result, we get three graphs representing each of the three lexical-semantic groups. After merging the three graphs in one, the model of the "Pelvis injuries" terminological field is built. Representing the field in such a way allows it to create its computer model for further evaluation of students' professional knowledge.

Ключевые слова: компонентный анализ, дифференциальная сема, тезаурусное моделирование, меронимия, синонимия, гипоним, гипероним

Keywords: componential analysis, differential seme, thesaurus modelling, meronymy, synonymy, hyponym, hyperonym

Введение

Настоящая статья представляет собой часть исследования, в рамках которого разрабатывается тема идеографического моделирования терминологического поля. Идеографическое моделирование терминополья как частной разновидности лексико-семантического поля подразумевает описание лексических единиц, формирующих это поле, с учетом семантических связей между ними (то есть построение тезауруса предметной области [11, с. 86; 14, с. 27]) и последующую репрезентацию этих связей в виде древовидного графа.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последнее время возникает все больше предпосылок для создания новых методов преподавания и оценивания профессиональных знаний. Наше время характеризуется чрезвычайно быстрым развитием ряда научных областей, а также появлением новых профессий. В ряде случаев система высшего образования не успевает за темпами развития науки и техники. При этом сложно спорить с тем, что «для людей, стремящихся стать специалистами в какой-либо области человеческой деятельности, одним из необходимых условий является овладение соответствующей терминологией, умение оперировать ею и в итоге использовать концептуальное терминологическое знание» [17, с. 56]. В связи с этим, а также по причине быстрого развития информационных технологий и систем дистанционного обучения разработка новых методов систематизации и репрезентации терминологической базы предметной области приобретает огромное значение.

В то же время все более важной становится задача оценивания степени усвоения знаний учащимися. С одной стороны, для этой цели до-

статочно давно применяется квалиметрия, позволяющая оценивать качество через количество. С другой стороны, растущее число обучаемых по все новым специальностям приводит к закономерному результату: преподаватель может не успевать протестировать всех либо быть не в состоянии обеспечить надлежащий уровень оценивания. Решением этой проблемы может стать компьютерная квалиметрическая программа, тем более что современные технологии вполне позволяют разрабатывать подобные ресурсы. Однако для создания квалиметрических программ необходима теоретическая база, для разработки которой требуется формировать междисциплинарные группы разработчиков; в такие группы должны входить как специалисты по конкретной предметной области, так и лингвисты, поскольку очевидно, что знания неизбежно репрезентируются теми или иными языковыми единицами и конструкциями. Результаты нашего исследования в перспективе могут быть использованы при создании такой теоретической базы для квалиметрических программ.

7

В одной из наших предыдущих статей, посвященной разработке универсального метода моделирования терминологических полей, было обосновано и принято решение о репрезентации модели терминопля в виде древовидного графа [12]. *Цель* настоящего исследования — показать на практике состоятельность разработанного метода. Речь идет о том, чтобы применить указанный метод к какому-либо конкретному терминоплю и выяснить, насколько адекватно и эффективно он репрезентирует состав и структуру этого поля в виде идеографической модели с учетом его основных лексико-семантических особенностей. При этом следует отметить, что выбранное в качестве объекта моделирования терминопле будет описано и представлено на модели не полностью: общее количество составляющих его терминов слишком велико для обработки и графической репрезентации в формате статьи.

Задачи исследования:

- 1) выбрать конкретное терминологическое поле в качестве объекта моделирования, обосновать данный выбор;
- 2) рассмотреть характерные особенности выбранного терминопля как в плане его лексического наполнения, так и в плане семантических отношений между входящими в его состав лексическими единицами;
- 3) построить модель выбранного терминологического поля с применением разработанного нами метода, принимая во внимание характерные лексико-семантические особенности этого терминопля.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нем наглядно продемонстрирован процесс представления состава и структуры конкретного терминологического поля в виде модели; такая модель, в свою очередь, имеет потенциал в плане применения ее для обучения специалистов и верификации уровня их знаний. При этом отметим, что разработанный нами метод построения модели терминопля может быть достаточно эффективно применен к любой предметной области с учетом характерных особенностей ее лексического состава и семантических отношений между терминами.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для разработки компьютерной ква-

лиметрической программы оценивая профессиональных знаний студентов-травматологов. В перспективе разработанный нами метод моделирования позволит достаточно просто создавать функциональные лексико-семантические модели практически любых терминопольей, что поможет алгоритмизировать процедуру автоматического количественного и качественного оценивания знаний учащихся в самых разных предметных областях.

Методы исследования

В качестве основных *методов исследования* в рамках настоящей работы использованы:

- 1) метод компонентного анализа;
- 2) метод тезаурусного моделирования;
- 3) полевый подход.

Поскольку в задачи нашего исследования входит построение модели терминологического поля, вполне обоснованным и целесообразным будет применение *метода компонентного анализа* значения к лексическому составу этого поля, так как «метод семантического анализа слов, основанный на выделении компонентов их значений, признается одним из важнейших и универсальных способов лексикологического анализа. <...> Использование данного метода при разработке лексико-семантических групп является наиболее экономным и поэтому наиболее оправданным» [21, с. 169]. Также мы опираемся на мнение А. М. Кузнецова о том, что «применение компонентного анализа в лексике основано на исходной посылке о наличии системной организации лексики. <...> Применение указанного метода к исследованию семантических полей является наиболее экономным» [19, с. 15].

Одно из ключевых понятий, относящихся к методу компонентного анализа, — *сема*: «В основе метода компонентного анализа лежит тезис о том, что значение слова — это упорядоченная структура множества элементарных семантических составляющих (сем, семантических множителей, семантических маркеров, дифференциальных признаков и др.) как наименьших частиц значения» [20, с. 186].

Несмотря на некоторую разницу во взглядах, большинство исследователей языка выделяют два основных типа сем — интегральные и дифференциальные: «...в современной семантической теории, в частности в компонентном анализе, методологические принципы философской концепции Лейбница перекликаются с принципом всеобщей дифференциации и интеграции значений номинативных языковых единиц, что выражается, например, в поиске семантических дифференциалов (дифференциальных семантических признаков) и интегралов (интегральных признаков, семантических полей, семантических парадигм и других смысловых комплексов)» [19, с. 11]. Такой принцип выделения сем как нельзя лучше подходит для целей нашего исследования. Многие, если не все, термины в составе терминополья так или иначе противопоставлены друг другу. Выявление некоего общего семантического компонента значительно облегчит распределение терминов по группам, что, в свою очередь, будет способствовать репрезентации лексико-семантиче-

ской структуры этого терминополья. Это будет выражаться в возможности на основе интегральных / дифференциальных сем эксплицировать элементы, упорядочивающие состав терминополья и выстраивающие его структуру.

Также для нашего исследования представляют интерес и некоторые другие виды сем, например ядерные и периферийные [22, с. 112]. Ядерную сему также называют архисемой, и ее важный для нашего исследования аспект заключается в том, что «архисема может эксплицироваться на основе дифференцирующих сем» [16, с. 80]. Таким образом, если начинать репрезентировать терминологическое поле в виде древовидного графа, то в основе его «корневой» вершины будет лежать именно архисема; в процессе моделирования терминополья дифференциальные семы будут «разветвлять» эту архисему, выстраивая таким образом иерархическую структуру терминополья.

По нашему мнению, у задачи по выявлению конечного набора «атомарных» смысловых компонентов нет решения ни в практическом, ни в теоретическом плане. Мы считаем несостоятельным сугубо механистический подход к анализу значения. Причина заключается, помимо прочего, еще и в том, что любой живой естественный язык является системой по определению открытой, то есть в принципе не поддающейся полному описанию и классификации. Мир познается человеком, мышление которого нелинейно и временами противоречиво. Более того, мышление индивида находится в постоянном развитии, что непосредственно влияет на процесс познания. В результате возникновение и тем более внедрение какой-то единой фиксированной системы сем просто исключено, так как это было бы попыткой искусственно «закрыть» живой язык, остановив таким образом его развитие. Иными словами, появление такого рода системы значило бы, что процесс познания индивидом окружающей его реальности остановился, ограничившись какой-то одной концепцией устройства мира.

При этом необходимо помнить, что значение не разложимо на некие конечные, «атомарные» семы, уже никак не поддающиеся дальнейшему компонентному анализу. Поскольку язык и мышление всегда открыты, любая сема может подвергаться компонентному анализу снова и снова. Таким образом, число комбинаций становится бесконечным, в результате чего обеспечивается постоянное поступательное движение в познании индивидом окружающей его реальности.

Итак, мы видим, что масштаб применения метода компонентного анализа ограничен и не дает возможности сформировать устойчивую и всеохватывающую систему «смысловых атомов» языка в целом, путем комбинирования которых можно было бы «сгенерировать» значения абсолютно всех слов этого языка. Мы склонны придерживаться того мнения, что эффективность метода компонентного анализа гораздо выше при применении его к обособленным лексическим полям (в частности, терминологическим).

Выделение сем выступает для нас не целью, а способом упорядочить лексический состав терминополья. И. А. Стернин полагает, что «предел членения семемы на семы задается мерой человеческого знания о денотате. В практических целях членение семемы на семы выполняется в

ограниченных пределах в зависимости от поставленных задач» [23, с. 35]. При этом необходимо заметить, что существуют определенные нюансы при использовании метода компонентного анализа для обработки лексической базы какого-либо терминополья; причиной тому являются определенные особенности этого терминополья. Вследствие этого степень эффективности применения данного метода в каждом конкретном случае будет разной.

Таким образом, суммируя изложенное выше, мы делаем следующий вывод: метод компонентного анализа может быть эффективно применен в рамках нашего исследования для обработки лексического материала терминологических полей, относящихся к самым разным профессиональным областям. Деление сем на интегральные и дифференциальные можно заложить в основу принципа упорядочивания лексического состава терминополья и представления его структуры в виде графа с выраженной многоуровневой иерархией; это позволит в дальнейшем использовать наши наработки в прикладных целях.

В исследованиях языка часто указывается на связь, существующую между методом компонентного анализа, полемым и тезаурусным подходами. Например, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс пишут: «Теория поля не исключает компонентного анализа, наоборот, она только тогда может иметь твердую основу, когда она опирается на нечленимые далее смысловые единицы; теория поля и анализ по семам дополняют друг друга» [10, с. 296]. Это позволяет нам органично сочетать все три указанных метода в рамках настоящего исследования.

Актуальность применения *тезаурусного подхода* к описанию терминологии в рамках данного исследования обусловлена тем, что «выделение терминов из контекстов и проведение семантического анализа терминов... делает возможным представить всю терминологию в виде терминологического поля. Установление семантических отношений между терминами микрополя помогает провести тезаурусное моделирование» [3, с. 4]. В свою очередь, А. З. Абдурахманова отмечает, что «тезаурусный подход способствует точной репрезентации знаний любой предметной области, а также построению модели соответствующей концептуальной области, которая была когнитивно освоена субъектом или группой» [1, с. 20].

Действительно, тезаурусный подход подразумевает не только описание отдельных лексических единиц, но и обязательное описание семантических отношений между ними. Таким образом, применение тезаурусного подхода позволяет сформировать то, что принято называть семантическим пространством. Наглядной иллюстрацией этому является принцип построения словарной статьи в тезаурусе: лишь примерно треть ее составляют сам термин и его определение; основное же внимание уделяется именно семантическим отношениям, связывающим данный термин с другими в составе конкретного терминополья.

Выбранное нами для репрезентации терминологическое поле «Повреждения таза» можно классифицировать как «нечеткую» или «мягкую» терминосистему, то есть систему, чей «понятийный аппарат страдает отсутствием четких дефиниций, между терминологическими понятиями устанавливаются синонимические отношения» [15, с. 78].

Ю. Н. Горбунов отмечает, что применительно к терминосистемам такого рода эффективно использовать компонентный анализ дефиниций терминологических единиц, поскольку данный метод «позволяет выявить глубинные синергетические механизмы понятийной матрицы исследуемой ПО», на основе чего можно будет построить модель тезауруса предметной области [8, с. 47]. Уточним, что Ю. Н. Горбунов пишет о конкретной «мягкой» терминосистеме, однако мы считаем возможным применять такой подход и к другим терминосистемам подобного рода.

Далее мы постараемся выделить и рассмотреть основные виды семантических отношений между лексическими единицами в составе рассматриваемого терминополья. Это позволит нам в дальнейшем построить тезаурус этой предметной области, что станет одним из этапов построения ее модели.

Разновидности семантических отношений представлены в работах исследователей языка в общем и целом одинаково, но, естественно, со своими нюансами в плане их дифференциации и толкования. Так, например, встречается упоминание о трех основных видах семантических отношений между терминами в терминополье: эквивалентных, иерархических и ассоциативных [5, с. 47]. Е. Ю. Горбунов поясняет, что эквивалентные отношения представляют собой синонимию, ассоциативные — антонимию, а иерархические отношения строятся посредством гиперонимов и гипонимов [8, с. 48].

Отдельные исследователи склонны дифференцировать типы семантических отношений несколько иным образом. Так, С. Е. Быкова отмечает: «Главной частью такой системы является словарь терминов, которые упорядочены по алфавитному или алфавитно-гнездовому принципам, указаны их семантические отношения (преимущественно иерархические и ассоциативные, в некоторых случаях — отношения вариантности, синонимии, антонимии)» [4, с. 45]. И если в плане иерархических отношений имеется очевидное сходство во взглядах, то ассоциативные отношения и антонимия отнесены к разным видам семантических связей.

Однако разнообразие видов отношений между лексическими единицами в составе терминополья не ограничивается лишь приведенными выше: существуют также родо-видовые отношения (тоже называемые иерархическими), а также отношения «часть — целое», то есть меронимия. Говоря о последнем, С. О. Коршунова поясняет, что «под целым понимается голоним, а под частью — мероним» [17, с. 58]. О тех же отношениях упоминает и Н. В. Гаврилова: «Тезаурусный подход позволил установить семантические отношения (синонимические и антонимические, часть — целое, омонимии и полисемии) и иерархические связи (гиперо-гипонимические) внутри полей» [6, с. 265]. Как мы видим, автор включает сюда еще и такие виды отношений, как омонимия и полисемия.

На основе сказанного можно с уверенностью назвать основным видом системных отношений между словами в составе лексико-семантической группы иерархические (в разных источниках именуемые также гиперо-гипонимическими или родо-видовыми). Следующими по распро-

страненности являются антонимия, синонимия и меронимия. В качестве подтверждения значимости этих системных отношений для структуры терминополья приведем следующую цитату: «Все перечисленные отношения в совокупности образуют такую семантическую сеть, которая отражает структуру системы терминов» [17, с. 58].

Последнее высказывание, по сути, и есть обоснование актуальности применения метода тезаурусного моделирования в контексте нашего исследования. Как уже упоминалось выше, его результаты в перспективе могут быть использованы при разработке компьютерной программы для оценивания профессиональных знаний учащихся и специалистов. Для создания такого рода программы нам необходимо определенным образом упорядочить лексическую базу предметной области и наладить механизм поиска в этой базе конкретных элементов (терминов) по каким-либо признакам. В связи с этим мы не можем пройти мимо упоминаний о том, что «словарь-тезаурус является одним из наиболее актуальных способов упорядочения терминологических единиц определенной предметной области, а разработка модели терминологического поля данной предметной области на основе тезаурусного подхода предполагает анализ и синтез терминологии и позволяет выявить ее особенности как знаковой системы, определить характеристики входящих в нее лингвистических единиц» [13, с. 232]. В равной мере тезаурус представляет собой «основной инструмент информационно-поисковых систем. Главной частью такой системы является словарь терминов, которые упорядочены по алфавитному или алфавитно-гнездовому принципам, указаны их семантические отношения (преимущественно иерархические и ассоциативные, в некоторых случаях — отношения вариантности, синонимии, антонимии)» [4, с. 45].

Наконец, еще один метод исследования — *пóлевýй подход* — выбран нами ввиду своей эффективности в плане решения одной из поставленных задач — построения модели лексико-семантической структуры терминологического поля.

Вот уже несколько десятилетий *пóлевýй подход* выступает в качестве одного из наиболее действенных методов для выявления и описания взаимодействия лексических единиц. Поле, как пишет И. М. Шеина, является «главной структурой, организующей тезаурус языка» [24, с. 69]. А. К. Башарина развивает эту мысль: «Исследования лексической системы языка проводятся обычно в форме выявления лексических группировок различного типа и объема, а также установления их отношений друг с другом. Поиски путей изучения системных связей лексического состава привели к возникновению теории семантического ПОЛЯ» [2, с. 93].

В рамках настоящего исследования терминосистема предметной области рассматривается нами как частная, специализированная разновидность лексико-семантического поля. И терминосистема, и лексико-семантическое поле имеют ядро и периферию. Структура терминополья неоднородна — термины находятся на разных семантических расстояниях от ядра терминополья, образуя таким образом организованную структуру с ярко выраженными гиперо-гипонимическими отношения-

ми. Мы считаем такой способ представления состава и структуры терминосистемы весьма перспективным, и целесообразность его применения в данном исследовании представляется очевидной.

Объект моделирования: причины выбора и характерные особенности

Как уже было сказано выше, продемонстрировать работу разработанного нами метода построения модели терминологического поля мы решили на примере терминополья «Повреждения таза». В качестве краткой характеристики данного терминополья укажем, что оно является частью более обширного терминологического поля «Травматология», которое входит в состав терминологической системы «Медицина». Лексический материал был отобран при участии врача-травматолога с использованием корпуса ответов студентов (количеством свыше 300 единиц) по тематике повреждений таза [18].

Сразу отметим, что для нас не существует каких-либо особых предпосылок или предпочтений в плане выбора того или иного терминополья в качестве объекта моделирования. Термин, вне зависимости от его принадлежности к конкретной предметной области, всегда имеет одну и ту же природу; то же самое можно сказать и о семантических отношениях между терминами в составе терминополья. Мы остановили выбор на терминополье «Повреждения таза» потому, что оно характеризуется достаточно малой степенью изученности. Анализ основных учебников по специальности «Травматология» выявил, что ни в одном из этих изданий не дается целостного и исчерпывающего описания структуры терминополья «Повреждения таза»; дело ограничивается лишь рассмотрением отдельных групп терминов, образованных на основе неких общих признаков. Таким образом, учебный материал довольно слабо упорядочен и систематизирован, что, естественно, негативно сказывается на его подаче, усвоении и воспроизведении учащимися. В этих условиях очевидно, что в какой-либо степени удовлетворительное графическое представление состава и структуры данного терминополья не представляется возможным.

Отметим, что такого рода проблема весьма характерна для многих предметных областей, не относящихся к технической сфере: исследователи указывают на «невыработанность во многих гуманитарных предметных областях... четких и надежных классификационных критериев, на основе которых можно было бы решать таксономические задачи для отдельных гуманитарных областей и подобластей» [9, с. 169].

Как уже говорилось выше, в рамках настоящего исследования речь никоим образом не идет о полном представлении какого-либо конкретного терминополья в виде модели. Состав и структура терминологического поля «Повреждения таза» будут представлены нами в упрощенном виде; данное исследование от этого не пострадает, поскольку наша цель — продемонстрировать сам принцип работы разработанного нами метода моделирования терминопольей. Полученные в итоге результаты впоследствии могут быть экстраполированы и на терминополья, относящиеся к другим предметным областям.

Очевидно, что рассматриваемое нами терминологическое поле имеет ряд имманентно присущих ему особенностей в плане как лексического наполнения, так и общей структуры. Ниже мы рассмотрим некоторые из них, наиболее важные для нашего исследования.

Во-первых, как показали анализ и консультация специалиста-предметника, терминополье «Повреждения таза» условно делится на три основные лексико-семантические группы (ЛСГ), описывающие признаки, типы и объекты повреждений таза (обозначим их как ЛСГ {P}, ЛСГ {S} и ЛСГ {A} соответственно). Такое членение находит отражение и в структуре составных терминов, примеры которых будут рассмотрены ниже.

Во-вторых, лексический состав терминопольа «Повреждения таза» не ограничивается лишь терминами — в нем также представлены лексические единицы иного плана: жаргонизмы, профессионализмы и т. д. Присутствие таких «нетерминов» в составе специализированной лексико-семантической группы может вызвать вопросы, но только при поверхностном рассмотрении. В данном случае причиной использования в профессиональной речи нетерминологических единиц является наличие лакун в словарном составе рассматриваемой нами предметной области; именно для ликвидации этих лакун специалистами и употребляются жаргонизмы, не зафиксированные в учебниках или справочниках по данной специальности. Причины возникновения окказионализмов тоже достаточно очевидны — их употребляют в своей речи, как правило, студенты, часто в качестве синонимов тех терминов, которые ими еще не усвоены.

В-третьих, термины, состоящие из одного слова, способны формировать лексические единицы более высокого уровня, а именно составные термины. Наиболее характерный пример представляет конструкция, образованная по модели «прилагательное / причастие + существительное»: *открытый перелом берцовой кости; консолидирующийся перелом*. Следует отметить, что простые (зачастую однословные) наименования вроде «открытый» или «тяжелый» могут считаться полноценными терминами, поскольку они имеют вполне самостоятельное значение в рамках своей предметной области.

Общее число таких потенциальных составных терминов можно считать с использованием методов математической комбинаторики. Однако сугубо формальный подход к подсчету числа комбинаций неприемлем при работе с лексическим материалом естественного языка, поскольку далеко не все такие комбинации являются осмысленными и, более того, реально существующими и активно употребляемыми. По этой причине при работе с лексической базой простых терминов необходимо принимать во внимание их лексическую сочетаемость.

Остается отметить: мы не настаиваем на том, что данные особенности характерны только для терминопольа «Повреждения таза» — они могут быть присущи и другим терминологическим полям.

Построение модели терминопольа «Повреждения таза»

Е. Ю. Горбунов пишет о двух основных видах моделирования терминологического поля какой-либо предметной области: 1) механический перенос разметки терминосистемы на терминополье; 2) построение мо-

дели терминополь исходя из глубинного таксономического механизма, определяющего понятийно-функциональную природу данной ПО [7, с. 171]. При этом он уточняет, что второй вид «требует глубокой синергетической и семиотической проработки с тем, чтобы выявить наиболее сильные глубинные критерии для построения адекватной относительно данной ПО таксономии» [Там же].

Из упомянутых видов моделирования для нашего исследования наиболее актуален второй, поскольку перед нами стоит задача смоделировать терминополь «Повреждения таза» с сохранением и четкой репрезентацией его состава и структуры. Для выполнения этой задачи мы вели работу в тесном сотрудничестве с врачом-травматологом в качестве консультанта. Это касается и критериев, при помощи которых мы будем в дальнейшем упорядочивать лексический состав моделируемого нами терминопольа: они были разработаны при активном участии специалиста-предметника.

Переходя непосредственно к построению модели терминологического поля «Повреждения таза», напомним, что оно условно делится на три лексико-семантические группы терминов. В связи с этим построение модели данного терминопольа мы будем осуществлять путем последовательной репрезентации этих ЛСГ в виде промежуточных графов и последующего их объединения в конечный граф, который и будет представлять собой модель терминопольа «Повреждения таза».

В целях сохранения компактности исследования мы будем приводить значительно сокращенные по объему выборки терминов, относящихся к ЛСГ {P}, ЛСГ {S} и ЛСГ {A}. Эффективность применения разработанного нами метода моделирования при этом несколько не пострадает, так как общий принцип его работы остается неизменным.

Итак, построение модели терминопольа «Повреждения таза» мы начинаем с моделирования лексико-семантической группы признаков повреждений таза. ЛСГ {P} мы представим выборкой, состоящей из наиболее часто используемых терминов. Этого количества вполне достаточно для наглядной демонстрации принципа работы разработанного нами метода моделирования. Эта выборка представлена в таблице, принципы формирования которой были описаны нами в одной из предыдущих работ [12] (табл. 1).

Таблица 1

Неполный список терминов, формирующих ЛСГ {P}

Индекс	Термин	Синоним	Гипероним	Гипоним
P ₀	Травматические	—	—	Механические, дисбарические, лучевые, термические
P ₁₋₁₋₁	Механические	—	Травматические	P ₂₋₁₋₁ — P ₂₋₈₋₂
P ₁₋₁₋₂	Дисбарические	—	Травматические	—
...	...	...	...	...

Индекс	Термин	Синоним	Гипероним	Гипоним
P ₂₋₁₋₁	Консолидирующие	Срастающиеся	Механические	—
P ₂₋₁₋₂	Неконсолидирующие	Несрастающиеся	Механические	—
P ₂₋₂₋₁	Легкие	—	Механические	—
P ₂₋₂₋₂	Средние	—	Механические	—
P ₂₋₂₋₃	Тяжелые	—	Механические	—
P ₂₋₃₋₃	Множественные	—	Механические	Типа «бабочки», типа Вуальмье, типа Мальгеня
...	...	...	...	...
P ₂₋₄₋₁	Односторонние	Унилатеральные	Механические	—
P ₂₋₄₋₂	Двусторонние	Билатеральные	Механические	—
...	...	...	...	...
P ₂₋₇₋₁	Со смещением	—	Механические	—
P ₂₋₇₋₂	Без смещения	—	Механические	—
...	...	...	...	...
P ₂₋₉₋₁	Открытые	—	Механические	—
P ₂₋₉₋₂	Закрытые	—	Механические	—
...	...	...	...	...
P ₃₋₁₋₁	Типа «бабочки»	—	Множественные	—
P ₃₋₁₋₂	Типа Вуальмье	—	Множественные	—
P ₃₋₁₋₃	Типа Мальгеня	—	Множественные	—

Как можно видеть, приведенная таблица построена с применением тезаурусного подхода: вместо того чтобы представлять термины как простой перечень наименований признаков повреждений, таблица репрезентирует их как элементы системы, состоящие друг с другом в семантических отношениях определенного рода; конкретно речь идет об отношениях синонимии и гиперо-гипонимии. Так, например, мы видим, что у термина *односторонние* есть полный синоним *унилатеральные*. Также видно, что термин *травматические* является гиперонимом для терминов *механические*, *дисбарические* и т. д., а наименования *типа «бабочки»*, *типа Вуальмье* и *типа Мальгеня* — согипонимами термина *механические*; все эти термины представлены в соответствующих столбцах таблицы.

Применив к выбранным терминам метод компонентного анализа, мы можем развести их по группам в соответствии с выделенным общим компонентом значения. С одной стороны, можно говорить об интегральной семе, которая позволяет объединить два и более терминов в одну группу по общему признаку. С другой стороны, эту же сему можно рассматривать как дифференциальную, на основании которой можно противопоставлять термины в рамках одной группы. В настоящем исследовании мы будем придерживаться второго варианта. В дальнейшем

дифференциальные семы послужат основой для выделения структурирующих элементов, то есть узловых точек для построения модели сначала лексико-семантических групп {P}, {S} и {A}, а потом и всего терминопоя «Повреждения таза» в целом. Такие структурирующие элементы мы для краткости будем обозначать понятием «критерии».

Применительно к ЛСГ {P} список критериев, выделенных на основании дифференциальных сем, будет выглядеть следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

**Неполный список критериев,
структурирующих лексический состав ЛСГ {P}**

17

Индекс	Критерии выделения групп терминов	Состав выделяемых групп терминов
Кр ₁₋₁	По этиологии (по причинам возникновения)	Механические (P ₁₋₁₋₁), дисбарические (P ₁₋₁₋₂), лучевые (P ₁₋₁₋₃), термические (P ₁₋₁₋₄)
Кр ₂₋₁	По характеру протекания процессов восстановления кости	Консолидирующиеся (P ₂₋₁₋₁), неконсолидирующиеся (P ₂₋₁₋₂)
Кр ₂₋₂	По степени тяжести	Легкие (P ₂₋₂₋₁), средние (P ₂₋₂₋₂), тяжелые (P ₂₋₂₋₃)
Кр ₂₋₃	По количеству переломов в одном анатомическом объекте	Одиночные (P ₂₋₃₋₁), двойные (P ₂₋₃₋₂), множественные (P ₂₋₃₋₃)
Кр ₂₋₄	По стороне повреждения	Односторонние (P ₂₋₄₋₁), двусторонние (P ₂₋₄₋₂)
...	...	...
Кр ₂₋₇	По наличию смещения фрагментов	Со смещением (P ₂₋₇₋₁), без смещения (P ₂₋₇₋₂)
...	...	...
Кр ₂₋₉	По наличию раны	Открытые (P ₂₋₉₋₁), закрытые (P ₂₋₉₋₂)
...	...	...
Кр ₃₋₁	По видам повреждений	Типа «бабочки» (P ₃₋₁₋₁), типа Вуальме (P ₃₋₁₋₂), типа Мальгенья (P ₃₋₁₋₃)

Теперь у нас имеется достаточно данных для репрезентации модели ЛСГ {P} в виде древовидного графа. Критерии служат для упорядочивания лексической базы лексико-семантической группы, объединяя термины в группы, а также последовательно конкретизируя термины от гиперонима к гипониму. Для компактности вместо полных наименований терминов и критериев на графе отображены только их индексы (рис. 1).

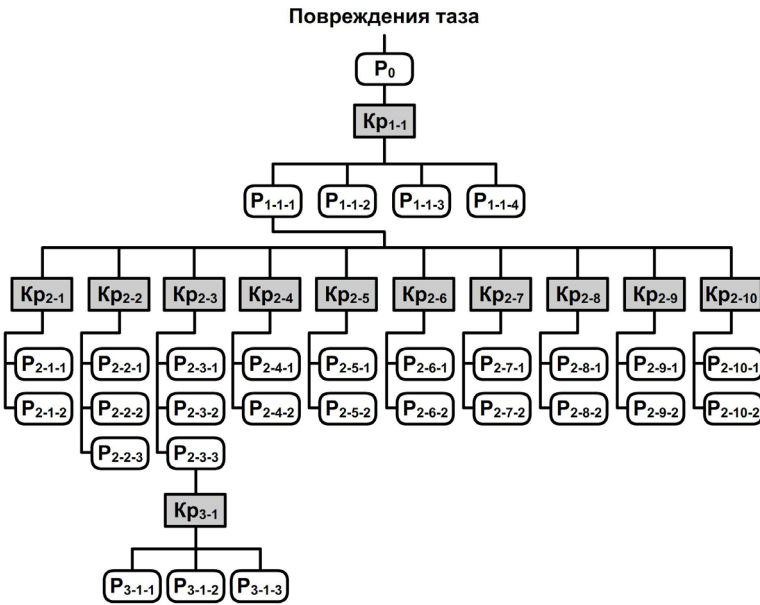

Рис. 1. Граф ЛСГ {P}

Теперь перейдем к построению модели второй лексико-семантической группы в составе терминополья «Повреждения таза», состоящей из наименований типов повреждений таза. Процедура моделирования ЛСГ {S} в соответствии с разработанным нами методом будет практически такой же, как и в случае с ЛСГ {P}. Первым шагом мы формируем выборку терминов, включая в нее наиболее часто применяемые и актуальные на настоящий момент (табл. 3).

Таблица 3

**Неполный список терминов,
формирующих ЛСГ {S}**

Индекс	Термин	Синоним	Гипероним	Гипоним
S ₀	Механические повреждения	—	—	Переломы, переломовывихи, вывихи, разрывы
S ₁₋₁₋₁	Переломы	Фрактура	Механические повреждения	—
S ₁₋₁₋₂	Переломовывихи	—	Механические повреждения	—
S ₁₋₁₋₃	Вывихи	Люксация	Механические повреждения	—
S ₂₋₁₋₁	Апофизиолиты	—	Переломы	—
S ₂₋₁₋₂	Сдавления	Компрессия	Переломы	—
S ₂₋₁₋₃	Эпифизиолиты	—	Переломы	—

Как и в случае с ЛСГ {P}, применение метода компонентного анализа позволяет оформить термины в группы на основании некоего общего признака. Выделив дифференциальные семы, построим таблицу критериев, структурирующих лексический состав ЛСГ {S} (табл. 4).

Таблица 4

Неполный список критериев, структурирующих лексический состав ЛСГ {S}

Индекс	Критерии выделения групп терминов	Состав
		выделяемых групп терминов
Ks ₁₋₁	По видам механических повреждений	Переломы (S ₁₋₁₋₁), переломовывихи (S ₁₋₁₋₂), вывихи (S ₁₋₁₋₃)
Ks ₁₋₂	По наличию сопутствующих перелому вывихов	Переломовывихи (S ₁₋₁₋₂), вывихи (S ₁₋₁₋₃)
Ks ₁₋₃	По наличию сопутствующих вывиху переломов	Переломовывихи (S ₁₋₁₋₂), вывихи (S ₁₋₁₋₃)
Ks ₂₋₁	По видам переломов	Апофизолизы (S ₂₋₂₋₁), сдвращения (S ₂₋₂₋₂), эпифизолизы (S ₂₋₂₋₃)
Ks ₂₋₂	По возрасту пострадавшего	Апофизолизы (S ₂₋₂₋₁), эпифизолизы (S ₂₋₂₋₃)
Ks ₂₋₃	По локализации перелома	Апофизолизы (S ₂₋₂₋₁), эпифизолизы (S ₂₋₂₋₃)

Проанализировав лексическую базу ЛСГ {S} и выделив элементы, упорядочивающие ее, мы можем перейти к построению модели этой лексико-семантической группы. Эта модель может быть визуально репрезентирована в виде графа (рис. 2).

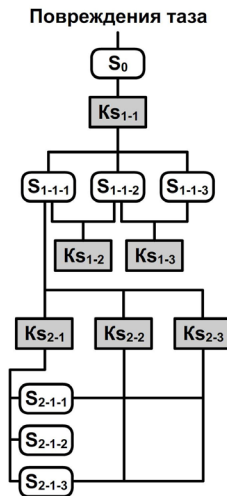

Рис. 2. Граф ЛСГ {S}

Наконец, моделирование лексико-семантической группы объектов повреждений будет осуществляться нами по тому же принципу (табл. 5).

Таблица 5

Неполный список терминов, формирующих ЛСГ {А}

Индекс	Термин	Гипероним	Гипоним
A ₀	Таз	—	Края таза, тазовое кольцо
A ₁₋₁₋₁	Края таза	Таз	Правое крыло таза, левое крыло таза, крестцово-копчиковый комплекс
A ₁₋₁₋₂	Тазовое кольцо	Таз	Переднее полукольцо, заднее полукольцо, правая вертлужная впадина, левая вертлужная впадина
A ₂₋₁₋₁	Правое крыло таза	Края таза	—
A ₂₋₁₋₂	Левое крыло таза	Края таза	—
A ₂₋₁₋₃	Крестцово-копчиковый комплекс	Края таза	—
A ₂₋₂₋₁	Переднее полукольцо	Тазовое кольцо	—
A ₂₋₂₋₂	Заднее полукольцо	Тазовое кольцо	Верхняя половина крестца, крестец
A ₂₋₂₋₃	Правая вертлужная впадина	Тазовое кольцо	Дно правой вертлужной впадины, крыша правой вертлужной впадины, край правой вертлужной впадины
...	...	...	...
A ₃₋₁₋₁	Верхняя половина крестца	Заднее полукольцо	—
...	...	...	...
A ₃₋₁₋₄	Крестец	Заднее полукольцо	—
A ₃₋₂₋₁	Дно правой вертлужной впадины	Правая вертлужная впадина	—

Построение таблицы критериев, упорядочивающих лексическую базу ЛСГ {А}, также производится в соответствии с разработанным нами методом. В случае с ЛСГ {А} некоторое отличие будет заключаться в характере семантических отношений между терминами в ее составе: если при работе с ЛСГ {Р} и {S} мы в основном имели дело с гиперо-гипонимическими отношениями между терминами, то в составе ЛСГ {А} термины в большинстве своем находятся в отношениях меронимии (табл. 6).

Таблица 6

Неполный список критериев, структурирующих лексический состав ЛСГ {А}

Индекс	Критерии выделения групп терминов	Состав выделяемых групп терминов
Ка ₁₋₁	Часть / целое	Края таза (A ₁₋₁₋₁), тазовое кольцо (A ₁₋₁₋₂)
Ка ₂₋₁	Часть / целое	Правое крыло таза (A ₂₋₁₋₁), левое крыло таза (A ₂₋₁₋₂), крестцово-копчиковый комплекс (A ₂₋₁₋₃)

Индекс	Критерии выделения групп терминов	Состав выделяемых групп терминов
Ка ₂₋₂	Часть / целое	Переднее полукольцо (А ₂₋₂₋₁), заднее полукольцо (А ₂₋₂₋₂), правая вертлужная впадина (А ₂₋₂₋₃), левая вертлужная впадина (А ₂₋₂₋₄)
Ка ₃₋₁	Часть / целое	Верхняя половина крестца (А ₃₋₁₋₁), задний отдел крыла правой тазовой кости (А ₃₋₁₋₂), задний отдел крыла левой тазовой кости (А ₃₋₁₋₃), крестец (А ₃₋₁₋₅)
Ка ₃₋₂	Часть / целое	Дно правой вертлужной впадины (А ₃₋₂₋₁), крыша правой вертлужной впадины (А ₃₋₂₋₂), край правой вертлужной впадины (А ₃₋₂₋₃)
Ка ₃₋₃	Часть / целое	Дно левой вертлужной впадины (А ₃₋₃₋₁), крыша левой вертлужной впадины (А ₃₋₃₋₂), край левой вертлужной впадины (А ₃₋₃₋₃)

21

На основе полученных результатов производится построение модели ЛСГ {S} в виде древовидного графа, в состав которого входят элементы двух типов – как сами термины, так и элементы, выстраивающие их в иерархию с четко репрезентированными вертикальными и горизонтальными связями (рис. 3).

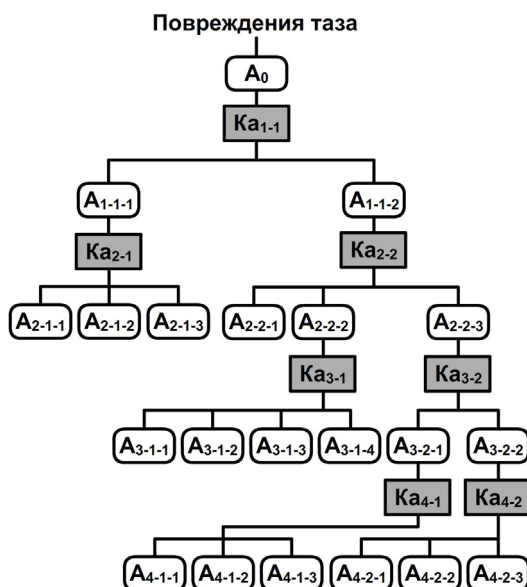

Рис. 3. Граф ЛСГ {A}

Путем комбинирования полученных графов лексико-семантических групп мы получаем модель терминологического поля «Повреждения таза», построенную с учетом его основных характерных особенностей (рис. 4).

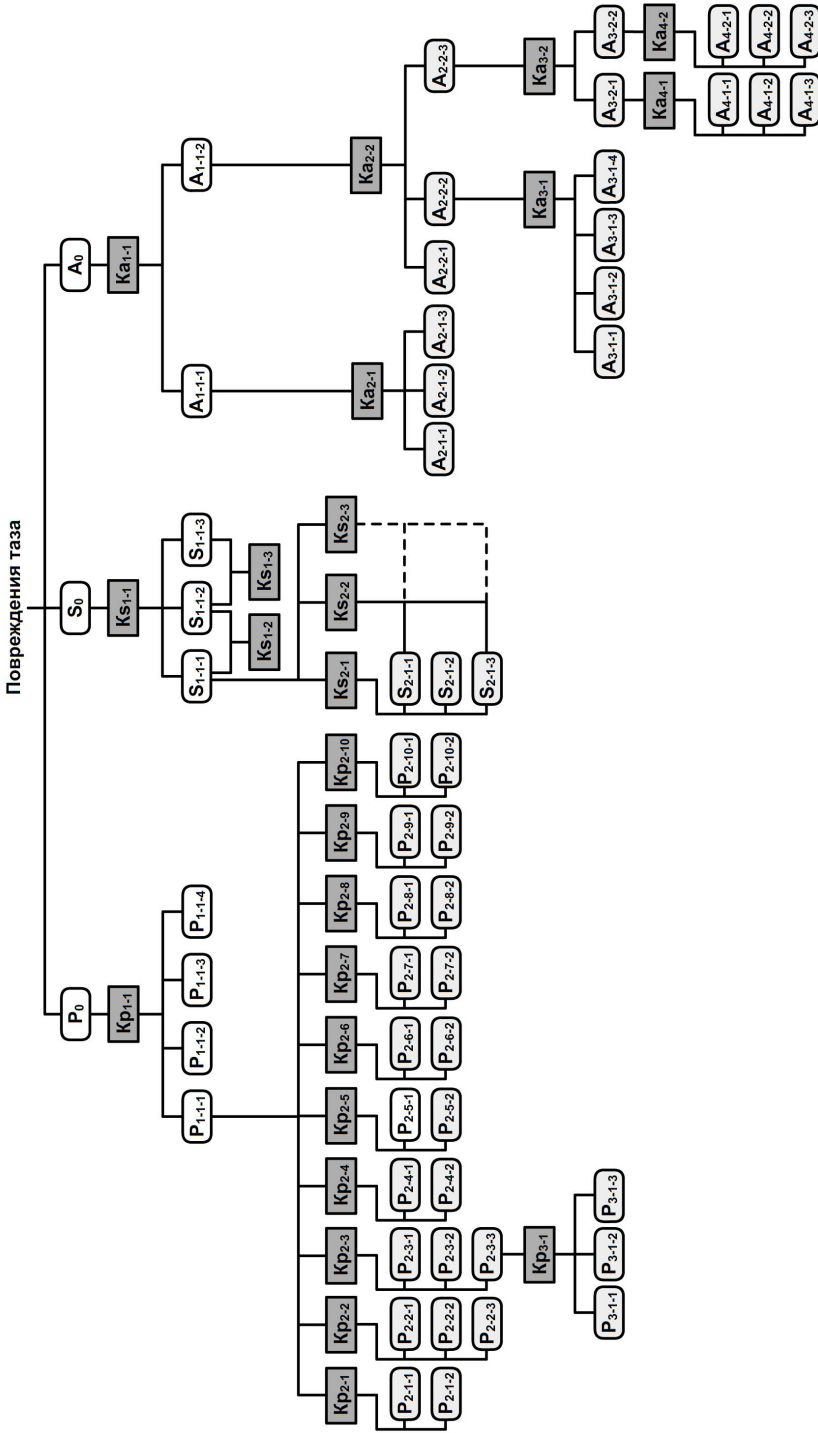

Рис. 4. Граф терминопла «Повреждения таза»

Как уже говорилось выше, такой способ репрезентации рассматриваемого терминополья позволяет воспроизвести это поле в рамках компьютерной квалиметрической программы; при этом каждый ответ учащегося на вопрос о классификации повреждений таза может быть представлен как частный случай построенной нами модели и сопоставлен с ней на предмет оценки знаний.

Заключение

Мы продемонстрировали, как разработанный нами метод моделирования терминологического поля [12] может быть применен к конкретному терминополью. По ряду причин мы выбрали терминополье «Повреждения таза». Рассмотрены его отдельные характерные особенности, которые мы учли при моделировании данного терминополья. В итоге получена идеографическая модель терминополья «Повреждения таза», на которой отражены как образующие его лексические единицы, так и узловые элементы его иерархии.

По итогам проведенной работы можно сделать следующие выводы:

1. Разработанный нами метод моделирования терминопольей в целом и целом может быть применен к любому терминологическому полю в силу общности свойств и принципов формирования таких лексико-семантических образований.

2. Прежде чем приступать к процедуре моделирования конкретного терминополья в соответствии с разработанным нами методом, необходимо провести анализ этого терминополья на предмет выявления его основных характерных особенностей. Речь идет об установлении базовой структуры конкретного терминополья, выявлении основных типов семантических отношений между образующими его элементами, а также о решении вопроса, следует ли включать в рассмотрение наряду с официально принятыми терминами нетерминологические лексические единицы. Такие меры имеют важное значение, так как напрямую влияют на результаты процедуры моделирования.

3. Полученная лексико-семантическая модель терминополья «Повреждения таза» имеет прикладной потенциал в плане оценивания знаний учащихся, так как создает возможность проверять знания как качественно (по наличию критериев в ответе студента), так и количественно (по лексическому наполнению ответа).

На следующем, заключительном этапе нашего исследования мы намереваемся продемонстрировать прикладной потенциал разработанного нами метода моделирования терминопольей путем демонстрации процедуры оценивания реальных ответов студентов-травматологов с использованием построенной нами модели терминополья «Повреждения таза».

Список литературы

1. Абдурахманова А.З. Терминология строительства как объект тезаурусного моделирования // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68), №2, ч. 1. С. 17–23.

2. *Баширина А. К.* Понятие «семантическое поле» // Вестник Якутского государственного университета. 2007. Т. 4, №1. С. 93–96.
3. *Белоусов К. И., Мишланова С. Л., Заседателева М. Г.* Тезаурусное моделирование предметной области «Компетентностный подход»: дизайн исследования и программная реализация на платформе ИС «Семограф» // Инновационные проекты и программы в образовании. 2013. №4. С. 3–10.
4. *Быкова С. Е.* Терминология как объект тезаурусного моделирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. №25. С. 45–49.
5. *Ведерникова Ю. В.* Тезаурусный подход к моделированию английской когнитивно-лингвистической терминологии на примере терминополья Blendingtheory (теория блендинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №12 (54). С. 47–50.
6. *Гаврилова Н. В.* Принципы построения терминосистем французской и английской деловой терминологии «Международной экономики» в тезаурусном аспекте // Вестник Тамбовского университета. 2009. №7 (75). С. 264–267.
7. *Горбунов Е. Ю.* Лингвистический потенциал тезаурусного моделирования как инновационная образовательная технология // Теория и практика приоритетных научных исследований : сб. науч. тр. по матер. III междунар. науч.-практ. конф. Смоленск, 2018. С. 170–173.
8. *Горбунов Е. Ю.* Семиотико-синергетические принципы тезаурусного моделирования семантического поля термина Lexicology 'Лексикология' // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. №2 (86). С. 46–53.
9. *Горбунов Е. Ю.* Технология тезаурусного моделирования английских лингвистических терминов // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. К 80-летию профессора Л. И. Корниловой : сб. матер. Тольятти, 2018. С. 169–176.
10. *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 291–314.
11. *Доржеева О. А.* Тезаурусное моделирование терминологии строительства // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №31 (322). С. 85–87.
12. *Журавлев А. П.* Разработка метода моделирования состава и структуры терминополья в общем и терминополья «Повреждения таза» в частности // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. №3 (437). С. 56–65.
13. *Жучкова И. И.* Преимущества компьютерной реализации гипертекстового тезауруса английских терминов по лингвистике текста // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты : матер. V междунар. науч. конф. Тольятти, 2015. С. 232–238.
14. *Жучкова И. И.* Тезаурусное моделирование английской спортивной терминологии (на примере семантического поля «football» (футбол)) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. №3 (112). С. 25–30.
15. *Зайцева Н. Ю., Абдуллина А. Ф.* Тезаурусный подход к моделированию терминополья предметной области «Фламенко» на материале испанского языка // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №2. С. 77–84.
16. *Зербалиева Н. Ф., Магомедова Х. М., Раджабова Г. С.* Компонентный анализ лексических значений качественных прилагательных // Страны. Языки. Культура : сб. матер. IX междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 2018. С. 79–82.

17. Коршунова С.О. Тезаурус как способ систематизации юридической терминологии // Проблемы современного российского законодательства : матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015. С. 56–59.

18. *Краснов А. Н.* Психолого-педагогические основы технологии открытого тестирования. Самара, 2005.

19. *Кузнецов А. М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.

20. *Мингазетдинова Р. Ф.* Компонентный анализ субстантивов со значением «Устная речь» на материале английского языка // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1–2. С. 185–192.

21. *Сидешова З. Г.* Роль компонентного анализа в раскрытии лексико-семантического поля «Степь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №9 (75), ч. 1. С. 169–171.

22. *Стадудльская Н. А.* Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №32 (286). С. 112–117.

23. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

24. *Шейна И. М.* Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2010. №2. С. 69–72.

Об авторе

Александр Павлович Журавлев – ст. преп., Самарский государственный технический университет, Россия.

E-mail: palych32@rambler.ru

The author

Alexandr P. Zhuravlyov – Assistant Professor, Samara State Technical University, Russia.

E-mail: palych32@rambler.ru

Е. И. Колесникова

**ОБ ИННОВАЦИОННОМ ФРАГМЕНТЕ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»**

Поступила в редакцию 30.06.2022 г.

Рецензия от 25.07.2022 г.

26

Описаны лексические инновации в лексико-семантическом поле «Социальная политика» в русском языке новейшего периода. Рассмотрен синхронный неогенный фрагмент исследуемого поля, представлена типология инноваций, обозначающих явления / понятия, вновь появившиеся или имеющие в своей семантике и/или структуре элемент новизны. Отбор инноваций осуществлялся из баз современных терминологических словарей и журналов социологической и социально-политической тематики с учетом психолингвистического, хронологического, лексикографического и функционального критериев. Установлено, что значительную часть лексических инноваций исследуемой подсистемы составляют сильные неологизмы, представленные заимствованными лексемами и словообразовательными неологизмами. Особое внимание уделено характеристике образованных на русской почве фразеосочетаний. Слабые инновации в лексике социальной политики представлены в первую очередь семантическими неологизмами и переориентированными на российскую языковую действительность словесными знаками. Отмечено, что значительную в количественном отношении группу лексических инноваций формируют так называемые тематические неологизмы, извлеченные из профессиональных областей человеческой деятельности, не связанных ранее с социальной сферой. Они могут закрепляться в языке и приобретать статус узусных лексических единиц или терминологизируются и развиваются по законам терминосистемы. Сделан вывод об открытости лексико-семантической подсистемы социального управления для новых явлений и вместе с тем о ее стремлении к сохранению традиций в процессе словообразования.

This article is devoted to the description of lexical innovations in the lexical-semantic field "Social policy" in the Russian language of the recent period. The article examines a synchronous neogenic fragment of the field under study and presents a typology of innovations denoting newly appeared phenomena/concepts or the ones having an element of novelty in semantics and (or) structure. The innovations were selected from modern terminological dictionaries and journals of sociological and socio-political topics taking into account psycholinguistic, chronological, lexicographic and functional criteria. A significant part of the lexical innovations of the subsystem under study were found to be strong neologisms represented by borrowed lexemes

and word-forming neologisms. Special attention is paid to the characteristics of phraseological combinations formed in the Russian context. Weak innovations in the vocabulary of social policy are represented primarily by semantic neologisms and verbal signs reoriented to the Russian linguistic reality. It is noted that a significant quantitative group of lexical innovations is formed by so-called thematic neologisms extracted from professional areas of human activity that were not previously associated with the social sphere. The mentioned innovations can be fixed in the language and acquire the status of common lexical units or are terminologized and developed according to the laws of the terminological system. The conclusion is made about the openness of the lexico-semantic subsystem of social management for new phenomena and at the same time about its tendency to remain traditional in word formation.

Ключевые слова: лексические инновации, неологизация, заимствование, словообразовательный неологизм, слабые инновации, лексико-семантическое поле, социальная политика

Keywords: lexical innovations, neologization, borrowing, word-formation neologism, weak innovations, lexico-semantic field, social policy

Введение

Новые общественно-политические и социально-экономические реалии, связанные с трансформационными процессами, происходящими в постглобальном мире в целом и в современной России в частности, выдвинули на первый план вопросы обновления существующих подходов к реализации социальной политики, которая в новую эпоху должна способствовать обеспечению безопасности российского общества и развитию его социальной инфраструктуры, а также предоставлять населению социальные гарантии, как то: «охрана труда и здоровья людей; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов, пожилых граждан; развитие систем социальных служб; установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты» [13, ст. 7]. Действительно, в современном обществе происходит формирование «новой концепции социальной политики, в которую была бы вписана как политика развития человека, так и политика социальной защиты, отвечающие требованиям сегодняшнего дня» [15, с. 66]. При этом новая социальная политика, под которой понимается «система мер по оптимизации социального развития общества, отношений между социальными и другими группами, создание... условий для удовлетворения жизненных потребностей их представителей» [18, с. 14], требует разработки нового понятийного аппарата, способного отразить происходящие в обществе и в его подсистемах изменения.

Подобные динамические процессы находят отражение прежде всего в лексико-семантическом поле «Социальная политика», которое в настоящее время расширяет свой состав за счет разного рода инноваций, связанных с обновлением лексического состава, а также представленных на лексико-семантическом уровне языковой системы. Безусловно, «процесс возникновения нового может осуществляться в различных формах, по-

этому понятие неологизма закономерно охватывает не только слово как отдельную лексическую единицу, но и лексико-семантический вариант слова, также являющийся лексическим новообразованием» [22, с. 88]; «инновация есть явление языка, охватывающее все его уровни, в связи с чем процесс неологизации необходимо рассматривать в аспекте межуровневых связей в системе языка» [22, с. 90]. Ориентируясь на концепцию инноваций, представленную в работах воронежских исследователей [2; 9–12], мы можем представить новые явления в лексико-семантическом поле «Социальная политика» сильными и слабыми лексическими инновациями. Среди дифференцирующих критериев, согласно которым слово может считаться лексической инновацией, на наш взгляд, важнейшие – *психолингвистический* (ощущение носителями языка «оттенка новизны», которое «существует у всех носителей языка, хотя и может быть различным по отношению к некоторым конкретным словам у отдельных людей» [14, с. 100]), *хронологический* (указывающий на существование лексической единицы в новейший период истории русского языка и общества), *лексикографический* (помета «нов.» или представленный в дефиниции конкретизатор «инновационное» и др.) и *функциональный* (отсутствие широкого распространения, низкий уровень употребительности, а также необычность и свежесть на фоне широкоупотребительных языковых форм). При этом степень инновативности лексемы всегда обусловлена количеством и качеством нового в ее структурном оформлении и семантике.

Материал и методы исследования

Для решения поставленных в работе задач, направленных на комплексный анализ современного состояния лексико-семантического поля «Социальная политика» и происходящих в нем динамических процессов, а также описания инновационного фрагмента исследуемой подсистемы применялся комплекс методов: 1) описательный метод, предполагающий наблюдение, обобщение и систематизацию языкового материала; 2) методика дефиниционного и компонентного анализа при описании плана содержания лексических инноваций; 3) метод историко-этимологического анализа; 4) методика учета экстралингвистического критерия для уточнения семантики иноязычных заимствований; 5) методика контекстуального анализа.

Материалом для исследования послужили данные современных терминологических словарей по социальной работе [4; 7; 20; 24–27; 29–31] и новейшие материалы журналов социально-политической тематики («Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры», «Вестник социальной работы и социальной политики», «Соционмия (социальная работа)», «Социальная политика и социальное партнерство», «СОТИС – социальные технологии, исследования», «Социологический журнал», «Журнал исследований социальной политики», «Мир России», «Социальная политика и социология», «Социальное обеспечение», «Социологическое обозрение», «Мир науки, культуры, образования», «Социологическая наука и социальная практика», «Полис. Политические исследования», «Социологический журнал РАН», «Социальная защита

в России», «Социальная работа», «Профессиональная библиотека работника социальной службы», «Отечественный журнал социальной работы» за 2005 – 2022 гг. и др.).

Результаты и обсуждение

Как показало исследование, значительную часть лексических инноваций исследуемой подсистемы составляют сильные неологизмы – новые узувальные слова общелитературного характера. Активизация процессов образования новых слов в лексико-семантическом поле социальной политики в русском языке собственно новейшего периода обусловлена в первую очередь экстралингвистическими причинами – возникновением новых явлений и понятий в сфере социальной политики и социальной работы. В результате такого воздействия появляются наименования: а) новых методик социальной работы (напр., *мобильные службы реабилитации* – «инновационная методика оказания социальных услуг комплексной реабилитации на дому» [20, с. 418], *социальное сопровождение* – «оказание гражданам содействия в получении социальной помощи» [20, с. 877], *кейсворк* – метод социальной работы, состоящий в оказании представителями социальных служб помощи нуждающимся людям [20, с. 311] и др.), б) новых моделей социальной работы (напр., *социальное вспомоществование* – «новая модель социальной работы с малоимущими семьями и малоимущими одиноко проживающими гражданами, которая предусматривает оказание адресной социальной помощи на условиях заключения социального контракта» [20, с. 844], *индивидуальная помощь, индивидуальные мастерские* и др.), в) новых видов социальной помощи (напр., *субсидия, президентские выплаты, социальные доплаты к пенсии* и др.), г) новых субъектов социальной помощи (напр., *Министерство труда и социальной защиты, Минобрнауки, Минздрав, Минюст, Федерация независимых профсоюзов* и др.), д) новых объектов социальной работы (напр., *безнадзорный, бездомный, мигрант, лицо без определенного места жительства (бомж)* и др.).

Сильные неологизмы лексико-семантической подсистемы «социальная политика» образуются за счет процессов заимствования, обусловленных явлениями интеграции России в международное пространство, и возможностей словообразовательной системы русского языка.

Среди неологизмов-заимствований подавляющее большинство составляют кальки (ср.: *продолженное образование* от англ. continuing education – образование для взрослых, меняющих профессиональную ориентацию или дополняющих образование, полученное в школах, колледжах или университетах; *университет третьего возраста* от англ. university of third age – инновационная форма социального обслуживания, социальной реабилитации граждан пожилого возраста и инвалидов, предусматривающая получение образовательных услуг, способствующих раскрытию внутренних возможностей и потребностей граждан пожилого возраста и инвалидов с целью их активизации и самореализации, а также успешной адаптации в обществе [20, с. 962]; *цифровая эксклюзия* от англ. digital exclusion – невозможность получить доступ к цифровым ресурсам, сложности и ограничения в их использовании),

в том числе семантические (ср.: *Армия спасения* от англ. The Salvation Army — «организация, оказывающая нуждающимся социальную, медицинскую, консультативную поддержку, предоставляющая им материальную помощь в чрезвычайных ситуациях» [20, с. 393]), а также собственно заимствованные слова (ср.: *краудфандинг* от англ. crowdfunding — «коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы, чтобы поддержать усилия других людей / организаций» [20, с. 974]; *фандрайзинг* от англ. fundraising — «в учреждениях социального обслуживания населения; поиск и привлечение финансовых и материальных ресурсов, сбор средств для осуществления проектов» [20, с. 975]; *нетворкинг* от англ. networking — «социальная и профессиональная деятельность, направленная на максимально быстрое и эффективное решение сложных жизненных задач» [20, с. 464]; ср. также: *шедоунг*, *баддинг*, *тьюторинг*, *коучинг*, *менторинг*, *сторителлинг*, *скаффолдинг*, *секондмент* и др.). Преимущество отмеченных калек состоит, безусловно, в их мотивированности и, следовательно, большей понятности и доступности носителям языка. «Преобладание в русскоязычном материале калек, полукалек и описательных соответствий говорит о том, что для носителей русского языка прямые заимствования из английского языка обладают более выраженными ксеногенными коннотациями, что влечет за собой стремление к прояснению мотивов номинации посредством воспроизведения словообразовательной структуры слова-оригинала средствами родного языка» [17, с. 164]. Что касается семантических калек, то в настоящее время появляются новые значения в основном у лексических единиц англоязычного происхождения, ранее заимствованных в русский язык.

Кроме того, можно отметить ставший регулярным в подсистеме социальной политики в частности и в русском языке в целом процесс заимствования аббревиатур, ср.: ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения от англ. WHO (World Health Organization); МОТ — Международная организация труда от англ. ILO (International Labour Organization). Следует подчеркнуть, что аббревиатуры, рассматриваемые как «самостоятельные морфемы, всегда сохраняют семантическую мотивированность исходных сложных существительных и словосочетаний, то есть между ними устанавливаются отношения тождества» [19, с. 152]. В одних случаях заимствованные слова, формирующие состав ЛСП «Социальная политика», в новейший период развития русского языка образуют целые словообразовательные ряды (ср.: *ВОЗовский*, *ВОЗовцы* и др.), в других — могут заимствоваться целые словообразовательные гнезда (ср.: *краудфандинговый*, *фандрайзинговый*, *фандрайзер* и др.).

Помимо заимствованных лексем, сильные инновации в сфере социальной политики и социальной работы представлены словообразовательными неологизмами (ср.: *Минвостокразвитие*, *МРОТ*, *бюджетник*, *ФНБ* — *Фонд национального благосостояния*, *ПФР* — *Пенсионный фонд России*, *соцконтракт*, *бюджетирование (социальное)*, *гиперперсонализация*, *депуляция* и др.) префиксального и суффиксального характера, в том числе с особого рода аффиксоидами (ср.: *арт-терапия*, *библиотерапия*, *музыкотерапия*, *меммуаротерапия*, *гарденотерапия*, *социотерапия* и др.), компонентами сложного слова, «повторяющимися с одним и тем же значением в

составе ряда слов и приближающимися по своей словообразовательной функции к аффиксу-суффиксу» [21, с. 26]). Как видно, основной корпус сильных лексических инноваций формируют имена существительные, что обусловлено ведущей функцией неологизмов — номинировать новые предметы, явления и понятия, поэтому количество и разнообразие словообразовательных моделей неологизмов — имен существительных больше, чем словообразовательных моделей глаголов (ср.: *персонализировать, бюджетировать* и др.) и имен прилагательных (ср.: *клиенто-сервисный, риск-ориентированный, профессионально-личностный, беззаявительный, самозанятый* и др.).

Немало образованных на русской почве сильных инноваций отмечается также среди фразеосочетаний, пополнивших в новейший период развития русского языка лексико-семантическое поле «социальная политика». К таким новым фразеосочетаниям относятся, например, следующие: *расширенное материнство* — совмещение материнства и профессиональных обязанностей [3; 6]; *социальный работник* — «специалист, профессиональная деятельность которого заключается в предоставлении социальных услуг гражданам, признанным нуждающимися в социальном обслуживании» [20, с. 886], *социальное сиротство, социальный патруль, персонализация госуслуг, снижение бедности, пособие по безработице* и др.

Слабые (относительные) лексические инновации в исследуемой подсистеме представлены в первую очередь семантическими неологизмами, процесс развития которых находит отражение прежде всего в количественных и качественных изменениях на уровне семантической структуры или на уровне денотативного компонента значения словесных знаков. Ср., например, новые ЛСВ в семантической структуре следующих лексических единиц, широко используемых в языке сферы социальной политики: *добровольчество* — «форма социального служения, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг» [20, с. 231–232] вместо «участие в какой-л. организации, в каком-л. движении по своей доброй воле» [23, т. 1]; *взаимопомощь* — «сравнительно новая ценность для системы социальной поддержки россиян; участие социальных работников в совместных усилиях людей, направляемых на оказание помощи друг другу в похожих ситуациях» [20, с. 111–112] вместо «помощь, оказываемая друг другу взаимно» [23, т. 1]; ср. также: *трансферт* — «1) перевод иностранной валюты или золота из одной страны в другую; 2) перевод денежных средств на какие-либо цели из центра в регионы, предусмотренный государственным бюджетом» [8]: «О распределении межбюджетных трансфертов на создание системы долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами» (из газеты). Семантические неологизмы образуются путем внутрисловной деривации на основе метафоризации и метонимизации (напр., «серебряное» *добровольчество* — о волонтерском движении среди граждан старшего возраста, *безбарьерная среда* — среда, которая создает легкие и безопасные условия для наибольшего числа людей [20, с. 76]; *оздоровительный налоговый вычет; интервенция в социальной работе* — «методика, направленная на изменение текущего процесса (например, неадаптивных моделей поведения)» и др.). Процессы расширения и сужения значения также относятся к спо-

собам семантических преобразований в современной лексике социальной политики. Расширение значения слова, понимаемое как «парадигматически обусловленное изменение семантики, базируется на связях между членами одной и той же лексико-семантической парадигмы» [28, с. 55]. В случае расширения значения слово начинает называть более общее понятие и демонстрирует широкие возможности сочетаемости. Одновременно происходит процесс формирования новых устойчивых выражений: *линейка* – *линейка налоговых вычетов*; *пакет* – *бюджетный пакет*, *пакет инициатив* и др. При сужении значения добавляются видовые, дифференцирующие семантические признаки и происходит его специализация (напр., *старение* – состояние по гл. *стареть* и *старение населения* – демографическое старение, увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста), ср. также: *посредничество* – *социальное посредничество*; *здоровье* – *социальное здоровье*; *портфель* – *законотворческий портфель*, *пассивность* – *административная пассивность* в значении «результат ограничения бюрократами активности государственных служащих и общественности» и др.

Появление слабых инноваций может быть обусловлено также семантическим сдвигом, который затрагивает словесные знаки, в плане содержания которых произошло исчезновение идеологизированных денотативных сем, указывающих на отнесенность той или иной реалии к «буржуазному обществу» или «дореволюционной России». Ср.: «*благотворительность* – в буржуазном обществе: оказание частными лицами материальной помощи неимущим; филантропия» [23, т. 1]; «*попечительство* – благотворительное учреждение в дореволюционной России для оказания помощи кому-либо» [23, т. 3]; *субсидия* – «пособие, преимущественно в денежной форме, предоставляемое государством за счет средств государственного бюджета местным органам власти, юридическим и физическим лицам, другим государствам... практика субсидирования в капиталистических странах носит классовый характер и подчинена интересам монополистического капитала; в социалистических странах субсидия не применяется» [5]. В плане содержания отдельных словесных знаков происходит разрушение денотативных семантических компонентов, несущих информацию о принадлежности понятия социалистическому / коммунистическому обществу. Так, например, в лексикографических изданиях советской эпохи словесный знак «наставничество» имел следующее толкование: «*наставничество* – в СССР форма коммунистического воспитания и профессиональной подготовки молодежи на производстве, в профессионально-технических училищах передовыми опытными рабочими, мастерами, инженерно-техническими работниками» [5]. В настоящее время реактивированная лексема имеет в новейших словарях следующую дефиницию: «*наставничество* – форма оказания помощи различным специалистам сферы социального обслуживания населения на пути освоения ими своей профессии с целью повышения квалификации и продвижения по карьерной лестнице» [25] – и функционирует в речи в составе новых словосочетаний: *ситуативное наставничество*, *партнерское наставничество*, *скоростное наставничество*, *флэш-наставничество*, *виртуальное наставничество*, *реверсивное наставничество* и др.

Особую группу лексических инноваций формируют так называемые тематические неологизмы, извлеченные из профессиональных областей человеческой деятельности, не связанных ранее с социальной сферой. Так, например, состав лексико-семантического поля «Социальная политика» расширился за счет терминов и терминологических сочетаний прежде всего из сферы цифровых технологий (ср.: *оцифровка, электронный сертификат, ПК, цифровые сервисы, электронный больничный лист, электронная самозанятость, платформы цифрового труда* и др.), экономики и финансов (ср.: *социальный менеджер, рынок социальных услуг, нерыночные факторы бедности, стимулирующие выплаты, инвестиции в человеческие ресурсы* и др.) и сферы обслуживания (ср.: *клиент социальных услуг, клиентоцентричность социальной сферы, социальное обслуживание* и др.).

Помимо семантических неологизмов, слабые инновации исследуемой сферы представлены также значительной группой актуализированных словесных единиц, повысивших в новейший период развития русского языка свою функциональную значимость и частотность употребления. Сказанное касается, например, сравнительно недавно вошедших в современный русский язык слов и словосочетаний *социальная работа, социальная помощь, дорожная карта, клиент социальной службы, третий возраст*, а также давно известных в русском языке слов *милосердие, гуманизм, попечительство, приют, патронаж, опека, взаимопомощь, благотворительность, дом трудолюбия* и многих других.

Очевидно, что одни из отмеченных лексических инноваций, закрепляясь в языке и речи, могут приобретать статус узувальных языковых знаков с присущими им традициями или входят в терминосистему социальной политики и развиваются согласно ее законам; при этом другие могут остаться словами-однодневками, стремительно исчезнув из практики употребления.

Выводы

В целом, как показывают исследования, лексико-семантическая подсистема «социальная политика» весьма активно пополняется за счет сильных и слабых инноваций. Совершенно очевидно, что процессы заимствования и словообразовательные процессы русского языка как основные способы расширения исследуемого разряда словаря отражают две важнейшие особенности: с одной стороны, открытость языковой системы по отношению к иноязычным языковым элементам (ср.: «язык на этапах эволюции отторгнет избыточные элементы, заимствованные же лексические единицы, которые смогли адаптироваться в системе, включиться в системные отношения в языке, обогатят русский язык, как уже не раз происходило в прошлом» [16, с. 172]) и, с другой — сохранение языковых традиций: большая часть неологизмов образована по существующим в русском языке словообразовательным моделям. Безусловно, следить за изменениями в словаре своего языка важно и нужно, поскольку «неологизмы — дыхание языка... они удостоверяют, что язык активен и продолжает функционировать» [1, р. 10].

Список литературы

1. Barnhart R., Barnhart C. The Dictionary of Neologisms // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires : An International Encyclopedia of Lexicography / ed. by F.J. Hausmann, O. Reichmann, H.E. Wiegand, L. Zgusta. N.Y. ; Amsterdam ; Berlin, 1989. Vol. 1.
2. Zavarzina G.A., Dankova T.N. Actual problems of terminological system development of new state administration // The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH-2019). Art. №00138. doi: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900138>.
3. Антология социальной работы : в 5 т. / Ин-т психосоциал. работы ; сост. М. В. Фирсов. М., 1994.
4. Баркер Р. Словарь социальной работы / пер. с англ. М., 1994.
5. Большая советская энциклопедия : в 30 т. М., 1969–1978.
6. Галиндабаева В.В. Идеология расширенного материнства: забота о детях сельских мигранток в Бурятии // Журнал исследований социальной политики. 2015. №1 (13). С. 7–20.
7. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе. СПб., 2008.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000.
9. Заварзина Г.А., Загоровская О.В. Инновации, связанные с обновлением лексического состава, в языке государственного управления современной России // Политическая лингвистика. 2012. №2 (40). С. 80–83.
10. Заварзина Г.А. Процессы неологизации в лексической подсистеме тематической сферы «государственное управление» в современном русском языке // Язык и культура. 2014. №1 (25). С. 14–21.
11. Заварзина Г.А. Собственно семантические инновации в лексической подсистеме сферы «Государственное управление» в русском языке новейшего периода // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2012. №5. С. 31–34.
12. Заварзина Г.А. Языковые инновационные процессы в лексико-семантической подсистеме «Государственное управление» в русском языке XXI века // Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. (20–22 сентября 2018 года). Ижевск, 2018. С. 19–20.
13. Конституция Российской Федерации 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) : учеб. пособие. М., 1976.
15. Маликов А.Н. Социологический анализ взаимодействия власти и общества в системе социальной защиты населения // Наука и современность. 2010. №1-2. С. 65–68.
16. Нестерская Л.А. Языковые средства формирования оценочности в современной публицистике // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 2002. Вып. 21. С. 171–178.
17. Никитина О.А. О способах дискурсивной индикации неологизмов на стадии узуализации (на материале немецкого языка) // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления) : сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 163–168.

18. *Основы социальной работы* : учебник / П. Д. Павленок, А. А. Акмалова, В. М. Капицын и [др.]. 4-е изд. испр. и доп. М., 2015.
19. *Ревеко Л. С.* Аббревиация как путь создания лексических инноваций в терминологии металлообработки // *Вестник Брянского государственного технического университета*. 2008. № 2 (18). С. 151 – 154.
20. *Российская энциклопедия социальной работы* / под общ. ред. Е. И. Холостовой. М., 2016.
21. *Русский язык* : энциклопедия. М., 1979.
22. *Сенько Е. В.* Неологизация в современном русском языке конца XX века : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
23. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981 – 1984.
24. *Социальная политика* : энциклопедия / под общ. ред. Н. А. Волгина, Т. С. Сулимовой. М., 2006.
25. *Социальная политика* : толковый словарь / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; под общ. ред. Н. А. Волгина. 2-е изд., дораб. М., 2002.
26. *Социальная работа* : словарь терминов / под ред. Е. Н. Приступы ; пер. Е. Н. Приступы, П. А. Степичева, М. С. Фионовой. М., 2015.
27. *Социальное государство*. Краткий словарь-справочник. М., 2002.
28. *Способы номинации в современном русском языке* / под ред. Д. Н. Шмелева. М., 1982.
29. *Справочное пособие по социальной работе* / под ред. А. М. Панова, Е. И. Холостовой. М., 1997.
30. *Холостова Е. И.* Глоссарий социальной работы. 3-е изд. М., 2008.
31. *Энциклопедия социальных практик поддержки инвалидов в Российской Федерации* / под ред. Е. И. Холостовой, Г. И. Климантовой. М., 2015.

Об авторе

Екатерина Игоревна Колесникова — асп., Воронежский государственный педагогический университет, Россия.

E-mail: kolesnikovaeki@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0990-2185

The author

Ekateterina I. Kolesnikova, PhD Student, Voronezh State Pedagogical University, Russia.

E-mail: kolesnikovaeki@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0990-2185

И. А. Королева

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ:
ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ

Поступила в редакцию 30.06.2022 г.

Рецензия от 25.07.2022 г.

36

Фрагмент речевого портрета современной русской женщины рассматривается через восприятие личного имени. Показана роль личных имен в жизни женщины, осмысление имянаречения, особенности функционирования некоторых имен в речевой коммуникации. Анализируются тенденции изменения параметров женского имени в различные исторические периоды, причины этих изменений. Рассматривается вопрос о языковой моде в ономастике, указываются признаки модного имени и модные женские имена сегодня. Подчеркивается значимость личных имен для осознания женской языковой личности.

The article studies a fragment of the speech portrait of a modern Russian woman through the perception of a personal image. The role of personal names in women's lives, the comprehension of naming, and the features of name functioning in verbal communication are indicated. The author analyzes the tendencies of changes in naming in various historical periods, as well as the reasons for such changes. The paper also studies the trends in the selection of names, identifies the criteria for a fashionable name and lists the popular names of the current time. The meaning of the name turns out to be significant to understanding the female linguistic personality.

Ключевые слова: языковая картина мира, речевой портрет современной русской женщины, личное имя, именование в жизни женщины, имянаречение в жизни женщины

Key words: language picture of the world, speech portrait of a modern Russian woman, personal name, naming in a woman's life, name selection in a woman's life

Языковая личность в коммуникативном аспекте представляется, как правило, посредством понятия «речевого портрет», обязательно соотношенного с категорией *gender*. При этом гендер мыслится как лингвокультурное и социальное явление, базирующееся на стереотипах мужского и женского начала, «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает исполнять людям в зависимости от их биологического пола» [4, с. 3].

Необходимо сказать, что современное российское общество активно поддерживает существование и функционирование в русской лингвокультуре гендерных различий, зачастую в противовес западной тенденции унификации индивидуумов по признакам пола. Мода, симво-

лика, этикет — все это направлено на поддержание и закрепление уже ставших в какой-то мере стереотипными представлений о мужском и женском началах. В последние годы вышел целый ряд работ, в которых рассматриваются особенности женской языковой личности, представляются индивидуальные и коллективные речевые портреты современной женщины, — например [1; 3; 5; 9; 10]. Естественно, основное направление подобных исследований — лингвокультурологическое с привлечением социальных факторов, что дает возможность комплексно представить необходимые для анализа сведения языкового, речевого, культурологического и социального плана.

Немаловажным материалом для составления речевого портрета женщины выступают личные имена. Имянаречение в жизни женщины — специальный вопрос ономастики, рассмотрение которого позволяет подтвердить или опровергнуть некоторые существующие социокультурные и психологические стереотипы.

Очень долго в России женский именной включал меньшее количество имен, чем мужской, и был отчетливо социален. В. А. Никонов отмечает, что в XVIII в. женские именованья больше, чем мужские, отражают общественное неравенство их носителей. «Одними и теми же именами, — продолжает исследователь, — пользуются преимущественно крестьянки и пренебрегают дворянки. Характерна, к примеру, судьба имени Мария. В начале XVIII века оно еще редко у крестьянок; у дворянок постепенно находило признание и к концу столетия вышло на первое место. Затем его стали давать и крепостным в честь барыни или барышни — может быть, не без надежды на барскую милость...» [11, с. 22–23]. Уже к середине XIX в. имя Мария в крестьянской среде заняло по частоте бытования второе-третье место. В дворянской среде его активность сразу же снизилась.

Для XX в. рассмотрим бытование имени Мария в смоленском именнике. Десятилетние контрольные срезы, взятые для исследования по хорошо известной методике В. Д. Бондалетова [2], дают следующие показатели. В 1908 г. имя Мария лидер: его получили 263 девочки из 2059 родившихся в этот год. В 1918 г. из 3017 записанных в ЗАГСх Смоленщины девочек Марий 431 (2-е место по частотности имянаречения: на 1-м Анна — 449 именованний). В 1928 г. из 3095 записей имя Мария засвидетельствовано 399 раз (1-е место). И это несмотря на достаточно заметную тенденцию к обновлению репертуара женских имен: активными становятся ранее не востребованные имена Валентина (2-е место), Нина (6-е), Зинаида (7-е) и т. д.

В 1938 г. записей девочек 20609, и наконец-то имя Мария сдает лидерские позиции — десятка первых частотных имен полностью обновилась: Валентина, Галина, Тамара, Нина, Людмила, Раиса, Светлана, Лидия, Зинаида, Лариса. Имя Мария лишь 13-е — всего 56 именованний. Однако в пределах двадцатки имен Мария все же продолжает бытовать в регионе.

Контрольный срез 1948 г. показывает, что рождаемость, естественно, снизилась — записано всего 1793 новорожденные девочки. Имя Мария ушло в число редких — всего 19 записей. Популярными именами остались прежними (например, частотность имени Валентина — 313 именованний).

К 1958 г. рождаемость повышается — девочек записано 2858, а имя Мария по-прежнему редкое — всего 12 именовании. Не увеличивается популярность имени и в следующем срезе: из 2333 записей новорожденных Марий только 8 (30-е место, лидер Елена — 380 именовании).

Рост частотности имени приходится на 1978 г.: оно занимает 16-е место: из 3149 записей Марий 38 (лидер Наталья — 455 записей). В 1988 г. у Марии уже 8-е место: из 3500 именовании девочек 160 Марий (лидер Екатерина — 2887 названных). В конце века имя Мария фактически возвращается: оно 3-е в группе частотных (84 названных из 1795). Лидером становится Анастасия — 216 записей [8, с. 142–190]. В начале века Мария закрепляет свою активность: оно по-прежнему 3-е (125 именовании из 2095 новорожденных девочек), лидер — Анастасия (302 именовании). В 2018 г. опять начинается своеобразное оттеснение имени Мария, но, несмотря на очередную смену именника, окончательно десятку популярных имен оно не покидает, занимая почетное 10-е место (116 именовании из 2906 записанных новорожденных девочек).

Попытка вскрыть социальный фон употребления имени Мария сегодня не позволила четко его выявить. Имя внесоциально: его дают как в городе, так и в деревне, среди разных социальных слоев населения региона. Скорее всего, возвращению и внесоциальному распространению имени Мария способствуют такие факторы, как его международный характер, вхождение в святцы и возможность давать имя при крещении, а также символика имени: Мария — образ русской женщины (форма Марья), Иван да Марья — русские мужчина и женщина. Популярность имени обеспечивается и широким набором производных: Маша, Маруся, Маня и пр. Маша — героиня русских народных сказок, героиня современных мультфильмов. Имя имеет широкий историко-культурологический фон: носители имени — личности, воздействовавшие на развитие социума, как, например, меценатка княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, героиня Великой Отечественной войны Мария Октябрьская, актриса Мария Миронова. И конечно же, большую роль в поддержании его значения играет высокодуховный и неувядаемый образ девы Марии.

Фонетический комплекс имени также способствует его популяризации: благозвучные слоговые сочетания, трехсложный, но не перегруженный звуковой состав. Имени уже не одна тысяча лет: древнееврейское по происхождению, имя Мария закрепилось во многих языках мира.

В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина представлена форма имени Мария, Марья, как разговорная и отмечено, что имя высокочастотно в русском именнике [12, с. 249].

Как видим, смоленские материалы подтверждают эти наблюдения.

Если подробно рассматривать временные срезы качественных изменений в русском женском именнике, можно убедиться, что радикальная смена популярных имен произошла после 1917 г. Один из самых важных процессов — расширение границ женского именника, его быстрое обновление и превращение в более разнообразный по сравнению с мужским. Послереволюционный период (20–30-е гг. XX в.) в ономастике принято называть «антропонимическим половодьем» [2, с. 143]. Резкая и быстрая смена популярных женских имен связана с глобальным социальным процессом эмансипации женщин в новой России.

Рассмотрим изменения границ женского именника и смену приоритетов в именнаяречении женщин также на примере Смоленской области.

Все подсчеты проведены с учетом среднего коэффициента одноименности (СКО), который был определен В. Д. Бондалетовым [2]. Он учитывается путем деления числа новорожденных на количество имен соответствующего среза. Имена с числом носителей выше этого показателя или равным ему обычно считают частотными для рассматриваемого среза, с более низким — редкими.

Приведем конкретные цифры. Мужской именник на Смоленщине в 1918 г. составил 107 единиц, СКО равен 21 единице. Женский именник составил 80 имен, СКО — 37 единиц. В 1928 г. репертуар мужских имен включал 125 имен, СКО 30 единиц, женский — 142 имени, СКО 21 единица. Впервые женский именник по параметрам стал объемнее мужского. Еще бóльшая разница имеет место в 1938 г.: мужских имен засвидетельствовано 91, а женских 139, СКО — соответственно 30 и 19 единиц. Эти данные убедительно говорят о безоговорочной «победе» женского именника в сравнении с мужским. Естественно, при этом становится выше частотность популярных имен и растет объем редких и единичных имен.

Репертуар женских имен обновлялся за счет смены частотных имен: так, в 1938 г. (контрольный год антропонимического половодья) среди имен первой десятки не осталось ни одного, популярного до революции или в первые годы Советской власти. Расширение именника очень заметно: уже в 1928 г. отмечается его увеличение на 62 единицы, количественные параметры именника возросли почти вдвое [8, с. 154], в то время как мужской именник увеличился лишь на 15 единиц. В 1938 г. мужской именник вообще стал сужать свои границы, в то время как женский оставался неизменным.

Расширение именника идет за счет введения в него большого числа заимствований, особенно из германских языков: Берта, Вильгельмина, Бригитта, Эльза, Эльвира, Элеонора и др. Амалия, Генриетта, Марта, Нелли и др. стали уже не единичными, а вошли в разряд редких: Эмилия — 7 именований, Адель — 5 и пр.

Появились и новообразования советской эпохи: Октябрина, Нинель, Энгельсина, Майя, Коммуна, Искра и др. Некоторые наиболее удачные имели определенную частотность: Майя — 7, Октябрина — 5, Нинель — 3. Расширялся именник и за счет введения в него некрестильных старых имен: Лада, Малуша, Некраса, Лебедь, Голуба и т. д. Тенденция к экономии языковых ресурсов закрепила в именнике формы имен в качестве паспортных: Катя, Лида, Зина, Таня и пр. Активнее стали полные имена типа Зоя, Вера, Кира, Лия, Дина. К двусловным княжеским именам появились женские варианты: Ярославa, Святославa, Брониславa, Добромира.

Родители (в основном женщины) занимались креативным имятворчеством, чтобы особо выделить своего ребенка. Отмечены индивидуально образованные имена Дальтания, Иголия, Карилия, Эльвентина (возможно, своеобразный гибрид Эльвиры и Валентины), Эта [8, с. 152–161].

Антропонимическое половодье 20–30-х гг. XX в. показало, как свободно и активно менялся женский именник. Это еще раз на ономастическом уровне позволяет говорить о быстром процессе эмансипации женщин.

В послевоенной России вместе с восстановлением народного хозяйства и быстрым развитием страны начинается стабилизация именника, которую достаточно подробно описал В. А. Никонов [11].

Его наблюдения подтверждает смоленский материал. Стабилизация именника началась уже в первый послевоенный период. Так, срез 1948 г. показал значительный рост СКО — 27 единиц против 19 в 1938 г. Сокращается доля единичных имен, заимствований и индивидуальных образований.

В 1958 г. СКО продолжает расти — 47 единиц, единичные имена сократились еще на 27 %.

Некоторая «свобода» в имянаречении, особенно женщин, обнаруживается срезом 1968 г. Возможно, это связано с либерализацией в стране, наступившей после XX съезда КПСС и осуждения культа личности. Вновь достаточно широко распространяются заимствованные имена (Анжелика, Анжела, Эльвира, Лиана, Рената и пр. Некоторые из них получили достаточную популярность. Так, после успешного показа в кинотеатрах страны серии фильмов об Анжелике это имя стало регулярно фиксироваться в женском именнике. Возобновляется и словотворчество: Нея, Эльвина, Юната, Зана.

На материале имен этого среза можно отметить, как именование реагирует на изменения в социуме. Тенденция к стабилизации прервалась.

Срез 1978 г. показал укрепление стабильности в имянаречении и границ именника. СКО увеличился на 8 единиц. Из единичных и редких имен выявляются будущие лидеры: Ксения, Юлия, Виктория. Практически сразу же вошло в репертуар популярных имен имя Олеся — 15-е место, 39 именовании на тысячу новорожденных девочек. Девятое место у имени Оксана — 146 именовании. Но первая пятерка стабильна и практически соотносима со многими другими русскими регионами: Наталья, Елена, Ольга, Татьяна, Ирина [8, с. 178]. Стабильность характеризуется повышением одноименности: так, 53 % новорожденных девочек названы именами первой пятерки [8, с. 180].

Новые процессы в социуме начинают отражаться в именнике сразу же после начала перестройки (1985 г.), о чем свидетельствует срез 1988 г. Репертуар женских имен расширился на 12 единиц (мужской — на 6). Обновляются и популярные имена, правда, этот процесс еще только начался: Екатерина, Ольга, Татьяна, Анна, Юлия. Сокращается одноименность: лишь 37 % новорожденных девочек названы именами первой пятерки.

Конец века приносит самые серьезные изменения (срез 1998 г.). Полностью сменилась первая пятерка имен: Анастасия, Екатерина, Мария, Дарья, Алина. Резко снизился СКО, а значит, уменьшилась и концентрация имен — 17 единиц (38 в 1988 г.). Отмечается довольно устойчивая тенденция к новой христианизации именника: родители начинают использовать имена из старого, неостребованного ранее фонда канонических имен (Варвара, Таисия, Ульяна, Фаина). Появляются имена нехристианские, связанные с фольклором и язычеством: Лада, Лола, Любава, Милена и пр. Вновь границы расширяются за счет заимствований: Стелла, Глория, Джессика, Мэри, Ирэн и пр. Имеет место новое имятворчество: Виллора, Видана, Эверия. Переломные 90-е годы, безусловно, отразились в женском именнике ярче, чем в мужском [8, с. 188].

В различных областях общественной жизни происходили глубокие изменения — экономические, политические, социальные. Усилилось и влияние православной церкви на общество. В обычаи вновь стало входить крещение новорожденных и их именование по святцам. «В дальнейшем обязательно нужно учить ребенка почитать святого покровителя, отмечать именины. Возрожденную традицию в основном поддерживают женщины, для которых обращение к святой истине, духовной составляющей бытия становится потребностью и своеобразной поддержкой в жизни» [7, с. 122].

На протяжении всего первого десятилетия XXI в. число крещеных детей растет и одновременно увеличивается доля крестильных имен из старого фонда. Так, для девочек это имена Евдокия (Дуся), Пелагея, Ефросинья (Фрося), Ульяна, Таисия, Анфиса, Ираида. Естественно, такие имена стараются давать в соответствии со святцами. Но имеет место и именование крестильным именем по выбору родителей. Так, модными стали имена из святцев София, Ксения, Виктория и некоторые другие.

Востребованы и традиционные имена: Екатерина, Мария, Елизавета, Анна, Ирина, Ольга, Наталья. Особо отметим имя Татьяна: анкетирование студентов 5 курса филологического факультета Смоленского государственного университета (29 человек) по вопросу о выборе имени для будущего малыша показало, что около 20 % опрошенных выбрали имя Татьяна, упомянув о покровительнице студентов святой Татьяне.

Также следует затронуть вопрос о модном имени, который сегодня привлекает внимание ономастов и существен для составления речевого портрета современной русской женщины. Модное имя, особенно женское — это яркое явление в антропонимиконе сегодняшнего дня. Языковая мода опирается на три признака: современность, универсальность и демонстративность. Модное обязательно ново, современно по отношению к предыдущему антропонимическому стандарту, а также частотно, массово; модное имя, естественно, стремится выделиться из массы других личных именовании [6, с. 105].

Обобщив анализ данных ЗАГСов более чем 20 регионов России за период с 1991 по 2014 г., О. В. Врублевская, известный волгоградский специалист по языковой моде в ономастике, выделила четыре модных женских имени среза 2009 — 2014 гг.: София, Виктория, Полина и Ксения. Одновременно отмечается тенденция психологического характера: проведя опрос респондентов, О. В. Врублевская пришла к выводу, что чрезмерная популярность модного имени уничтожает его демонстративность и приводит к уходу из активного именника, то есть имя перестает быть модным [6, с. 148 — 149].

Мы проверили это предположение, исследовав временной срез 2018 — 2022 гг. на материале именника города Смоленска. Предварительно были проанализированы имена девочек смоленских школ 2009 — 2014 гг. рождения (по классным журналам 14 школ города, около 500 учащихся). Выявлены модные имена София, Виктория, Ксения, Полина, Кристина. Как видим, репертуар совпадает с данными о модных именах в большем масштабе, имя Кристина — особенность приграничного смоленского региона. Именник же новорожденных последних лет уже иной: выявлены модные имена Ева, Карина, Алина, Дарья, Яна (последнее, возможно,

тоже особенность приграничья). Остается востребованным имя София. Частотными также являются имена Оксана и Олеся. Можно предположить, что последнее из них — также влияние белорусского именника. Отмечены демонстративные имена — Агата, Милана, Есения, Слава.

Интересным нам видится определение востребованных имен по шкале оценки *красивое, благозвучное / некрасивое, неблагозвучное*. Для этого мы провели опрос респондентов — студентов филологического факультета Смоленского государственного университета. В эксперименте приняли участие 65 человек, в основном девушки, то есть мы выявили женский взгляд на эстетическую составляющую имен. Красивыми именами оказались практически только традиционные имена, проверенные временем: Елена, Наталья, Светлана, Мария, Анастасия. Последнее долго было популярным и модным именем — почти два десятилетия (конец 1990-х — середина второго десятилетия XXI в.), и, как видим, оно по-прежнему нравится девушкам.

Итак, проанализировав историю женского именника и его современное состояние, можно сделать следующие выводы.

Именование женщины и в прошлом, и в настоящем имеет большое значение для восприятия женской языковой личности, поэтому исследование ономастического фрагмента этой личности позволяет осознать восприятие женщины в обществе.

Женский именник меняется в зависимости от социальных факторов, одним из которых является эмансипация женщин как значимый общественный процесс.

В выборе при имянаречении женщины учитывают различные факторы, в том числе фактор моды на имена. Кроме того, сегодня все активнее действует тенденция именовать новорожденную по святцам. Существует также влияние при имянаречении имен значимых общественных личностей-женщин.

Сегодняшний женский именник очень разнообразен и позволяет выбрать для новорожденной девочки то имя, которое удовлетворит вкусы и пристрастия родителей.

Список литературы

1. Бирюкова Е. О. Языковая личность в контексте языковой игры (на материале российских ток-шоу) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2012.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.
3. Власкова М. В. Языковая личность бывшего сельского жителя : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2012.
4. Войченко В. М. Теоретические предпосылки к созданию речевого портрета современной женщины // Языковая личность. Речевые жанры. Текст : сб. тр. Всерос. науч. конф. М., 2010. С. 2–7.
5. Войченко В. М. Фрагмент речевого портрета современной русскоязычной женщины : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2012.
6. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике : монография. Волгоград, 2017.
7. Королева И. А. Имянаречение в жизни женщины // Фрагмент русской языковой картины мира «Жизнь женщины» : монография / под ред. В. В. Леденевой. М., 2013. С. 112–126.

8. *Королева И. А., Данилова И. В., Соловьева А. Н.* Имена на Смоленщине: история и современность : учеб. пособие. Смоленск, 2005.

9. *Кочеткова Т. В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.

10. *Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М.* Социальная психология малой группы : учеб. пособие. М., 2001.

11. *Никонов В. А.* Ищем имя. М., 1988.

12. *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. М., 2006.

Об авторе

Инна Александровна Королева — д-р филол. наук, проф., Смоленский государственный университет, Россия.

E-mail: innakor@mail.ru

The author

Prof. Inna A. Koroleva, Smolensk State University, Russia.

E-mail: innakor@mail.ru

Е. Ю. Ваганова, Г. П. Кофанова

ЗАИМСТВОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В УСЛОВИЯХ СИНТЕЗА СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Поступила в редакцию 07.07.2022 г.

Рецензия от 27.07.2022 г.

44

Изучаются особенности заимствования слов-концептов дискурсивного поля «Экологичность». На примерах из немецкоязычных СМИ описываются процессы вхождения новых слов в немецкий язык и характер их функционирования в медийном дискурсе 2019 – 2022 гг. Актуальность исследования заключается в выявлении и описании при помощи контекстуального дискурсивного анализа новых глобальных концептов, функционирующих в синтетической коммуникационной среде с целью обмена информацией в публичном поле. Целью исследования стало выявление и описание некоторых новых концептов, заимствованных из иноязычных языковых культур в немецкий язык, а также поиск наиболее значимых языковых ассоциаций в немецкоязычных СМИ для выявления ценностной характеристики новых концептов.

The article considers specifications of word-concept borrowing in the discourse field "Environmental friendliness". On the examples from German-language media the article describes the processes of new words' access to the German language and the nature of their functioning in the media discourse 2019 – 2022. The relevance of this study is to identify and describe, through contextual discourse analysis, new global concepts that function in a synthetic communication space with the view to exchanging information in the public space. The study aims to identify and describe some new concepts German borrowed from foreign cultures and to search the most significant linguistic associations in German-speaking media in order to identify the valuable of the new concepts.

Ключевые слова: заимствование концептов, неологизмы, окказионализмы, манипуляция, социальные сети, СМИ

Keywords: concept borrowing, neologisms, occasional neologisms, manipulation, social media, media

Одной из основных особенностей современной глобальной коммуникации является тесное переплетение социальных сетей и СМИ. Манипуляция общественным мнением, формирование и выражение социальной позиции, отражение общественных настроений — все эти типичные функции СМИ, отточенные и сформированные веками, — усиливаются в настоящее время параллельным давлением социальных сетей с их мощным потенциалом рационального и суггестивного влияния на реципиентов.

Исследование современного немецкоязычного медиадискурса показало, что процесс вхождения нового концепта из одного языка в другие в современном мире ускорился благодаря синтезу СМИ и социальных сетей (таких как «Твиттер»). Переход от этноспецифичного типа концепта, который отличается сложностью перевода на другие языки, к антропоцентрическому, понятному без дополнительного пояснения [4], осуществляется по мере накопления языковых ассоциаций и зависит от эффективности продвижения идеи, составляющей ядро концепта, в социальных сетях.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных лингвистов из области неологии и когнитивной лингвистики [1–8]. Необходимость описания новых и сверхновых концептов обусловлена тем, что в них, по точному выражению О.В. Олейник и О.Л. Уткиной, «конденсируются объемные смыслы», которые «осуществляют... интерпретацию действительности на концептуальном уровне» [8, с. 318].

В основу нашей работы лег также тезис о том, что концепт «выражает не только совокупность признаков объекта, но и те представления, знания, ассоциации, переживания, которые с ним связаны» [3, с. 591–592]. Список базовых характеристик концепта, предложенный Г.А. Крюковой, включает ценностную характеристику. В своем исследовании, посвященном определению сущности концепта, она называет концепты «ключевыми номинациями фактов культуры», которые «на ментальном уровне оцениваются как *хорошо, плохо, интересно, страшно, весело* и т.д.» [6, с. 132]. Таким образом, изучение новых заимствованных концептов целесообразно проводить в рамках дискурсивного анализа.

Объектом исследования были выбраны иноязычные заимствованные слова-концепты 2019–2022 гг., имеющие разную смысловую и стилистическую нагрузку – от вербализации нового концепта до создания экспрессивности в виртуальной полемике. В современной лингвистике определения и классификации неологизмов постоянно уточняются [1; 2]. При этом акцент неизменно делается на том, что современные СМИ являются «популяризатором заимствований, реализуя, таким образом, функцию речевой интеллектуализации» [2, с. 22].

Материалом исследования послужили тексты немецкоязычных СМИ «Die Welt» и «Die Zeit». Для исследования ассоциативных связей заимствованных концептов необходимо обрисовать контекст их употребления, а именно напомнить о том, что информационная газета «Die Welt» ежедневно публикует большое количество аналитических материалов и пользуется популярностью в консервативных кругах Германии. Ежедневная газета «Die Zeit» придерживается более либеральных позиций, выходит большим тиражом и занимает свою нишу в Германии уже много десятилетий. Обе газеты имеют свои приложения для мобильного пользования и доступны во всех популярных в Германии социальных сетях.

Формирование концептов «Стыд за полет» и «Сверхтуризм»

Одним из наиболее интересных концептов, который заимствован из шведского, а не традиционно из английского языка, является концепт «Стыд за полет» – *flygskam* (швед.), *Flugscham* (нем.). Слово *die Flugscham*

уже зафиксировано в орфографическом словаре немецкого языка Duden, где его значение объясняется как «ощущение угрызений совести от причинения ущерба экологическому равновесию нашей планеты при выборе самолета как средства для совершения путешествий» [19]. В социальных сетях слово имеет отрицательную коннотацию и маркируется соответствующими значками.

История возникновения концепта «Стыд за полет», который благодаря социальным сетям очень быстро распространился в благополучных индустриально развитых странах, такова. Он появился и сформировался в Швеции, откуда, как известно, уже давно дует «зеленый ветер перемен». Слово было обнаружено Шведским языковым советом в ежедневной газете «Svenska Dagbladet» и зарегистрировано 14 марта 2018 г. как новая лексическая единица шведского языка. В 2020 г. слово включено в орфографический словарь немецкого языка Duden.

Идея, вокруг которой строится ядро концепта «Стыд за полет», появилась задолго до лингвистического оформления концепта. Экологическое движение против полетов на короткие расстояния, наряду с другими объективными экономическими причинами, привело к ощутимым снижениям показателей доходности авиакомпаний в Швеции, а затем и в Германии. В статье 2019 г. в газете «Die Welt» находим следующее употребление концепта «Стыд за полет»:

In Schweden ist der Trend sinkender Passagierzahlen bereits da. Nun scheint er auch Deutschland erreicht zu haben – zumindest bei Kurzstreckenflügen. Der Flughafenverband ADV sieht dafür aber andere Gründe als die sogenannte Flugscham [9].

Само понятие «Стыд за полет» в немецкой газете уже никак не поясняется, так как вошло в лексический фонд языка. В русском языке этот концепт еще не был заимствован, поэтому налицо трудность перевода слова.

В 2021 г. в ироничной статье колумниста «Die Zeit» под названием «Flugcharme» находим следующее употребление этого слова:

Neulich habe ich zum ersten Mal seit Beginn der Corona-Pandemie das Land verlassen, es ging in den Süden Portugals. Ich hatte ein kleines bisschen Flugscham – das schlechte Gewissen eines Großstädtlers, der selbstverständlich versteht, dass Fliegen klimatechnisch keine Zukunft hat [10].

Автор статьи вводит объяснение понятия, имеющее, однако, явно выраженную функцию демонстрации иронии. На это указывает также языковая игра противопоставления заголовка и ключевого слова статьи: *Flugcharme* (очарование полета) и *Flugscham* (стыд полета) [10].

Ироничное значение получает и новый глагол *sich flugschämen* в статье «Der dumme Weltbürger» («Глупый гражданин мира») из газеты «Die Zeit»:

Kerosinsteuer, CO2-Steuer, Klimaprämie, Deckelung von Flugreisen – da sind ja auch Ideen in der Verlosung. Aber ein kultureller Wandel, den eine Gesellschaft wirklich mitträgt, kann nicht verordnet werden. Und darauf zu setzen, dass man den Leuten ein schlechtes Gewissen machen kann – Flugschämt euch! –, könnte sauber nach hinten losgehen [11].

Примечательно, что у концепта «Стыд за полет» появился антиконцепт «Гордость от поездки на поезде», который также был заимствован из шведского языка (*tagskryt*) и переведен на немецкий (*Zugstolz*) [12]. Это новое слово имеет ярко выраженную положительную коннотацию в социальных сетях, но довольно иронично обсуждается в СМИ. Подчеркивается, что его употребление приравнивается к идентификации себя с состоятельным средним классом, который имеет достаточно денег и времени, чтобы ездить в отпуск на поезде.

В немецких СМИ появилось и соответствующее наречие – *zugstolz* ‘с гордостью от поездки на поезде’. Например: «Ein gelungenes Leben balanciert Empathie und Eigennutz. Das heißt konkret: Ich setze mich zugstolz in die Bahn und unverschämt ins Flugzeug. Ersteres so oft es geht, Letzteres nur, wenn es sich nicht vermeiden lässt» [12].

Перейдем к описанию примеров из сферы экотуризма. Здесь возник новый концепт – «Избыточный туризм» или «Сверхтуризм», в ядре которого лежит идея ответственности туристов за неизбежный ущерб от массового посещения в высокий сезон наиболее популярных городов, достопримечательностей, пляжей и природных парков. В русском языке в академическом контексте можно констатировать соответствующие лексические единицы *сверхтуризм*, *овертуризм* и даже странное слово *перетуризм* у блогеров.

Понятие заимствовано в немецкий язык из английского и зафиксировано в орфографическом словаре немецкого языка Duden, при этом форма английского слова была калькирована: *der Übertourismus*. В контексте статей о туризме в официальных СМИ используется, однако, англоязычный вариант, при этом неологизм маркируется кавычками, поясняется вводными предложениями, выводится курсивом.

...Gleichzeitig lehren uns Bürgerinitiativen gegen den „Overtourism“ wie zum Beispiel in Barcelona oder Amsterdam... [13];

...Overtourism, also die Überfüllung von Orten... [13].

Продолжая тему англоязычных заимствований, отметим, что заимствуется некоторая идея, образующая ядро нового концепта. Поскольку тексты СМИ призваны молниеносно реагировать на общественные движения, отображать динамику повседневной жизни и схватывать новейшие настроения и тенденции современности, то новые концепты сразу попадают в немецкоязычную языковую среду в исходной англоязычной форме, не подвергаясь дословному переводу или калькированию. В текстах статей такие сверхновые лексические единицы выделяются курсивом, кавычками и сопровождаются описанием заимствованного понятия вводными предложениями.

Идея равенства и концепт «Культура отмены»

Далее остановимся на двух интересных словах-концептах из области социологии. В немецкоязычных СМИ были обнаружены англоязычные заимствования, в разной степени адаптированные к грамматическому и синтаксическому строю немецкого языка. К ним относятся концепт «Культура отмены» и соответствующие лексические единицы: *Cancel*

Culture, canceln, gecancel. Следует также отметить не менее актуальный, хотя и не новый уже концепт, отражающий общественную активность и бдительность по отношению к расовой или гендерной дискриминации: «Неспящий» – *Woke*. Ядро этого концепта составляет идея активного сопротивления расовой дискриминации, которая может быть описана как «будь бдителен!», «чувствовать себя приверженцем борьбы за расовую справедливость» [19].

Концепт «Культура отмены» включает в свое ассоциативное поле многочисленные медийные скандалы, массовое осуждение словом и делом сексуального насилия, расовой дискриминации. Идея, которая образует ядро концепта, направлена против проявления расизма и гендерного неуважения, например в форме трансфобии (громкие скандалы вокруг Харви Вайнштейна, Джоан Роулинг). Акции «отмены» сопровождались многочисленными флешмобами, например #MeToo, а также мемами, такими как STAY WOKE, и были активно включены в медийную повестку. Изучение концепта «Культура отмены» видится чрезвычайно актуальным, поскольку он охватывает своей ассоциативно-понятийной сетью новое социальное явление, которое постепенно расплзается по планете и представляет собой сложную политическую технологию манипуляции общественным мнением. Серьезность проблемы была замечена журналистами, что и отразилось в серии публикаций СМИ.

Для быстрого понимания содержания статьи, включающей такие заимствования, необходима медийная компетентность реципиента, то есть его вовлеченность в контекст социальных сетей на уровне «уверенного пользователя». Для остальных читателей СМИ в статьях предусмотрены комментарии, поясняющие суть заимствованного концепта. Например:

...Seit Monaten geistert der Begriff "Cancel Culture" durch unsere Debatten. Gemeint ist damit: Angeblich manipulieren linke Kulturkämpfer unsere Öffentlichkeit, damit missliebige Personen und Meinungen keine Bühne mehr bekommen [14].

В ассоциативном поле концепта зафиксирована негативно-окрашенная лексика военного дискурса или даже стилистика фильма ужасов. Так, например, глаголы, передающие действие «отмены» неугодного человека или социального института, подчеркивают направленную на него агрессию: *angreifen, bekämpfen*. Иногда агрессия кажется скрытой, ползучей, подлой – *manipulieren*. Сама «Культура отмены» бродит как призрак в социальных сетях: *der Begriff der Cancel Culture geistert*. Субъектами действия «отмены» выступают *Kulturkämpfer*, то есть определенные общественные движения за гендерное равенство, расовую справедливость, против любого вида дискриминации и т.д. Само по себе слово *Kulturkämpfer* является окказионализмом автора статьи, тогда как лексема *Kulturkampf* зарегистрирована и описана в словаре Duden. Концепт, возникший в XIX в. как европейское явление, с течением времени, трансформируясь, стал глобально значимым и представляет, на наш взгляд, большой интерес для отдельного изучения в рамках социолингвистики. Субъектами «культуры отмены» становятся также все заинтересованные участники социальных сетей, выступающие как одна действенная

и сплоченная коллективная цензура (*kollektive Zensur*). Объектами «отмены» могут оказаться неугодные люди (*missliebige Personen*), неправильно думающие индивиды (*Falschmeinende*) или целые культуры.

Эмоциональный фон, на котором разворачивается социально-политическое явление «культура отмены», выражается словами военного лексического поля, а именно окказионализмами саркастического характера. Например: «межплеменные войны» (межпартийные, политические) — *Stammeskriege*, «возмущенная толкотня» (обличителей) — *das Empörungsgestöße der Cancel Culture*, «террор добродетели» — *Tugendterror*. Последний из окказионализмов является еще одним интересным концептом современности. Он возник в 2014 г. и отражает рефлекссию интеллигентов Германии по поводу свободы мнения в стране.

Силую тематику поддерживают такие слова и словосочетания, как «самопровозглашенная полиция нравов» — *eine selbst ernannte Moralpolizei*, «стереотипное мышление» — *das Lagerdenken*, «неэффективные дебаты в формате “друг или враг”» — *dysfunktionale Debatten im Freund/Feind-Modus*, «потерпеть поражение» — *Niederlage erleiden*, «идеи не бесспорны» — *die Ideen sind nicht unangefochten*. С концептом «Культура отмены» в статьях СМИ ассоциируется тревожная атмосфера потенциальной опасности: *eine Warnung, eine Risikozone*.

В ассоциативном поле концепта «Культура отмены» следует отметить также лексику из семантических полей «насилие» и «унижение». Активное насилие в виде осуждения многократно суммируется действиями пользователей по виртуальной «отмене» неугодного человека или института в социальных сетях, например в «Твиттере». В этой связи можно выделить следующие примеры: «примитивное удовольствие от унижения других людей» — *primitiver Spaß an der Demütigung von Mitmenschen*, «вопли о бойкоте или социальном уничтожении» — *nach Boykott oder sozialer Vernichtung schreien*. Концепт «Культура отмены» имеет семантические связи с множеством возникших ранее технологий манипуляции общественным мнением в социальных сетях, в числе которых следует назвать «забрасывание нечистотами» — *globale Shitstorms*. В словаре Duden этот концепт зафиксирован с 2013 г. и определяется как «Атака негодования с элементами насилия в социальных сетях». В этом же лексическом поле «Насилие» выступает глагол *drängen zu* в контексте принуждения к публичным извинениям, отменам концертов и увольнению по собственному желанию [15–18].

Тема военной агрессии в ассоциативном поле концепта «Культура отмены» обострилась в контексте политических событий 2022 г. и переклочилась с активного отрицания отдельных «провинившихся» медийных персон в формат «отмены» культуры по национальному признаку. У концепта «Культура отмены» зафиксировано ассоциативное дискурсивное поле «культура как война», например: *Krieg als Kulturkampf, Musik und Romane als Waffen, eine gefährliche Strategie, brutaler Verhältnis zwischen Politik und Kunst, Boykott russischer Künstler, Ausschluss russischer Künstler, Bücherverbrennung*.

Налицо извращение идеи, которая образовала ядро концепта «Культура отмены». Движение перестало быть стремлением к толерантности, а превратилось в борьбу с инакомыслием. В связи с этим уместно проци-

тировать российского президента В. В. Путина по материалу немецкой же статьи из газеты «Die Welt»: „Aus der sprichwörtlichen Cancel Culture“, so Putin, „ist ein Cancellen der Kultur geworden“ — «Пресловутая “культура отмены” превратилась в “отмену культуры”» [18]. Высказывание российского президента афористично по форме и по остроте содержания. То есть сама идея, положенная в основу социальной борьбы за равенство и справедливость, выворачивается наизнанку.

Условием существования феномена «культура отмены» является наличие современных социальных сетей, которые в статьях СМИ ассоциируются с «машиной по формированию идентичности» (*Identitätsmaschine*). Акт «отмены» происходит благодаря «сплоченным» действиям пользователей-единомышленников, обеспечивающим массовые публикации постов, репосты и лайки. Таким образом, глагол *canceln* обнаруживает свою перформативную модальность «Postings als Performance» [18].

Выводы

Подводя итоги исследования некоторых современных заимствованных концептов в немецкоязычных СМИ, следует отметить, что в социальных сетях появляются новые концепты, которые благодаря различным эффективным технологиям быстрой коммуникации (хэштеги, лайки, значки и т.п.) быстро распространяются по Сети. Существует и обратный процесс, когда новый концепт вербализуется в текстах СМИ в виде окказионализма журналиста или невольного словотворчества героя интервью с целью экспрессивного выделения фрагмента речи и/или заполнения языковой лакуны. Затем этот концепт появляется в социальных сетях и начинает свое победное шествие по планете.

В данном исследовании основной корпус примеров был сосредоточен в области модной тематики «зеленого образа жизни», иными словами, «экологичности»: разумного потребления, повышенного внимания к индивидуальному экологическому следу и способам его уменьшения. Постепенно ассоциативное поле концепта «зеленый образ жизни» сместились с необходимости охраны окружающей среды на стиль межкультурной и межличностной коммуникации. Таким образом, в круг наших интересов попала дихотомия «токсичное — нетоксичное поведение» по отношению к себе и окружающим, проблема буллинга и прочие реалии современности в этом ключе. Изменение образа жизни в сторону «зеленого поведения», корректировка морально-нравственных ценностей, синтез индивидуальной и коллективной ответственности целого поколения за экологическую ситуацию на планете, объединение нового поколения вокруг идеи спасения мира путем разумного потребления и осознание сопричастности к глобальной миссии — все это стало причинами возникновения, продвижения и заимствования новых концептов.

Список литературы

1. Аккуратова И. Б. Особенности неологизации в период пандемии в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №10. С. 3080 — 3085.

2. Алевизаки О.Р., Касперова Л.Т., Славкин В.В. Неологизмы в качественной прессе 2020 года // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сб. ст. СПб., 2020. С. 22–27.

3. Аранова Г.У. Концепт, понятие и значение слова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. №1-4. С. 591–593. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8612> (дата обращения: 31.03.2022).

4. Джюева А.А. Антропоцентризм и этноцентризм языков и культур в области современной науки // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. №1. С. 49–56.

5. Кожевников А.Ю., Ридецкая Ю.С. От социальной дистанции до удаленки: к проблеме лексической миграции и семантической динамики в русском языке 2020 г. // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сб. ст. СПб., 2020. С. 84–98.

6. Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №59. С. 128–135.

7. Нефедова Л.А. Прямое заимствование и калька как средства языковой презентации заимствованного концепта (на примере фразеологических концептов *First Lady* / *первая леди* в немецком и русском языках) // Язык и культура. 2018. №42. С. 118–135.

8. Олейник О.В., Уткина О.Л. Процесс заимствования с когнитивной точки зрения (на материале немецких и английских СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №5. С. 315–319.

9. Klimaschutz: Die Flugscham erreicht Deutschland // Die Welt. 2019. URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article204450242/Klimaschutz-Die-Flugscham-erreicht-Deutschland.html> (дата обращения: 14.04.2022)

10. Flugcharme // Die Zeit. 2021. URL: <https://www.zeit.de/2021/37/reisen-klimaschutz-corona-flughafen-reisen-verkehrswende-nostalgie> (дата обращения: 14.04.2022).

11. Der dumme Weltbürger // Die Zeit. 2019. URL: <https://www.zeit.de/entdecken/reisen/2019-05/flugscham-fliegen-reisen-umwelt-oekologisch-co2/seite-3> (дата обращения: 14.04.2022).

12. Nach uns die Schiene // Die Zeit. 2019. URL: <https://www.zeit.de/entdecken/reisen/2019-08/zugstolz-flugscham-klima-bahn-flugzeug-reise/seite-3> (дата обращения: 14.04.2022).

13. Epoche der Globetrottel // Die Welt. 2019. URL: <https://www.welt.de/reise/nah/plus195489965/Tourismus-Wir-reisen-die-Welt-kaputt-Die-Epoche-der-Globetrottel.html> (дата обращения: 14.04.2022).

14. Die Uni ist eine Risikozone // Die Zeit. 2021. URL: <https://www.zeit.de/2021/43/cancel-culture-wissenschaftsfreiheit-hochschulen-klimaforschung-political-correctness-generationenkonflikt> (дата обращения: 14.04.2022).

15. Kollektive Zensur // Die Zeit. 2020. URL: <https://www.zeit.de/2020/34/cancel-culture-zensur-usa-meinungsfreiheit-debattenkultur> (дата обращения: 14.04.2022).

16. Cancelt uns endlich! // Die Zeit. 2020. URL: <https://www.zeit.de/kultur/2020-09/cancel-culture-meinungsfreiheit-feuilleton-podcast> (дата обращения: 14.04.2022).

17. Das Problematische ist die Demütigung von Mitmenschen // Die Welt. 2020. URL: <https://www.welt.de/kultur/plus214267716/Cancel-Culture-Social-Media-Das-Problematische-ist-die-Demuetigung-von-Mitmenschen.html> (дата обращения: 14.04.2022).

18. *Putins Nervenkrieg* // Die Welt. 2022. URL: <https://www.welt.de/kultur/plus237938815/Kulturkampf-Putins-Nervenkrieg.html> (дата обращения: 14.04.2022).

19. Duden : [онлайн-словарь]. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 14.04.2022).

Об авторах

Екатерина Юрьевна Ваганова — канд. филол. наук, доц., Калининградский государственный технический университет, Россия.

E-mail: ekaterina.vaganova@klgtu.ru

Галина Петровна Кофанова — канд. филол. наук, доц., Калининградский государственный технический университет, Россия.

E-mail: galina.kofanova@klgtu.ru

The authors

Dr Ekaterina Yu. Vaganova, Associate Professor, Kaliningrad State Technical University, Russia.

E-mail: ekaterina.vaganova@klgtu.ru

Dr Galina P. Kofanova, Associate Professor, Kaliningrad State Technical University, Russia.

E-mail: galina.kofanova@klgtu.ru

Н. Т. Пахсарьян

**РОМАН МАРИВО «ЖИЗНЬ МАРИАННЫ»
В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЫ
XVIII ВЕКА**

53

Поступила в редакцию 22.06.2022 г.

Рецензия от 21.07.2022 г.

Цель статьи – уточнение жанрово-нарратологических особенностей самого известного романа Ж.-П. Карле де Шамблена де Мариво «Жизнь Марианны». Это произведение обычно упоминают в ряду эпистолярной прозы эпохи Просвещения. В то же время поэтика этого сочинения, иногда называемого «Второй Памелой», не совпадает с поэтологическими приемами Ричардсона – создателя жанра эпистолярного романа, оказавшего большое влияние на развитие европейской, в том числе французской, романистики. Метод сопоставительного анализа позволяет выявить различие нарративов английского и французского писателей. Если английский романист использует технику «writing to the moment», описывает в процессе сочинения письма кульминационный момент эмоционального переживания, то, прибегая к интерференции мемуарного и эпистолярного типов письма, Мариво создает ощущение амбигуитивности рассказа героини (знатной дамы зрелого возраста, повествующей о своей молодости). Временная дистанция позволяет Марианне занять ироническую позицию по отношению к собственным переживаниям, создается эффект «двойного регистра». Таким образом, роман Мариво становится новаторским экспериментальным текстом, образцом рокайльного нарратива.

The article aims to clarify the genre and narratological features of the most famous novel by J.-P. Carlet de Chamblain de Marivaux Marianna's Life. This work is usually mentioned as a sample of the epistolary prose of Enlightenment. However, the poetics of this literary work which sometimes is called the Second Pamela does not match the poetic manners of Richardson who is considered to have been the creator of the epistolary novel. Richardson influenced the development of European as well as French novel greatly. The comparative analysis allows us to establish the difference between the narratives of English and French writers. While the English writer uses the technique called «writing to the moment», describing the emotional feelings as a climax, Marivaux using the interference of both memoir and epistolary types of letters, created the feeling of ambiguity of the protagonist story (the aged woman speaks about her youth). The time distance makes it possible for Marivaux to become ironic to his own feelings and this results in the effect of “double register”. Thus, Marivaux's novel becomes an innovative experimental text, a model of rocaille narrative.

Ключевые слова: Мариво, эпистолярный роман, роман-мемуары, рококо, сентиментализм, интерференция жанров, ирония, чувствительность

Keywords: Marivaux, epistolary novel, memoir-novel, Rococo, Sentimentalism, genre interference, irony, sensibility

Творчество П.К. Мариво, особенно его романное творчество, не слишком широко привлекало и привлекает интерес читателей в России. А.С. Пушкин — едва ли не единственный русский писатель, знавший и любивший Мариво, возможно, в силу близости ему изящного, остроумного и легкого стиля французского автора. Пушкин даже почерпнул у Мариво сюжетный мотив своей повести «Барышня-крестьянка»¹. Впрочем, этот сюжет был взят не из романов, а из драматургии французского писателя — из его комедии «Игра любви и случая». Мариво-драматург и сегодня в России более популярен, чем романист, его пьесы вплоть до сегодняшнего дня входят в репертуар не только зарубежных, но и российских театров.

Что же касается романной прозы писателя, то какое-то время Мариво рассматривался и в отечественном, и в зарубежном литературоведении как автор только двух зрелых произведений — романов «Жизнь Марианны» (1731—1741) и «Удачливый крестьянин» (1734—1735). Новый интерес к Мариво-романисту возник в 1980-е гг., когда исследователи переосмыслили не только наследие писателя, но в первую очередь весь ход жанровой эволюции романа, отказавшись от телеологической концепции движения романного жанра к реализму² и пристальнее взглядевшись в поэтологическое разнообразие литературы XVIII столетия. Прежде всего в русле этого переосмысления ученые обратили более пристальное внимание на экспериментальность ранней романистики Мариво — его романов 1710-х гг. «Удивительные действия симпатии», «Карета, опрокинувшаяся в грязь», «Фарсамон, или Новые романические страсти». Кроме того, пересмотр механизма жанровой эволюции романа сделал очевидным участие этого жанра в движении литературы к изображению частного, интимного аспекта жизни человека, к углублению психологизма, что получило разные формы художественного изображения в романах рококо и сентиментализма. Роман Мариво «Жизнь Марианны» стал рассматриваться не как пример незрелого реализма XVIII в., а как образец рокайльного романа³.

В XVIII в., как известно, роман стал чрезвычайно популярным жанром, опередившим даже драматургию, не случайно этот период часто называют «веком романа». Эпистолярный роман занял среди прочих ведущее место: профессор университета Блеза Паскаля Ф. Калас указывает, что с 1609 по 1842 г. во Франции было опубликовано 200 романов в пись-

¹ См. об этом: [2].

² О том, как аристотелевская концепция движения жанра к наиболее совершенному воплощению своей «природы» воздействовала и на теорию романа, жанра отнюдь не телеологического, см.: [1].

³ См., например, аннотацию на обложке одной из недавних работ о романе: «"Жизнь Марианны" — эмблематическое сочинение для прозы рококо» [16].

мах [3]. Число этих сочинений, возможно, даже больше, ведь, по мнению библиографов, подсчет таких публикаций — Геркулесов подвиг, до конца не осуществленный до сих пор [8, с. 17]. К тому же французские эпистолярные романы дают широкий ряд вариантов, типов: они делятся не только на эпистолярные «монодии», где представлены только письма одного персонажа, и «полифонические» романы, содержащие переписку нескольких персонажей⁴, но также на романы или повести в виде философских писем (как «Персидские письма» Монтескье или «Письма Амабеда» Вольтера) и любовные романы в форме интимной переписки (например, «Письма маркизы де М*** к графу де Р***» Кребийона-сына и «Несчастья непостоянства, или Письма маркизы де Сирсе графу де Мирбелю» Дора), на романы, адресованные возлюбленным («Письма миссис Фанни Батлер милорду Чарльзу Альфреду Кэтомбриджу» мадам Риккони) или состоящие из посланий друзьям, родным («Письма миледи Джульетты Каттесби ее подруге миледи Кэмпби» мадам Риккони, «Письма мадам дю Монтье маркизе де***, ее дочери, с ответами» Лепренс де Бомон), на экзотические «иноземные» письма («Письма перуанки» мадам де Графиньи), письма персонажей-французов («Письма кавалера Дантея и мадемуазель де Телис» Годара д'Акура) и т. д.

«Жизнь Марианны» практически постоянно упоминается в числе важнейших французских эпистолярных романов эпохи Просвещения [20, р. 184; 21, р. 12; 22, р. 48–60], однако часто с оговорками: ведь роман представляет собой воспоминания героини о своей молодости, излагаемые ею в письмах подруге, то есть соединяет в себе эпистолярный и мемуарный нарративы. Собственно, для романистики XVIII в. характерно своеобразное соперничество двух повествовательных форм — эпистолярной и мемуарной, причем предпочтение той или другой служит маркером принадлежности к тому или иному литературному направлению — рокайльному или сентименталистскому. Рококо предпочитает в основном романы-мемуары: здесь дистанция между временем излагаемой истории и временем повествования позволяет иронически воспринимать давние бури собственной жизни. Сентиментализму ближе созданные как бы «по свежим следам событий» эпистолярные нарративы, в которых герои находятся внутри излагаемых событий и переживают их с большей эмоциональной остротой. И роман в письмах, и роман-мемуары представляются читателям как «не-романы», а подлинные истории: рукописи воспоминаний и письма словно бы не сочиняют, а «находят», авторы именуют себя издателями и т. п. Так реализуется полемика с романной поэтикой предшествующего столетия и одновременно усиливается эффект «правдивости».

Трансформируя риторическую основу писем, характерную для эпистола XVII в., — не случайно они фигурировали в эту эпоху как в составе романов, так и в разнообразных руководствах-письмовниках, — писатели-сентименталисты превращают тексты писем в пространство открытого эмоционального переживания. Этому весьма способствует новый прием, созданный английским романистом С. Ричардсоном: «a way of writing, to the moment»⁵ (сочинение письма в самый кульминационный

⁴ Такую типологию предлагает Ж. Руссе [18, р. 66].

⁵ См. подробно: [6].

момент этико-психологической коллизии). Не случайно Ричардсона называют отцом жанра эпистолярного романа, хотя он не первый, кто использовал подобный нарратив в романном сюжете: именно у автора «Памелы» (1740) и «Клариссы» (1748) письмо оказывается способом запечатления сиюминутного состояния повествователя в чувствительно-драматической форме.

Огромная популярность ричардсоновских романов в XVIII столетии — популярность, далеко перешагнувшая границы Великобритании⁶, бросила отсвет и на произведения французских писателей того времени. В частности, роман Мариво «Жизнь Марианны» в конце XVIII — начале XIX в. даже стали воспринимать как подражание Ричардсону, как «Вторую Памелу» или «Новую Памелу», хотя, скорее, можно было бы озаглавить «Памелу» Ричардсона «Второй Марианной», поскольку английский роман вышел из печати тогда, когда Мариво уже готовился опубликовать последнюю часть своего сочинения.

Однако точнее было бы сказать, что героиня Мариво — не первая и не вторая Памела в силу поэтологических расхождений романов Ричардсона и Мариво, по причине иного соотношения с эпистолярным контекстом эпохи. Место Мариво в этом контексте — уникально. Мариво представляет свой роман в духе популярного романного топоса того времени как «найденную рукопись»⁷, состоящую из писем некоей Марианны безымянной подруге, себя — как издателя этих писем, предпринявшего определенные меры предосторожности, дабы не оскорбить реальных людей раскрытием их интимных тайн: он уточняет, что рукопись была найдена в купленном им полгода назад загородном доме, который переходил из рук в руки в течение 30 лет, и он на всякий случай сменил имена персонажей переписки. При этом героиня, титул которой указан в полном заглавии романа («Жизнь Марианны, или Приключения графини де***»), так и остается до конца повествования «незнакомкой»⁸. Неизвестно даже, дворянка ли Марианна по рождению (ее совсем маленькой девочкой нашли среди убитых разбойниками пассажиров кареты, следовавшей из-за границы, и не могли опознать, кто ее родители) или же она стала графиней после замужества.

Марианна пишет письма своей подруге, однако повествует в этих письмах о своей прошлой жизни: ей 50 лет, она удалилась от света и рассказывает о своей молодости. Между временем, когда были написаны письма, и временем, о котором ведется рассказ (начатый с момента, когда героине-найденщице примерно два года), достаточно большой разрыв, как будто позволяющий говорить о доминировании в романе мемуарного нарратива. Однако если мемуары в собственном смысле

⁶ Излишне было бы (после А. С. Пушкина) напоминать о восторженном отношении русских читателей (и читательниц) XVIII — начала XIX в. к романам Ричардсона. Стоит только уточнить, что для России довольно долго своеобразным посредником между романами английского писателя и русской читательской публикой были переводы этих романов на французский язык, сделанные А.-Ф. Прево в 1750-е гг.

⁷ О романтических «общих местах» в «Жизни Марианны» см.: [5].

⁸ Ср. заголовок монографии об этом романе — «Мемуары незнакомки» [14].

слова пишутся в расчете на их прочтение потомками (адресатами авторы иногда прямо называют своих детей) или на интерес будущих составителей историографических сочинений (ср. подзаголовки типа «*mémoires pour servir à l'histoire*»), то в данном случае происходит синхронизация и интимизация предполагаемого читателя — это современница-подруга, непосредственную эмоциональную реакцию которой Марианна ожидает, предполагает, получает. Кроме того, если героями или героинями романов-мемуаров (как и подлинных мемуаров) обычно оказываются исторические личности — реальные или вымышленные (например, побочный сын Кромвеля в романе А.-Ф. Прево «Кливленд, или английский философ»), бастарды, опальные дворяне, то у Мариво о процессе своей социализации, о вхождении в свет рассказывает не только не знаменитая особа, но сирота, происхождение которой неизвестно. Оттого ей приходится переживать не увлекательные, хотя бы и опасные, высокие приключения, как в барочных любовных романах, а попадать в драматические, но вполне обыкновенные ситуации (она остается после смерти жены священника, в семье которого воспитывалась, одна в чужом городе, без средств к существованию; она попадает под уличную карету, возвращаясь из церкви, и ранит ногу; ее разлюбил молодой человек, за которого она собиралась замуж, и т.п.). А сцены, хранящие след романических клише, получают неожиданное для традиционного романа естественное разрешение: так, встреча Марианны в саду с Вальвием (то есть романическое свидание влюбленных) описывает ситуацию, когда Марианна прозревает, понимая, что Вальвиль ее разлюбил.

Одновременно реакция рассказчицы на события собственной жизни в силу временной дистанции трансформируется из чувствительно-драматической в ироническую⁹, приобретенный с годами опыт порождает иронию по отношению к собственным романическим иллюзиям, создает эффект «двойного регистра», о котором пишет Ж. Руссе [19]. «Романическое» (*romanesque*) подчеркнуто выступает в романе Мариво как элемент психологии персонажа: при том что Марианна лишь однажды упоминает о своем чтении романов¹⁰, ее иллюзии молодости вполне вписываются в представление о жизни как о романе (надежда на то, что откроется ее благородное происхождение, ожидание постоянства в любви и т.п.), хотя отсутствие прочной идентификации поведения героини с какой-либо определенной книжной моделью не только натурализует это

⁹ «Эмоция определенного момента... исчезает при малейшем движении, вызванном рефлексией: весь стусок восклицаний, слез, рыданий разбивается об ум Марианны, и мелодрама растворяется в тонкой иронии героини» [15, р. 137].

¹⁰ В раннем сочинении «Телемак наизнанку» Мариво рисует персонажей, пытающихся строить свою жизнь по конкретному роману — «Телемаку» Фенелона, в «Фарсамоне» поведение героя сформировано библиотекой любовно-приключенческих романов, которые он читает в имении своего дяди. Как полагает Н. Ферран, поскольку Марианна не имеет библиотеки, у нее возникает «более оригинальный жизненный проект и более оригинальное его выражение, освобожденное от какой-либо книжной имитации» [9, р. 255–256]. Однако это обстоятельство не освобождает Марианну от романических ожиданий и романической психологии.

поведение, но и открывает возможность для различных толкований этико-психологических мотивов ее поступков. Романической психологии не лишена и 50-летняя рассказчица: смеясь над гневом своей подруги по поводу измены Марианне ее возлюбленного Вальвиля (ведь он — не персонаж романа, его поведение не идеально, а естественно-скандально), в то же время «графиня де*** превращает Марианну в настоящую романическую героиню, достойную и обездоленную, соблазнительную и добродетельную, способную сопротивляться презрению тех, кто безжалостно упрекает ее за положение сироты» [10, р. 67]. Сложная игра «тщеславия и достоинства» [12, р. 138], кокетства и искренности, чувства и чувствительности в образе персонажа-повествователя придает тексту динамическую незавершенность.

К тому же не только история заглавной героини остается неоконченной: в определенный момент (начиная с девятой части книги) Марианна пересказывает подруге историю жизни монахини Тервир, с которой она познакомилась в монастыре — и эта история также не имеет завершения. Поэтика *roman inachevé*¹¹ (неоконченного романа) — одна из характерных особенностей рокайльной романистики XVIII в., удачно воплощающая сюжетную амбигитивность (двойственность-двусмысленность). Поэтому в «Жизни Марианны» при всем обилии отступлений рассказчицы от изложения только событий ее рефлексия над собственной судьбой и нравами людей, которых она встречала, лишена патетической назидательности, характерной для сентименталистской прозы. Роман можно прочесть и как историю «вознагражденной добродетели» в духе ричардсоновской «Памелы», и как «историю бедной девушки, соблазняющей богатого юношу» [7, р. 411], но ни то, ни другое прочтение не будет точным, поскольку каждое лишает текст произведения органически присущей ему амбигитивности.

Мариво вовлекает читателей в ситуацию «между сочувствием и критической дистанцией по отношению к героине-рассказчице» [11, р. 52], одновременно предлагая «новый модус прочтения романа» [14, р. 11], поскольку рефлексия Марианны касается не только содержания ее рассказа, но и манеры рассказывания. Марианна по ходу повествования признается, что у нее нет стиля, сомневается, что то, что было интересным в устном изложении, останется таковым на письме, утверждает, что она не пишет роман, и т.п. Создавая повествование от лица героини, Мариво отказывается от соблюдения привычных эпистолярных формул и одновременно от хроникальности мемуарного письма. Интерференция мемуарности и эпистолярности в «Жизни Марианны» скрепляется поисками интонационно-стилевой легкости, той манерой «babillage» (болтовни), которая и раздражала современников (вызывая своеобразные шаржи на «мариводаж», подобные образу феи Мусташ в романе Кребийона-сына «Ганзай и Неадарне»), и притягивала их, порождая продолжения и подражания шедевру Мариво¹². Однако ни одному из этих произведений не удалось достичь той психологической тонкости и того стилистического изящества, которые поставили «Жизнь Марианны» в ряд самых значительных романов эпохи Просвещения.

¹¹ О жанре *roman inachevé* см.: [4; 6; 13].

¹² О подражаниях и развитиях романа Мариво см.: [17].

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Жанр как абстракция и жанр как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // *Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы.* М., 1989. С. 16–20.
2. *Вольперт Л. И.* Пушкин и Мариво (к проблеме пушкинского психологизма) // *Сравнительное изучение литератур* : сб. ст. к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 263–269.
3. *Calas F.* Petit état des lieux du roman épistolaire en France: quelle typologie? // *Université Blaise Pascal. Journée consacrée à Evelina de Frances Burney.* Clermont-Ferrand, 2014. URL: http://www.ircl.cnrs.fr/pdf/2014/je_frances_burney/calas.pdf (дата обращения: 10.06.2022).
4. *Coulet H.* Le dénouement des romans inachevés et l'usage des topoï // *Web 17. Le XVII siècle de Roger Duchêne. Hommage avril 2007.* URL: web17.free.fr/RD03/2600.htm (дата обращения: 10.06.2022).
5. *Coulet H.* Les lieux communs romanesques dans la *Vie de Marianne* // *Etudes littéraires.* 1991. Vol. 24, №1. P. 95–104.
6. *Dale S.* The power of the quill: epistolary technique in Richardson's *Pamela* // *Revista Letras.* Curitiba. 2000. №53. P. 53–64.
7. *Demoris R.* Le roman à la première personne. P., 1975.
8. *Fellows O., Logan M.-R.* Naissance et mort du roman épistolaire français // *Dix-huitième siècle.* 1972. №4. P. 17–38.
9. *Ferrand N.* Livre et lecture dans les romans français du XVIII siècle. P., 2002.
10. *Guilhembet J.* De la séduction textile à la séduction textuelle dans le *Paysan parvenu* et *La vie de Marianne*, de Marivaux // *Criação & Crítica.* 2015. №15. P. 55–73.
11. *Guilhembet J.* Simulation et dissimulation chez l'héroïne-narratrice de *La Vie de Marianne* de Marivaux // *Echo des études romanes.* 2017. Vol. 13, №2. P. 43–54.
12. *Hatzfeld H.* The Rococo. N.Y., 1972.
13. *Lebrave J.-L.* L'écriture inachevée // *D. Budor, D. Ferraris (dir.). Objets inachevés de l'écriture.* P., 2001. P. 19–27.
14. *Martin Chr.* Mémoires d'une inconnue. Etudes de la *Vie de Marianne* de Marivaux. Mont-Saint-Aignan, 2014.
15. *Matucci M.* Sentiment et sensibilité dans l'oeuvre romanesque de Marivaux // *Cahiers de l'Association Internationale des études françaises.* 1973. №25. P. 127–139.
16. *Magnot-Ogilvy F. (dir.).* Nouvelles lectures de la *Vie de Marianne.* Une "dangereuse petite fille". P., 2014.
17. *Rivara A.* Les soeurs de Marianne : suites, imitations, variation. 1731–1761. Oxford, 1991.
18. *Rousset J.* Forme et signification. Essai sur les structures littéraires de Corneille à Claudel. P., 1962.
19. *Rousset J.* Marivaux et la structure du double registre // *Rousset J. Forme et signification. Essai sur les structures littéraires de Corneille à Claudel.* P., 1962. P. 45–65.
20. *Singer G. F.* The Epistolary Novel. Its Origin, Development, Decline and Residuary Influence. Philadelphia, 1933.
21. *Tremblay I.* Fantômes du roman épistolaire d'Ancien Régime. Leiden-Boston, 2018.
22. *Versini L.* Le Roman épistolaire. P., 1979.

Об авторе

Наталья Тиграновна Пахсарьян — д-р филол. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; ведущ. науч. сотр., ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: npakhsarian@gmail.com

The author

Prof. Natalia T. Pakhsarian, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, INION RAS, Russia.

E-mail: npakhsarian@gmail.com

Н. П. Иванова

**ТЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНЕ
М. И. ВОСКРЕСЕНСКОГО «ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО»**

Поступила в редакцию 25.02.2022 г.

Рецензия от 04.07.2022 г.

61

Тема двойничества в романе «Проклятое место» (1838) писателя «второго ряда» М. И. Воскресенского раскрывается на примере главного героя романа, личность которого претерпевает изменения на протяжении трех лет, и женских образов-двойников, имеющих внешнее сходство, но совершенно разную сущность. Двойничество выполняет важную сюжетобразующую роль, раскрывающую характеры героев. В то же время двойничество женских образов становится моментом испытания персонажей, проверкой их нравственного чувства. Мужские образы (Линский и Лонский) не проходят этой проверки, женские (Клавдия и Машиа) благодаря двойничеству открывают для себя истинные ценности жизни, которые заключаются не в любви к мужчине и не в богатстве, а в следовании чувству долга перед родителями и природным наклонностям. Таким образом, двойничество в нравоописательном романе «Проклятое место» раскрывает сущностные характеристики персонажей. Именно на нравственной оценке героев делают акцент рассказчик и автор произведения.

The topic "duality" in novel "The damned place", written by M. I. Voskresensky, little known author of the "second line" is revealed through the changes the main character has undergone within three years and female twin-images, who look similar, but differ in nature. Duality plays a significant role in novel's plot, it reveals characters' personalities. At the same time duality of female images becomes a moment of their testing, examination of their morality and feelings. Male images (Linsky and Lonsky) do not pass this test, female ones (Claudia and Masha), thanks to duality, discover the true values of life, which are not in love for a man and not in wealth, but in following a sense of duty to parents and natural inclinations. Thus, the duality in the moralistic novel *The Cursed Place* reveals the true nature of the characters. It is the moral assessment of the characters that the narrator and the author focus on.

Ключевые слова: герой, двойничество, двойник, нравописание, роман, романтизм, тема

Keywords: character, duality, double, moral description, novel, romanticism, topic

Термины «двойник», «двойничество» достаточно хорошо освещены в отечественном литературоведении (см. работы Л. А. Абрамяна [1], М. М. Бахтина [3], Е. М. Мелетинского [9], О. М. Фрейденберг [12] и др.). Тема двойничества раскрывается через образы героев-двойников в лите-

ратуре русского романтизма — в творчестве В. Ф. Одоевского, Н. А. Полевого, М. П. Погодина и других русских писателей первой трети XIX в. Мы обратимся к малоизученному и забытому писателю середины XIX в. М. И. Воскресенскому и к его роману «Проклятое место» (1838), который был переиздан вторично только в 1858 г. Заметим, что Воскресенский не относится к писателям-романтикам. Он, как писатель «второго ряда», исследует в своем творчестве элементы романтизма, сентиментализма, но в целом его тексты относятся к нравоописательной литературе. Тема двойничества исследована в основном как явление романтизма [6; 8; 10], применительно к нравоописательным произведениям она не затрагивалась вовсе.

62

В начале романа тема двойничества связана со зловещим «проклятым местом», куда направляется главный герой романа. Оно отделено от подмосковного Кунцева рекой, это своего рода «пространство смерти» (по О. М. Фрейденберг) [12]. Место оказывается судьбоносным для главного героя романа Валериана Петровича Линского: здесь он встречает свою любовь — Клавдию, здесь он намерен покончить собой, здесь же в решающий момент его спасает от самоубийства Пётр Иванович Кастаньский, в дальнейшем определивший судьбу героя.

В проклятом месте оказываются два Валериана: бедный, отчаявшийся устроить свою жизнь чиновник Линский — молодой человек, «потерявшийся» в жизни, и проводник к проклятому месту — юноша Валериан, «безумный малый» [5, т. 1, с. 25], имя которого совпадает с именем главного героя.

Тема двойничества раскрывается в образе Линского на разных этапах его жизни: бедный чиновник — это одна сторона его личности, светский человек — другая его ипостась. При этом преобразование героя, его своего рода превращение происходит мгновенно. Как только он садится в богатую коляску Кастаньского, он становится как будто другим человеком: ощущает себя попавшим в новый мир, «ласковый, приветливый, теплый, светлый... <...> Будто с него *вдруг* спало какое-то тяжкое бремя, будто он выздоровел *вдруг* от тяжелой и продолжительной болезни... Он даже изменился и физически: лицо его приняло благородное и веселое выражение. Морщины на лбу исчезли, в глазах засветилась поэзия, малейшие движения его сделались как-то грациознее... коляска сделала его красавцем» (курсив мой. — Н. И.) [5, т. 1, с. 28–29]. В этот момент и далее Валериан Петрович перестает быть собой, бедный чиновник в нем будто исчезает и преобразуется в светского человека.

До переезда в дом Кастаньского и заключения с ним фаустианской сделки Линский винит в своих неудачах (потеря благодетельницы, снабжавшей его деньгами, и служебного места, дававшего ему небольшой, но стабильный доход) обстоятельства. Герой живет надеждой на благодетельство. Он делает все для обеспечения мало-мальски приличного существования. Чувство собственного достоинства Линского задевают случаи, демонстрирующие несправедливость общественного уклада. Со службы его увольняют за дерзость, сказанную в ответ на замечание о ветхости одежды. В поисках приработка герой вынужден давать уроки, но получает отказы по причине бедности фрака. Попытка заняться литературным трудом также ни к чему не приводит. Валериан Петрович

пишет роман, продажа которого дает ему возможность расплатиться с долгами, но жить без работы, на которую не берут без чьей-нибудь протекции, невозможно.

«Маленький человек» оказывается в тупике, средств к существованию у него нет совсем. Среда не благоволит к герою-бедняку. В этом Воскресенский следует традиции «натуральной школы». Ср. описание комнаты Линского: «Везде пустота, везде следы бедности в последней степени». Ножки стола были слабы «как у больного», «три стула разных фигур и цветов, сходявшиеся между собой только в одном, что они были стары и ненадежны для сиденья; ширмы сомнительного цвета, загораживающие столь бедную кровать, что она, как будто чувствуя свою некрасивость, пряталась от взоров посетителей» [5, т. 1, с. 121 – 122].

Таким образом, Линский представляет собой «маленького человека», который пытается вырваться из нищеты, и это социальное неблагополучие определяет его жизнь. Поэтому, когда Кастаньский ссужает его деньгами, Валерьян Петрович не может отказаться от такого щедрого подарка — ста тысяч годовых. Он искренне верит, что счастье его только это и определяет. К тому же условия получения денег выполнимы: женитьба на девушке, в которую Линский влюблен.

Перемены в жизни героя, делающие его богатым человеком, приводят к большим изменениям его личности. Двойничество применительно к Линскому не соответствует его трактовке в романтизме, с его характерным несовпадением идеала и действительности. «“Переживание раздвоения, отчуждения себя — это почти обязательное условие самознания”. Это отражение философского романтического дуализма реализуется в комплексе поэтических приемов строения текста и способов повествования, основанных на поэтическом использовании дуальных моделей» [7, с. 6]. Воскресенский представляет нам героя, идеал которого — благополучная жизнь, к тому же с любимой женщиной, — реализуется. В Линском двойничество явлено только на социальном уровне: бедность и богатство. Линский — бедный чиновник и Линский — светский человек — это разные люди.

Фамилия *Линский* отсылает нас к пушкинскому Ленскому. Только Линский — не романтический герой. Он далек от представлений пушкинского персонажа, героев роднит лишь отношение к женщине. Появление женского образа в романе происходит с обретением Линским портрета, в который герой романтически влюбляется. С портретом прекрасной незнакомки, Мадонны, как именует ее герой, тема двойничества находит новое раскрытие в двух женских образах: Маши и Клавдии.

Вначале и читатель, и герой пребывают в неведении относительно оригинала портрета. Незнакомка предстает, как кажется, в раздвоенном виде: Линский встречает девушку — абсолютную копию изображения, называющую себя то Клавдией, то Машей. Ее появление в романе предваряется описанием портрета, служившего вывеской над цирюльней: «Это был не портрет женщины... Это был идеал возможной красоты... На это изображение хотелось не смотреть, а молиться ему» [5, т. 1, с. 65]. Однако в сравнении с романтическим представлением об искусстве художника роман Воскресенского дает вполне прозаический взгляд на поразивший героя портрет.

Рассказ Кастаньского о своей жизни отчасти проясняет загадку, которую предстоит разгадать Валерьяну Петровичу. Кастаньский, будущий живописцем-любителем, рисует портрет княжны Клавдии, в которую безнадежно влюблен. В отместку за ее подсмеивания над его чувствами он вешает портрет прекрасной Клавдии над цирюльней своего крепостного Антона. По воле случая дочь Антона Маша является абсолютной копией портрета. Таким образом, на портрете изображается женщина, в реальности имеющая два прототипа. Идеал, представленный в портрете, не выдумка, не плод фантазии художника, а сама действительность.

Образы Маши и княжны Клавдии Сицкой раскрываются во взаимоотношениях с тремя мужскими персонажами: Кастаньским, Линским и Лонским. Благодаря Кастаньскому Клавдия знакомится с Валерьяном Петровичем, который, согласно условленному трехлетнему сроку, должен жениться на девушке с портрета, и влюбленность Клавдии в него, как кажется, снимает возникающие затруднения. Но союз влюбленных невозможен из-за договоренности отца Клавдии, князя Сицкого, с покойным другом, с которым они сосватали своих детей — Клавдию и Александра Лонского.

Разрешить ситуацию берется Маша, которую Линский случайно встречает и приглашает к себе в дом, желая облагодетельствовать дочь своего доброго знакомого цирюльника Антона.

Заметим, что когда Антон с Валерианом Петровичем приходят на «проклятое место», чтобы встретить Машу, цирюльник Антон абсолютно убежден, что видит свою дочь, в то время как перед ним Клавдия [5, т. 1, с. 87].

С образами Маши и Антона в роман входит тема блудной дочери. Маша, как и пушкинская Дуня из «Станционного смотрителя», бежит из отцовского дома, польстившись на любовь «развратного господчика» [5, т. 1, с. 75].

Как и пушкинская Дуня, Маша — «единственное утешение» [5, т. 1, с. 75] в жизни отца, рано потерявшего жену. Маша так же привлекает своей красотой посетителей: цирюльня «богатела день ото дня от пригожей девушки... часто молодые люди по три раза в день заходили брить себе бороду...» [5, т. 1, с. 75]. Однако, в отличие от пушкинской героини, Маша судьба складывается печально: соблазнитель бросает ее, и девушка возвращается к отцу. Отец не принимает дочери, проклинает ее, и Маша вынуждена «торговать своими прелестями» [5, т. 1, с. 75].

Маша, которую Линский случайно находит, принимает предложение Валериана Петровича поселиться в его доме, так как ей некуда идти. Образ Маши приводит героя к двойственным чувствам, «странным, неизъяснимым». «Он рад был увидеть очаровательную девушку, но в то же время как будто какой-то непостижимый страх отталкивал его от нее. Внутри себя он чувствовал голос, как будто предостерегавший его от этого милого двойника Клавдии» [5, т. 3, с. 56—57]. С одной стороны, он любит недоступную ему чужую невесту Клавдию, с другой — видит у себя дома ее абсолютного двойника Машу, расположенную к нему всем своим существом. Девушка притягивает его, к ней Валерьян Петрович испытывает сильнейшее физическое влечение: он «жадными глазами впи-

вался в нее... Черты лица ея, столь знакомые ему как по таинственной картине, так и по обыкновенной мечте его, манили, тянули его к себе, как магнит железо» [5, т. 3, с. 58].

Заметим, что Маша — бывалая девушка, она «коварно» улыбается молодому барину, пользуется своей привлекательностью, не стесняясь откровенно нравиться богатому господину. Маше не привыкать к роли любовницы. Покинув кров отца, она многое испытала. Как и Линский до встречи с Кастальским, девушка ищет благодетеля. Отец проклял ее и не простил бегства из дома, и Маше остается заискивать перед теми, кто может быть полезен ей: «У несчастных один кров — дом их благодетеля», — признается она [5, т. 3, с. 58].

Рано потерявшая мать и воспитанная своей крестной в богатом доме, где она часто бывала, Маша ощущает внутреннюю раздвоенность. С одной стороны, она дочь цирюльника, и ее положение на социальной лестнице низкое. С другой стороны, Маша полна предчувствий, связанных с ощущением не своего места в сложившихся обстоятельствах. Она чувствует, что место ее — в свете, и это предощущение подтверждает гадающие цыганки. «Я почти гнушалась моим бедным состоянием; мне все казалось, что я бы могла, да и должна была быть чем-то большим, лучшим, нежели как я была в самом деле... Мне все говорили, что я не похожа на дочь цирюльника, а на знатную, образованную барышню!» [5, т. 3, с. 62].

Познакомившись с Клавдией, Линский убедился «в необыкновенном сходстве ея с Машей. Это просто была она, только в другом костюме; даже звуки ея голоса, походка, манеры — все было решительно одинаково» [5 т. 3, с. 72]. В связи с этим описанием «двойничества» применительно к рассматриваемым женским образам трактуется как «случайное или наследственное сходство двух лиц» [13, S. 94 — 102].

Валериан Петрович оказывается влюбленным в двух женщин. «Роман его сердца был в двух одинаких экземплярах... На обеих их, взятых вместе, он смотрел как на одно существо... В них видел он духовную и телесную женщину. Одна была вся *любовь*, другая вся *желание*; одна была для него неприкосновенна, как святыня; другая была почти послушной игрушкой его чувственности» [5, т. 3, с. 83 — 84].

Рассказчик сочувствует участи «бедной» Маши, на которую герой смотрел как на «платье, скинутое любимую женщиною» [5, т. 3, с. 84]. Маша в этой игре в любовь проигрывает, так как в ней уже нет для Линского женской тайны.

Узнав от своего любовника о сопернице и о невозможности быть вместе, Маша предлагает Линскому странное решение: подмену. Двойничество — сходство девушек — призвано, по мысли Маши, помочь Валериану Петровичу соединиться с Клавдией, если Маша заступит на ее место. И Маше действительно удается осуществить свой план. Она быстро входит в роль княжны, быстро запоминает все подробности ее жизни и выдерживает экзамен: проведя день в доме князя Сицкого, Маша осваивается до того, что остается неузнанной, никто не заподозрил подмены. Маше привычен театр, привычна роль актрисы, и она, во имя искомого — настоящей роли светской женщины, богатой, знатной — готова играть.

Если Машей движет тщеславие — она, благодаря абсолютному сходству с соперницей, становится княжной Сицкой, а вскоре и княгиней

Лонской, выйдя замуж за нелюбимого и нечестного, как мы знаем, человека, — то Клавдия, в пылу «исступления, фанатизма» [5, т. 3, с. 82] любви к Линскому, которого едва знает, соглашаясь на подмену, теряет все. Главное же — связь с горячо любимыми родителями, по отношению к которым она чувствует себя беглянкой, «из слепой страсти насмеявшейся над их сердцем» [5, т. 3, с. 125].

Подмена девушек, по мнению рассказчика, — это ложь, порочное деяние, на почве которого «цветок счастья не расцветает» [5, т. 3, с. 125]. Поэтому день свадьбы для Клавдии не становится счастливым, несмотря на любовь к жениху, ведь девушка чувствует свою вину перед родителями и родительское благословение не приносит искомого: оно обращено к послушной родительской воле дочери, которую «Провидение награждает счастливой судьбой» [5, т. 3, с. 129]. Вся жизнь Клавдии в браке — неискупимое страдание.

Та же участь страдания выпадает на долю и Маши. Символичны сцены венчания обеих женщин: свеча Маши «задрожала и выпала из рук», когда она услышала знакомый голос цыгана, с которым много бродяжничала в роли танцовщицы. Венчальная свеча Клавдии сгорела раньше свечи жениха, что, по народному поверью, означало болезнь или преждевременную смерть. Амбивалентна символика дождя в день свадьбы: одни считают, что это к предстоящему богатству, другие — к слезам [5, т. 3, с. 135].

Отношения двойников Маши и Клавдии складываются антагонистически после их замужества. Связано это с невозможностью для Клавдии примириться с потерей родителей. Противоборство двойников происходит в сцене прощания с умирающей матерью — княгиней Сицкой. Клавдия получает от Маши резкий отказ в посещении матери: «Я пожертвовала вам любовником и не прошу у вас свидания с ним. Вы пожертвовали мне отцом и матерью — откажитесь также и от свидания с ними. Комедия кончена» [5, т. 4, с. 25]. И Клавдия решается без позволения явиться в родительский дом, ища прощения. Княгиня Лонская (Маша) видит в этом вторжении угрозу своему состоянию, но хитростью выходит из опасного положения, объявляя Клавдию помешанной. Попытка Клавдии при встрече с отцом доказать свою принадлежность к роду Сицких не приводит к успеху: Маше и здесь удается убедить отца в помешательстве Клавдии.

Маша испытывает ненависть к счастливой сопернице, лишая ее «и наследства и имени княжеского». В задушевной беседе с Линским княгиня Лонская хвалится возможностью «попирать ногами» [5, т. 4, с. 16] своего двойника, забывая, что все, что она считает благом (богатство и высокое положение в обществе), не составляет счастья для Клавдии. Иначе она не поступилась бы словом отца, не отказалась от замужества с князем Лонским, покинув родительский дом.

В повествовании между 3-й и 4-й частями проходят два года, с течением которых герои кардинально меняются. Клавдия, нарушив родительское благословение, не находит счастья в браке: «Много страдала бедная Клавдия за свой проступок; при всем своем ангельском терпении она иногда изнемогала духом и желала поскорее умереть» [5, т. 4, с. 29]. Она подурнела от болезни, явившейся следствием вины перед родителями и

разочарования в муже, охладевшем к ней, превратившемся в мота, развратника и пьяницу. Его романтическое отношение к Клавдии сменяется холодностью. Что касается отношения Линского к женщине вообще, то романтизм присутствует в нем лишь до момента обладания ею.

За два года Линский проживает ссуженные Кастальским деньги «безрассудно и бессовестно» [5, т. 4, с. 29–30]. Став богатым светским человеком, в своей новой жизни Валериан Петрович проявляет самые дурные качества, личность его деградирует, он предается всевозможным порокам: пьянству, разгулу, разврату и др. Для читателя странно то, что герой, получивший университетское образование, в своей новой жизни, найдя искомое, никак ни профессионально, ни лично себя не реализует. Он не употребляет внезапного богатства для его умножения, а, напротив, все силы прилагает к его расточительству. Он губит себя физически и нравственно, разоряет жену.

Благородство бедности (в прошлой жизни героя) сменяется подлостью богатого, пресыщенного удовольствиями человека. В этом смысле трактовка двойничества, данная А. М. Панченко, отвечает происходящему с Линским преображению: «...двойничество — это порочное удвоение мира, которое проникает в человеческое сознание и связано с мотивом катастрофы, нарушения привычного хода вещей, когда размываются границы добра и зла» [11, с. 145]. Не гнушается герой даже шантажом княгини Лонской, требуя от нее присвоенных денег жены: «Мне не княгиня Лонская дает займы, а воровка Маша возвращает часть украденного у Клавдии» [5, т. 4, с. 18]. Деньги Линский стал добывать шулерством, приноровившись с новым приятелем, цыганом Алеко, обыгрывать богатых господ, среди которых оказывается и князь Лонский.

Его жена Маша, обретя искомое, став богатой светской женщиной, не находит счастья. «Чувство удовлетворенного мщения удовольствием своим почти заменило мне потерянную любовь» [5, т. 4, с. 18]. Она счастлива лишь тем, по ее словам, что не она ищет Линского, а он ее, невзирая даже на причину этого поиска — выманивание денег. Любви или привязанности к бездельнику мужу она не испытывает, и отношение неуважения друг к другу у них взаимно. В жизни Маша остается по сути той же, что и до замужества: женщиной свободного поведения.

Сравнивая характеры двойников, рассказчик отмечает: «Маша, похожая на княжну Клавдию лицом своим, слишком не похожа была на нее своими внутренними качествами», у нее «избалованный», несносный характер, ее отличает корыстолюбие, скупость, недовольство собой и «светскими приличиями, сковывающими ее необузданную доселе волю» [5, т. 4, с. 20]. Машу терзает внутренняя раздвоенность, ей «было все как-то неловко, хотелось чего-то другого... Иногда бывали минуты, когда богатая и блестящая княгиня Лонская завидовала в душе походной плясунье Маше, и отдала бы все свои бриллианты за простой васильковый веночек... [5, т. 4, с. 20]. (Вспомним пушкинскую Татьяну, которая, став светской дамой, все отдала бы за свою простую деревенскую жизнь.)

Фамилия мужа Маши — князя Лонского — неслучайно сходна с фамилией главного героя — Линского. Они также представляют собой один человеческий тип. Оба они — соблазнитель: Лонский обманывает Эмерику, Линский — Машу. Оба — карточные игроки, любители вина

и легкой наживы. Лонский женится на княжне Сицкой ради денег, оба проматывают приданое своих жен. В 4-й части романа Линский использует новость о родстве Маши и Клавдии в корыстных целях — чтобы прожить часть наследства прощенной отцом Клавдии. Линский и Лонский — бездельники, светские повесы, считающие главным счастьем деньги и свободу, причем последнее — невзирая на статус женатого мужчины [5, т. 4, с. 21].

Линский, в сравнении с Лонским, заходит далеко, ища сладострастных наслаждений с новой любовью, женой своего благодетеля Кастальского. «Загрубев в разврате» [5, т. 4, с. 20], он теряет чувство сострадания, решаясь на убийство самых близких людей: смертельно больной жены и своего благодетеля. Кроме того, Линский провоцирует убийство Маши, объявив Александру Лонскому об обмане подложной княжны Сицкой.

До случайной гибели Маши от рук собственного мужа происходит примирение двойников. Клавдия приходит к отцу, чтобы исполнить последнюю волю матери: найти свою сводную сестру. Тема двойничества, связанная с Клавдией и Машей, раскрывается в записках умершей княгини Сицкой. В них рассказывается история любви двух сестер-близнецов — Марии и Луизы, матерей девушек, любивших одного мужчину — князя Сицкого, от которого появились на свет героини романа.

В главе IV «Две сестры» 4-й части происходит примирение двойников, узнающих тайну своего родства. Эпиграфом к главе служат пушкинские строки:

Они сошлись: вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень...

В этой главе Линский разоблачает Машу перед князем Сицким, доказывая, благодаря свидетелю прошлой Машиной жизни Алеко, принадлежность ложной княжны Сицкой к группе походных комедиантов. Раскрытие истинного лица Маши нужно Валериану исключительно из корыстных соображений: растратить имущество Клавдии, которое, он уверен, ей оставит отец, простив дочь.

Что касается Клавдии, она не намерена была унижать соперницу, а, напротив, обратилась к ней с вопросом о покаянии, чтобы прежде объявления тайны о родстве помириться с найденной сестрой. Сестры действительно помирились, и Маша просила прощения, но радоваться обретению друг друга им пришлось недолго. Скорая случайная гибель Маши подорвала здоровье Клавдии. Линский же «хладнокровно смотрел на постепенное разрушение ее жизни. Вино и игра делают человека зверем», — замечает рассказчик [5, т. 4, с. 89].

Валериан Петрович все больше погружался в ужасную бездну разврата и пьянства, а «ужасный друг его Алеко цыган, как новый мефистофель, не выпускал из рук своих друга Фауста и, не давая ему ни на минуту опомниться от беспорядочной развратной жизни, увлекал его на самое дно погибели» [5, т. 4, с. 90].

Именно Алеко внушает Линскому мысль о двойном убийстве во имя овладения женой Кастальского.

Клавдия гибнет от рук собственного мужа, и в этом ее судьба сходна с судьбой сестры Маши. Однако если Машу Лонский ранит, находясь в

пьяном, аффективном состоянии, без умысла, то Линский убивает расчетливо, сознательно, не давая безнадежно больной Клавдии умереть естественной смертью, дожить свои последние дни.

Так, в романе Воскресенского героини-двойники гибнут не в результате бессилия перед внешними обстоятельствами, что характерно для романтических произведений [2], а вследствие собственной внутренней неустроенности, внутреннего разлада. Заметим, что виновником гибели обеих женщин становится Линский. Он же наказан судьбой за попытку лишить жизни и своего благодетеля Петра Ивановича Кастальского. Алеко убивает, перепутав спальни, не Кастальского, а его жену Эмерику, ради которой и были совершены убийства. Эмерика становится жертвой роковой ошибки.

Встреча с двойниками, Машей и Клавдией, поворачивает жизнь Линского в противоположное ожидаемому им самим русло. Став другим, обретя богатство и все вытекающие из этого блага, он использует двойничество женщин для собственного преуспеяния, а чувство любви к обеим покидает героя. Двойничество в образе Линского раскрывает его нравственное убожество.

В финале романа герой разоблачается Кастальским, с которым, согласно договору, по истечении трех лет он встречается в условленном проклятом месте. Валериан Петрович не раскаивается перед своим благодетелем в содеянных преступлениях. Мотив двойничества присутствует и здесь в упоминании Алеко, которого Кастальский именует двойником Линского: «...это был не человек, сообщник и друг злодейств твоих, а просто это был сам ты, это была олицетворенная твоя чувственность, двигавшая тебя на все злодеяния, которыми осквернил ты жизнь свою» [5, т. 4, с. 149].

Итак, Линский остается «потерявшимся», не выдерживая условий заключенного с Кастальским договора. Он не раскаивается в совершенных преступлениях, тем самым показывая, насколько утерян им человеческий облик. Судьба женских двойников трагична из-за нарушения моральных запретов, родительской воли. Но если женские образы двойников человечны (сострадательна и терпелива Клавдия, а Маша, несмотря на порочную жизнь, понимает ложность обретенных ценностей — богатства и высокого социального положения), то мужские куда ниже в нравственном отношении. Они не выдерживают ни одной из социальных ролей: неверные мужья, не любящие своих жен, люди, ничего не достигшие в карьере. Они живут, прожигая жизнь, следуя низменным привязанностям к вину, картам и разврату. Светская жизнь портит Линского, а искушение деньгами он не проходит.

Любопытна композиция романа, все четыре части которого оказываются четырехдневным сном Кастальского. Он — автор романа, и эта неожиданная концовка мистифицирует читателя, как будто сводя на нет оценки его героев. Важную роль в композиции романа играет топос «проклятого места», он цементирует сюжет. В проклятом месте в начале и в конце романа встречаются герои Линский и Кастальский, чтобы решить жизненно важные вопросы, правда, каждый свои. Линский в обоих случаях избирает проклятое место для самоубийства как потерявшийся в жизни человек. Проклятое место служит и местом свидания возлю-

бленных Клавдии и Валериана, и сюжетно решающим местом для дальнейшей судьбы героев. Здесь знакомятся друг с другом двойники Маша и Клавдия и принимают решение о подмене одна другой.

Таким образом, двойничество служит испытанием для героев: нравственным для Клавдии и социально-нравственным для Маши и Линского. Сюжетно и композиционно двойничество становится причиной гибели всех трех персонажей. Главное же в романе, по замечанию В.Г. Белинского, — акцент писателя на «нравственной цели, которой почтенный автор не терял ни на минуту из виду» [4, с. 94].

Список литературы

70

1. *Абрамян Л. А.* Человек и его двойник: к вопросу об истоках близнецного культа и некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977.
2. *Аеранович З. С., Саморукова И. В.* Двойничество. Самара, 2001.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
4. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 3 : Статьи и рецензии (1839–1840). М., 1953.
5. *Воскресенский М. И.* Проклятое место : в 4 т. М., 1858.
6. *Грудкина Т. В.* Феномен двойничества в русской литературе XIX века: В. Ф. Одоевский, А. П. Чехов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Шуя, 2004.
7. *Козлова А. В.* Феномен двойничества и формы его выражения в русской прозе 1820–1830-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999.
8. *Манн Ю. В.* История русской литературы первой трети XIX века : учебник. М., 2016.
9. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. М., 1994.
10. *Новикова Е. В.* Типология героев-двойников и структурные особенности представления двойничества в произведениях Э. Т. А. Гофмана // Гуманитарные научные исследования. 2014. №11. С. 183–187. URL: <https://www.human.snauka.ru/2014/11/8202> (дата обращения: 20.02.2022).
11. *Панченко А. М.* О русской истории культуры. СПб., 2000.
12. *Фрейдберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1994.
13. *Frensel E.* Motiv der Weltliteratur. Kröner, 1992.

Об авторе

Наталья Петровна Иванова — канд. филол. наук, доц., Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: nplechova@yandex.ru

The author

Dr Natalia P. Ivanova, Associate Professor, Pskov State University, Russia.

E-mail: nplechova@yandex.ru

Т. А. Дьякова

АЛЛЮЗИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Поступила в редакцию 13.02.2022 г.

Рецензия от 05.06.2022 г.

71

Аллюзия как прием художественной литературы является объектом изучения различных научных дисциплин. Этот «транслятор» культурной, исторической, литературной информации выступает значимым элементом, служащим для раскрытия авторского замысла. В настоящей статье аллюзивные вкрапления из произведений М. Матусовского разделены на группы в зависимости от источника аллюзий. Подробно изучены библейские, литературные и кинематографические аллюзии как наиболее показательные в функционально-стилистическом аспекте. Аллюзивные упоминания рассматриваются с учетом их семантики, историко-культурного контекста. Для изучения семантической природы аллюзивных вкраплений привлечены исторические, литературоведческие, культурологические источники информации. Анализируются стилистические функции аллюзии. Отмечается, что прием аллюзии применяется не только для придания стихам эмоционально-экспрессивного звучания, но и для активизации сознания читателей, создания дополнительных литературных ассоциаций.

Allusion as a technique of fiction has been studied by various scientific disciplines for the past few decades. This “translator” of cultural, historical and literary information is a significant element that serves to reveal the author’s intention. Allusive inclusions from the works of M. Matusovsky are divided into groups depending on the source of allusions. Biblical, literary and cinematic allusions are studied in detail as the most significant in terms of functional and stylistic use. Allusive references are considered due to their semantics, historical and cultural context. Historical, literary, cultural sources of information are brought to study the semantic nature of allusive inclusions. The article also analyzes stylistic functions of allusion. It is noted that the allusion technique is used not only to give poems an emotionally expressive sound, but also to activate the consciousness of readers, create additional literary associations.

Ключевые слова: аллюзия, стилистическая фигура, поэзия, стихотворение, текст, стилистические функции

Keywords: allusion, stylistic device, poetry, poem, text, stylistic functions

Введение

Среди стилистических фигур, используемых художественной литературой, важную роль играет аллюзия, которую исследователи относят к «фигурам диалогизма» [11, с. 430]. В определении И. Арнольд аллюзия рассматривается как «прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт — это стилистическая фигура референциального характера, опирающаяся на экстралингвистические пресуппозиции говорящего и слушающего, автора и читателя, на историко-культурный компонент их фоновых знаний» [1, с. 89]. Различным аспектам исследования аллюзии посвящены работы И. Арнольд, О. Ахмановой, И. Гальперина, И. Гюббенет, М. Захаровой, А. Евсеевой, Т. Ивушкиной, А. Мамаевой, В. Москвина.

72

По мнению С. Кормилова, эта фигура восходит к античной комедии и является «отсылкой к известному высказыванию, факту литературной, исторической, а чаще политической жизни либо к художественному произведению» [15, стб. 28]. Понятия «аллюзия» и «цитата» не всегда четко разграничиваются, аллюзию, как и цитату, рассматривают как средство манифестации интертекстуальных связей в поэтическом дискурсе [5]. Д. Дреева и И. Кастуева [9] называют аллюзию разновидностью цитаты, которая обладает некоей смысловой валентностью, вступающей в авторском тексте во взаимодействие с другими, авторскими элементами текста. И. Фоменко в связи с этим уточняет, что «функция аллюзии та же, что и у собственно цитаты: обогатить авторский текст смыслами текста-источника», а отличие состоит в том, что аллюзия лишь намекает на источник [29, с. 18].

Несмотря на многочисленность работ, направленных на изучение этой стилистической фигуры, В. Москвин считает аллюзию «одной из наименее определенных категорий стилистики» [23, с. 37], причину чего видит, в частности, в недостаточно ясном разграничении проявлений приема аллюзии. Ученый предлагает различать следующие формы аллюзии: 1) эпитроп — фигура отсылки нелитературного характера, используемая для характеристики предмета, явления или в целях эвфемистического намека; 2) текстовая аллюзия — завуалированная и краткая отсылка к другому литературному произведению, которая представляет собой «номинативную свертку исходного текста или фрагмента»; 3) аппликация — использование «фрагмента известного адресату текста без ссылки на источник» [23, с. 40].

Как подчеркивает Т. Ивушкина, наиболее важным при изучении аллюзивного плана художественного текста представляется уровень знаний и образованности, «который необходим для узнавания источника ссылки и “дешифровки” заложенной автором информации, и в конечном счете — для понимания художественного замысла произведения» [12, с. 75]. Эту позицию разделяет Г. Фадеева: «Незнание или неполное знание текста-источника (претекста) делает невозможным адекватное восприятие и интерпретацию художественного произведения и ведет к серьезным потерям информации» [28, с. 183]. Поэтому для прочтения и соответствующего авторскому замыслу восприятия необходимо опреде-

ленный культурно-образовательный читательский «багаж», отсутствие чего в современном мире зачастую препятствует качественному прочтению произведений, в тексте которых содержатся разного рода аллюзии.

Исследователи, рассматривая стилистический прием аллюзии, оперируют понятием «вертикальный контекст» (И. Арнольд, Л. Болдырева, Ю. Васейко, В. Москвин, И. Розова, Н. Черкас). Они полагают, что при имплицитном способе выражения информации он «побуждает читателя внимательно воспринимать произведение, обращая особое внимание на сведения культурологического характера» [30, с. 114].

Далее мы понимаем под аллюзией «намек на известный исторический, легендарный или бытовой факт, который создает в речи, литературном произведении, научном труде и т.п. соответствующий обобщенный подтекст» [16, с. 25].

Поэзия М. Матусовского тесно связана с культурным и историческим контекстом и воспринимает тот аллюзивный поэтический язык, который характерен для XX в. Поэтические тексты содержат разного типа аллюзивные элементы: отсылки к названиям литературных произведений, их авторам, сюжетам и т.д.; библейские, фольклорные мотивы; упоминание исторических фактов; намеки на произведения кинематографа. Столь широкое поле аллюзивных элементов требует не только филологических комментариев, но и определенных историко-культурных и искусствоведческих пояснений. Выбор темы нашего исследования обусловлен также отсутствием фундаментальных работ, посвященных идиостилю Михаила Матусовского.

Цель работы – проанализировать аллюзии, использованные в поэзии М. Матусовского, учитывая филологический и историко-культурный аспекты их создания, рассмотреть их идейную нагрузку, стилистические функции, способы «внедрения» в поэтические тексты.

Материалы и методы исследования

Работа выполнена в рамках лингвистической поэтики, исследующей идиостилю писателя на уровне отдельных элементов художественной организации текста. Для анализа методом сплошной выборки из поэтических произведений М. Матусовского извлечены фрагменты, содержащие различного рода аллюзии. Материалом исследования послужили стихотворения, включенные в сборники разных лет: «Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни» (1982) [17], «Стихотворения. Песни» (1986) [19], «Горечь» (1992) [18]. Названные собрания произведений поэта включают тексты разных лет (от первых стихов Матусовского, написанных в 1930 г., до последних, вошедших уже в посмертный сборник 1992 г.) и мест создания (написанные в период довоенной жизни поэта в Луганске и Москве, во время работы фронтовым корреспондентом, путешествий по республикам СССР, странам Западной и Восточной Европы, Азии).

В работе использована комплексная методология, объединяющая средства анализа и синтеза; методы обобщения; описательный; контекстуального анализа; историко-описательный, культурологический; историко-литературный; литературоведческого комментария. Для се-

мантического анализа аллюзий применялись разного рода словари, энциклопедические источники, материалы сети «Интернет». В целях стилистических в работе как семантические синонимы будем использовать понятия «аллюзия», «намек», «упоминание», «аллюзивный элемент». При цитировании в статье сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию.

Результаты и обсуждение

74

Широкий временной и локальный простор создания поэтически текстов способствовал использованию писателем аллюзивных отсылок разного направления. В зависимости от источника В. Москвин подразделяет аллюзии на текстовые (литературные, библейские, мифологические) и нетекстовые (исторические и бытовые) [24, с. 65]. И. Гюббенет применительно к английской литературе разграничивает аллюзии по степени известности (очевидные и неочевидные) и источнику (литературные, библейские, из греческих и римских авторов, на детские стихи и др.) [7, с. 23; 8, с. 20]. В работе М. Тухарели аллюзии классифицируются с учетом их семантики: различные группы онимов; библейские, мифологические, литературные, исторические реалии; отзвуки цитат, ходовых речений, контаминации, реминисценции [27, с. 16 – 17]. Аллюзии из произведений М. Матусовского считаем возможным разделить в зависимости от источника на библейские, мифологические, фольклорные, исторические, литературные, кинематографические. Подробно рассмотрим некоторые группы.

1. Библейские аллюзии

Библейские сюжеты, внедряемые в художественные произведения, служат для создания определенных ассоциаций, «трансформируются в контекст нового литературного произведения, образы и мотивы, взятые из Суперкниги, часто используются в художественной литературе аллюзивно, имплицитно» [31, с. 168]. «Расшифровка» библейских аллюзивных элементов тяготеет к введенному О. Ахмановой и И. Гюббенет понятию «вертикальный контекст». Исследователи считают это филологической проблемой и связывают с вопросом о том, «как и почему тот или другой писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать историко-филологическую “информацию”, объективно заложенную в созданном им литературном произведении» [2, с. 49].

Библейские аллюзии использованы прежде всего в стихотворениях, отразивших впечатления писателя, посетившего Японию и побывавшего в Хиросиме, пострадавшей от ядерного взрыва. Следует заметить, что библейские аллюзии поэт использовал в то время, когда в литературе не приветствовались упоминания Библии, библейских сюжетов, персонажей (исключение, пожалуй, составлял образ Иуды как средство придания экспрессивности разного рода обличениям). Само глубокое знание Библии говорит о высоком уровне авторской эрудиции, а использование библейских мотивов в творчестве — о достаточно смелой гражданской позиции.

К этой группе стилистических фигур относим факты, имена из Библии, упоминание библейских сюжетов, которые, как считает В. Карасик, «захватывают адресатов, поскольку касаются важнейших характеристик бытия» [14, с. 147].

Для пробуждения интереса читателей к вечной Книге, активизации читательского сознания поэт использует упоминание библейских *десяти заповедей*, которые, согласно Пятикнижию, были даны Моисею Богом в присутствии сынов Израиля на горе Синай на пятидесятый день после Исхода из Египта. Приняв заповеди, еврейский народ обещал их соблюдать, и тогда был заключен Завет (союз) между Богом и евреями, состоящий в том, что Господь обещал народу Свои милости и покровительство, а евреи обещали жить праведно. Упомянув библейские заповеди, М. Матусовский выстраивает антитезу *десяти заповедей — одна заповедь* и связывает ее с атомной бомбардировкой Хиросимы, придавая тексту экспрессивное звучание: *Десять заповедей дал тебе бог, / Чтоб блаженства в этом мире добиться. / Я одной бы ограничиться мог: / «Хиросима не должна повториться!»* [17, с. 308]. Читатель сталкивается с вертикальным контекстом, который находится за пределами поэтического текста, а его восприятие возможно лишь при условии наличия определенных фоновых знаний, то есть «совокупности сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера, которые предполагаются у носителя данного языка» [2, с. 49].

Попыткой вызвать у читателей дополнительные ассоциации является упоминание *предсказаний Экклезиаста*. Книга Экклезиаста выделяется в контексте ветхозаветного Священного Писания. В ней нет ярких и отчетливых исповеданий веры в Бога. Она лишена пророческих предсказаний и вразумлений. В книге Экклезиаста представлены рассуждения проповедника о суетности мира. Лейтмотивом в ней звучат слова «суета сует». По словам Экклезиаста, в мире все повторяется. Одно поколение людей сменяется другим. После каждого дня наступает ночь, после ночи — день. Течет вода в реке, делает оборот и возвращается к своему истоку. Из-за суетности мира у человека нет смысла и пользы ни в чем. Даже что-то новое, привлекающее внимание человека, на самом деле уже когда-то было и встречалось предшествующим поколениям. Повествуя о состоянии Хиросимы после атомного взрыва, поэт пишет о гораздо большем ощущении бесполезности и беспомощности, нежели это было описано в библейском тексте, аллюзия позволяет придать эмоциональную выразительность (очевидно, что в тексте прочитывается сожаление, печаль, отчаяние): *Город полон был мглою жуткою, / Озарявшейся вспышкой часто, / Пред которой казались шуткою / Предсказанья Экклезиаста* [17, с. 317].

Мотив обреченности развивает упоминание *печати Каина*, означающей знак изгоя, символ отверженности, остракизма или несмываемое пятно преступления. Он связан с двумя фактами: преступлением Каина и печатью, которую Бог сделал на его челе. «И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4: 15). По мнению украинского исследователя Л. Явир, «библейское имя, упоминаемое писателем, обладает аллюзивным потенциалом, служит вербальным знаком для конструирования разветвленных ассоциатив-

ных сюжетов» [34, с. 172]. Имя первого убийцы на земле, Каина, стало нарицательным и означает человека, способного на подлость, зависть, злобу по отношению к доверившимся ему людям. Эта символика отверженности призвана придать эмоционально-экспрессивное звучание тексту, вызвать у читателей соответствующие ассоциации: *Когда, судьбу безвестную деля, / Шли беженцы по вымершим дорогам, / Решив, что хиросимская земля / Покинута и позабыта богом. <...> // Что этот гиблый берег навсегда / Отметил Каин вечною печатью; / Что даже ворон не сохнет гнезда / На этом месте, преданном проклятью...* [17, с. 318].

В повествовании о Хиросиме находим также аллюзию на Откровение Иоанна Богослова, где рассказывается о семи ангелах, трубящих в *семь труб*. После того как вострубил первый ангел, на землю падают град и огонь, смешанные с кровью; сгорает третья часть деревьев и вся трава. После второй трубы в море падает огромная скала, пылающая огнем. От этого третья часть моря становится кровью, умирает третья часть обитателей моря и гибнет третья часть кораблей. Третий ангел трубит, и с неба падает звезда по имени «полынь» на третью часть рек и на источники, от этого третья часть вод становится полынной, горькой по вкусу, и многие люди умирают от этого. Четвертый ангел трубит, и от этого поражается, затмевается третья часть солнца, луны и звезд. После этого по небу летит еще один ангел с криком «горе, горе, горе», обещая его оставшимся на земле от предстоящих трех труб. Поэт проводит параллель между хиросимской сиреной, сообщившей о беде, и библейской трубой, которая должна возвестить конец света: *Сначала вам покажут Хиросиму / Такой, какой она была до взрыва: / Зеленый город в южной полудреме, / Игра листвы и солнечного света. <...> / И вдруг истошно завопит сирена, / Та самая труба, что по преданью / Нам возвестить должна конец вселенной* [17, с. 291]. Имплицитность аллюзивного элемента (даже отсылкой к библейскому тексту служит понятие «предание», которое тоже нуждается в читательской «дешифровке») рассчитана на восприятие авторского посыла достаточно подготовленным читателем, способным воспринять, истолковать намек так, чтобы правильно понять авторский замысел.

Искушение — одно из основополагающих понятий православной аскетики. Испытанием могут быть названы как особое состояние души, при котором ей навязываются греховные мысли и чувства, так и вообще любые скорбные переживания, которые посещают человека по Божью попущению. Впервые в Библии об искушении говорится в Книге Бытия, где описывается грехопадение Адама и Евы, которое имело тяжелые последствия для них самих и для их потомства. Одним из следствий первого греха стало то, что в самом человеке появилась склонность ко греху: «...Велико развращение человеков на земле... все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6: 5). Аллюзия на библейский сюжет об *искушении Адама* служит основой сопоставления образа Евдокии Лопухиной, первой жены царя Петра Первого, сосланной им в монастырь, и библейского Адама. Намек используется для придания экспрессивности (с нашей точки зрения, просматривается сочувствие к заточенной в монастыре царице, во всяком случае отсутствует ее осуждение, порицание), чему способствует также употребление стилистически маркированной лексической единицы *искус, высок*. 'строгое, суровое ис-

пытание; искушение, соблазн' [4, с. 400], и слова *окаянный, устар.* 'греховный, нечестивый' [4, с. 707]: *С колокольни плывут удары, / Слава царское торжество. / Ну, а ей-то, совсем нестарой, / Ей, покинутой, каково? // Перед искусом окаянным / И Адам ведь когда-то сник. / С неким Глебовым со Степаном / Свел монашенку духовник // Что ей сплетни да пересуды, / Что пред богом самим вина? / Предаётся с военным блуду / Евдокия Лопухина [17, с. 338].*

Писатель использует и упоминание библейского мотива о *сотворении мира*. В «Книге Бытия» говорится, что Бог сотворил небо, землю и все, что на них находится, в шесть дней. Земля была сначала пустыня и покрыта мраком (хаосом). Тогда Бог сказал: «Да будет свет!» — и появился свет. Это было в первый день творения. Во второй день образовались воздушное пространство и свод небесный. В третий день творения отделилась вода от суши; вода скопилась в морях, озерах и реках, а на суше показались травы и деревья. Аллюзия служит для активизации сознания читателей, придания выразительности тексту: *Нам в грязь приходилось деревья валить, / Тащить по грязи волокуши. / Тогда еще бог не успел отделить / Как следует воду от суши [17, с. 406].* Поэт несколько изменяет порядок библейского «действия», говоря об отделении воды от суши в день второй (в Библии это происходит в день третий): *Вычерпывая море чайной ложкой, ругая H₂O на все лады, / Как в день второй от сотворенья мира, мы отделяли сушу от воды [17, с. 131].*

Стихотворение «Берзаринштрассе», посвященное первому советскому коменданту Берлина Н. Берзарину, содержит намек на библейский сюжет о *пяти хлебах*. В Евангелии от Матфея сказано, что Христос, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики — народу. И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных; а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей (Мф. 14: 20–21). Аллюзия в данном случае «является эстетическим приемом и коммуникативной стратегией текста» [35, с. 224], служит для придания выразительности повествованию, характеристики персонажа: *Еще столбами в небе дым маячил. / Еще никто не разбирал руин. / Он, как Христос, один решал задачу — / Пятью хлебами накормить Берлин [17, с. 189].*

В «Балладе о вьюнке» содержится намек на *Всемирный потоп*, упоминаемый в Ветхом Завете: «...разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей» [33, с. 656]. На наш взгляд, аллюзия использована как попытка вызвать у читателей дополнительные ассоциации, она апеллирует к определенному интеллектуальному и культурному уровню: *Что, жизнь саму не ставя ни во что, / Однажды хлынет дождь и все затопит — / В те дни японский доктор Сигето / Решил поставить свой опасный опыт... [17, с. 318].*

2. Литературные аллюзии

Писатель использует упоминания произведений литературы разных эпох и народов. Так, в стихотворении «День теплый...» содержится аллюзия на *поэму Гесиода «Труды и дни»* (или «Работы и дни»): *За часом час, / А там за годом год / Вступает / И уходит свой черед, / В гексаметрах /*

воспетый Гесиодом, / Больших и малых дел / Круговорот [19, с. 185–186]. Античное произведение пользовалось в древности исключительной славой благодаря обилию содержащихся в нем практических советов, религиозных сведений и моральных сентенций. В поэме Гесиода с поразительной яркостью отражается весь духовный уклад мелкого земледельца-собственника, прошедший неизменным через десятки веков до настоящего времени [32]. Аллюзия в поэтическом тексте служит для активизации сознания читателей, поскольку «процесс понимания художественного текста включает диалог автора и читателя и диалог каждого из них со всей предшествующей и современной культурой» [28, с. 174], обращение к произведению античной литературы — это своего рода межкультурный диалог протяженностью в тысячелетия.

Стихотворение «Мой год рождения» содержит аллюзию на исторический роман австрийского писателя **Ф. Верфеля** «*Сорок дней Муса-Дага*», посвященного 53-дневной обороне армян на горе Муса-Даг во время геноцида 1915 г. [6]. Автор использует аллюзию для эмоционального воздействия на читателя, придания экспрессивности речи лирического героя: *И вот опять у Верфеля в романе / Делю я с вами слезы и беду. / Прошу у вас прощения, армяне, / Что я рожден в пятнадцатом году* [18, с. 115]. Использованный аллюзивный элемент предполагает довольно глубокие знания из истории зарубежной литературы: поэтом упомянута лишь фамилия автора романа, написанного в 1930-е гг., аллюзия оказывается свернутой до минимального объема.

В стихотворении «Валдаю» М. Матусовский использует намек на *повесть В. Кондратьева «Сашка»* (1979): *И где-то с солдатским мешком / Шаггал здесь кондратьевский Сашка. / Согбенные тени солдат, / Завязшие в глине обозы. / И разве я в том виноват, / Что вижу все это сквозь слезы. / На миг озарялись дворы / И меркли, во тьме пропадая* [19, с. 278]. Прототипом героя повести является 17-летний Александр Капустин, отважный разведчик, награжденный медалью «За отвагу» за то, что 26 января 1943 г. атаковал пулеметный расчет противника и взял в плен немецкого ефрейтора. Через несколько месяцев, 4 сентября 1943 г., юный солдат героически погиб в бою. Похоронен он в братской могиле деревни Красный Клин Холмского района Новгородской области [10]. Данная аллюзия будет понятна читателю, хорошо знакомому с литературой предшествующего времени, в частности с русской литературой о войне. В противном случае намек останется «непринятым» и «не расшифрованным», а значит, будет утрачено эмоционально-экспрессивное воздействие стихотворения.

Стихотворение «Приятель» содержит намек на персонажа романа **Р. Роллана** «*Кола Брюньон*», главный герой которого столяр Кола ненавидит серость и пошлость, каждое его изделие — настоящее произведение искусства. Хорошенько поработав, Брюньон охотно воздает должное старому бургундскому и вкусной еде. Кола радуется каждому прожитому дню, он живет в ладу с собой и так же старается жить со всем миром [26]. Образ героя стихотворения перекликается с персонажем романа Р. Роллана: *Старый лгунишка Кола, вечный поэт и бродяга, / Снова ты пьян, как всегда, слушать предания рад. / В глиняной кружке твоей пенится черная брага. / Собран удачно ячмень, славно поспел виноград. <...> // ...Обруч на бочку набить, жарить на вертеле мясо, / Пить — точно жажда всегда,*

жить – точно шутку шутить. // Каждой минутой своей, жизнью и сказкою каждой, / Сердцем, руками творца, связками нервов и жил / Так принимать этот мир, будто, измученный жаждой, / Сам ты придумал его и как стихи изложил [17, с. 31]. В данном случае аллюзия сводится практически к одному слову, имени **Кола**, происходит «минимизация текста» (И. Гюббенет), что требует от читателя определенных знаний из истории мировой литературы. Антропоним является «неотъемлемой частью характеристики литературного персонажа. Имя... персонажа существенно дополняет информацию о нем, которая содержится в описании не только его внешности, поведения, черт характера и т.д., но и его происхождения, социального положения и т.д.» [8, с. 107].

В стихотворении «Грамота №377» отметим аллюзию на пьесу **У. Шекспира «Ромео и Джульетта»**. Автор использует имена героев для создания параллелизма с именами русских персонажей, проведения исторической аналогии (средневековая Верона – средневековый Новгород), придания выразительности тексту: *Чертит стержень железный / За бороздкой бороздку. / Все на свете исчезнет – / Уцелеет береста. // Мчатся грамоты эти / Со строками признаний / От Ромео к Джульетте, / От Никиты к Ульяне* [17, с. 451]. Такая аллюзия является «очевидной» (по классификации И. Гюббенет), речь идет о персонажах произведения, известного всем, что в значительной степени облегчает понимание проведенной литературной параллели.

Напротив, «неочевидной» аллюзией можно назвать намек на стихотворение **А. Блока «Равенна»** (1909) в произведении М. Матусовского «Дождь идет темно и одиноко...»: *...Возвращенье Александра Блока. / Время: девятьсот девятый год. // Немец из таможни откровенно / Проверяет паспорт и печать. / А в его глазах сейчас Равенна / Как бы повторяется опять. <...> / Только верит он в зарю иную, / Полную неброской красоты. / И заносит в книжку записную: / «Дождик, пашни, чахлые кусты...»* [17, с. 469]. Географическая характеристика использованного в тексте топонима «уходит как бы на второй план, и на первое место выступает “культурный компонент”» [8, с. 84]. Как вертикальный контекст в этом стихотворении употреблено также интертекстуальное вкрапление – строки из записной книжки Блока, датированные 1909 г.: «*Дождик, пашни, чахлые кусты...*» (цит. по: [13]), что требует от читателя дополнительных усилий для понимания глубинных слоев поэтического произведения. Такую аллюзию можно назвать «неатрибутивной» (Н. Фатеева), ее смысл остается «закодированным», а намек на претекст едва узнаваем, что усиливает идейную нагрузку аллюзивного элемента.

Стихи «**Зурбаган**» в своем названии как сильной позиции и в самом тексте содержат упоминание *выдуманного приморского города*, который фигурирует во многих произведениях долгое время жившего в Крыму **Александра Грина** (романах «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Дорога никуда», поэме «Ли», многих рассказах). В стихотворении «текстовая аллюзия как интертекстуально осложненная номинация» [22, с. 43] служит для воссоздания локального колорита и выполняет функцию эпистофы, используется в конце первой и последней строф: *Семь дней трепал ураган / По водам пустынным. / Мы входим с тобой в Зурбаган, придуманный Грином. <...> // Я знал, что за цепью преград, / Под гул оке-*

ана, / Лениво мигая, горят / Огни *Зурбагана* [19, с. 58–59]. О таких аллюзиях говорят как о «доминантных» (А. Мамаева), поскольку аллюзивный элемент реализуется в контексте всего произведения, является основным мотивом стихотворения.

3. Кинематографические аллюзии

Предметом исследования обычно становятся литературные аллюзии в кинематографе. Этой проблеме посвящены работы Д. Аксютина, Ф. Галифановой, Д. Давлетбаевой, Е. Ивановой, Г. Слышкина, М. Ефремовой и других ученых.

80

К исследованию кинематографических проявлений в литературных текстах обращается И. Мартынова, которая отмечает, что кинематографичность литературных произведений определяется «стремлением руководить читательским восприятием, создавая неожиданные перебросы в пространстве, сжимая или растягивая время текста, варьируя ракурсы и планы изображения. Проявление литературной кинематографичности зависит от общих тенденций социокультурного развития и стиля автора» [20, с. 138]. Е. Белоусова, исследуя роман В. Набокова «Машенька», отмечает, что «кинематографичность “Машеньки” есть результат не заимствования, а совпадения общей устремленности литературы начала XX в. к синтезу выразительных средств и персональных творческих» [3, с. 96]. Кинематографичность художественного текста как «доминанту идиостилевого развития современной прозы» рассматривает Т. Можяева [21, с. 9]. Е. Проскурина называет кинематограф как отраженную реальность «одним из модусов зеркальности» в романе И. Одоевцевой «Зеркало» [25, с. 266].

М. Матусовский в своих текстах упоминает сюжеты, имена героинь и актрис, названия фильмов советского кинематографа. Так, в стихотворении «В гвинейском кино» писатель использует намек на фильм «Летят журавли» режиссера М. Калатозова, который настолько талантливо воплотил общечеловеческие ценности, что произведение понятно и близко зрителям даже в далекой Гвинее. В качестве аллюзий автор включает в текст имя актрисы *Татьяны Самойловой*, исполнившей в фильме главную женскую роль, и само название фильма, которое, утратив статус онима, выступает как сочетание слов и выполняет функцию предикативного центра: *А зрители так же, как мы, / И верят, и любят, и плачут. / И пусть им иная звезда / В тропическом светит тумане, / Понятна им наша беда / И слезы Самойловой Тани. / И вот уж курлыканье птиц / Во мраке слышней и слышнее. / Искусство не знает границы, – / Летят журавли над Гвинеей* [17, с. 246].

В посвященном режиссеру А. Аскольдову стихотворении «Чтоб никто не слышал женских жалоб...» содержится намек на его фильм «Комиссар» (1967). Аллюзия используется поэтом для подчеркивания непреходящих общечеловеческих ценностей, активизации у читателей гуманистического мировосприятия, создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *Чтоб никто не слышал женских жалоб, / Пересохший рот прижав к руке, / Комиссарша русская рожала / В маленьком еврейском городке. <...> // Здесь хозяйка, простынь не жалея, / Стригла их на детское*

белье. / Не было ни русских, ни евреев / В этом мире маленьком ее. // Оставались только боль и жалость, / женский крик и первый детский стон. / Таинство рождения свершалось / До библейских, может быть, времен [19, с. 69].

Используя классификацию аллюзий, предложенную В. Москвиным, полагаем, что кинематографические аллюзии в произведениях М. Матусовского можно отнести к эпитропам. При помощи фигур отсылки нелитературного характера в поэтических текстах устанавливается межкультурный диалог автора и читателя, осуществляется взаимодействие произведений пространственно-временного и временного видов искусства.

Выводы

81

Таким образом, результаты исследования аллюзий в произведениях М. Матусовского позволяют сделать некоторые выводы.

1. Аллюзивные вкрапления являются органической частью поэтических текстов; различные по степени имплицитности аллюзивные элементы свидетельствуют о глубине фоновых общекультурных, литературоведческих познаний писателя.

2. Библейские аллюзии как культурно насыщенные знаки представляют особую художественную ценность в произведениях, созданных в условиях атеизма как официально декларированного мировоззрения. Рассмотренные библейские аллюзии можно разграничить (используя термины, предложенные И. Гюббенет) по степени известности на «очевидные» и «неочевидные». К первым мы относим те аллюзивные намеки, которые содержат хорошо узнаваемые антропонимы (*Бог, Каин, Адам*), библейские мотивы (*десять заповедей, отделение воды от суши*), ко вторым – аллюзивные элементы, в которых библейский текст едва узнается (*Та самая труба, что по преданью / Нам возвестить должна конец вселенной; Однажды хлынет дождь и все затопит*).

3. Литературные аллюзии в поэтических произведениях М. Матусовского обращены к произведениям литературы античной (Гесиод «Труды и дни»), европейского Возрождения (У. Шекспир «Ромео и Джульетта»), западноевропейской XX в. (Р. Роллан «Кола Брюньон», Ф. Вефель «Сорок дней Муса-Дага»), русской (А. Блок «Равенна», Александр Грин «Зурбаган») и советской (В. Кондратьев «Сашка»). Межкультурный диалог автора и читателя строится на аллюзивном материале не только разных национальных литератур, но и разных временных измерений, что и обогащает художественные тексты, и способствует глубокому культурному погружению читателя.

4. Кинематографические аллюзивные элементы связаны с шедеврами советского кинематографа. Намеки на эти произведения, в отличие от библейских и литературных аллюзий, легко поддаются читательской «расшифровке» благодаря популярности фильмов.

5. Аллюзивные упоминания выполняют различные функции: активизируют читательское сознание, вызывают дополнительные ассоциации, способствуют интеллектуальному и морально-нравственному совершенствованию читателя, служат для реализации эмоционально-экспрессивной функции произведений.

Дальнейшее изучение аллюзий видится нам перспективным и значимым в условиях антропоцентрической парадигмы исследований, развития лингвопоэтики, исследующей идиостиль писателя. Рассмотрение образных средств поэзии Михаила Матусовского позволит проанализировать аллюзии из исторических, мифологических, фольклорных источников, а также другие стилистические фигуры, их структуру и функции в произведениях писателя. Материалы работы могут быть использованы при изучении лингвистических дисциплин (стилистика, стилистический анализ художественного текста, лингвистический анализ текста, актуальные проблемы современной лингвистики), проведении спецкурсов и спецсеминаров по лингвистике текста.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. №4. С. 83–91.
2. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. №3. С. 47–54.
3. Белоусова Е. Г. О кинематографичности романа В. Набокова «Машенька» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. №47. С. 88–99.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
5. Ведернікова Т. В. Аллюзії як різновид інтертекстуальності у художньому творі // Аргументи сучасної філології: «нестача» і «бажання» у тексті : матер. міжнарод. наук. конф. Харків, 2021. С. 33–38.
6. Верфель Ф. Сорок дней Муса-Дага. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000024568-sorok-dnej-musadaga-frants-verfel> (дата обращения: 01.02.2022).
7. Гюббенет И. В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М., 1981.
8. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М., 1991.
9. Дреева Д. М., Кастуева И. К. Аллюзия как средство манифестации интертекстуальных связей в поэтическом дискурсе // Современные проблемы науки и образования: сетевое издание. 2015. №1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19560> (дата обращения: 01.02.2022).
10. Егорова А. Появившаяся 40 лет назад повесть писателя-фронтовика Вячеслава Кондратьева «Сашка» поразила читателей // Российская газета. 2018. 30 окт. URL: <https://rg.ru/2018/10/30/poiavivshaiasia-40-let-nazad-povest-pisatelja-frontovika-vjacheslava-kondrateva-sashka-porazila-chitatelej.html> (дата обращения: 01.02.2022).
11. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань, 2010.
12. Ивушкина Т. А. Аллюзивные элементы в романах *Past Imperfect* Джулиана Феллоуз и *Rules of Civility* Амора Таулиз (в социолингвистическом и сопоставительном аспектах) // Филологические науки в МГИМО. 2019. №19 (3). С. 74–82.
13. Иконников-Галицкий А. Сожженные революцией. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=662774&rp=1&ysclid=160pytuus0904091598> (дата обращения: 01.02.2022).
14. Карасик В. Библиейские аллюзии в современной русской поэзии // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria rossica. 2021. №14. С. 145–156.

15. *Кормилов С. И.* Аллюзия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. Стб. 28.
16. *Лебедева Л. И.* Аллюзия // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 25.
17. *Матусовский М.* Избр. произв. : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения, поэмы, песни. М., 1982.
18. *Матусовский М. Л.* Горечь : книга стихотворений. М., 1992.
19. *Матусовский М. Л.* Стихотворения. Песни. М., 1986.
20. *Мартыанова И. А.* Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. №1. С. 136–141.
21. *Можаева Т. Г.* Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте: на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этувуд : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 2006.
22. *Москвин В. П.* Аллюзия как фигура интертекста // Грани познания : электрон. науч.-образоват. журн. 2014. №1 (28). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1389778094.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
23. *Москвин В. П.* К уточнению понятия «аллюзия» // Русская речь. 2014. №1. С. 37–43.
24. *Москвин В. П.* Цитирование, аппликация, парафраз: К разграничению понятий // Филологические науки. 2002. №1. С. 63–70.
25. *Проскурина Е. Н.* Кинематографичность и театральность романа И. Одоевцевой «Зеркало» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына. М., 2011. Вып. 2. С. 265–279.
26. *Роллан Р.* Кола Брюньон. URL: https://librebook.me/colas_breugnon (дата обращения: 01.02.2022).
27. *Тухарели М. Д.* Аллюзия в системе художественного произведения : дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.
28. *Фадеева Г. М.* Общекультурная и текстовая значимость литературных аллюзий в художественном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №12 (841). С. 171–185.
29. *Фоменко И. В.* Аллюзия // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 18.
30. *Шоць О.* Аллюзія як засіб формування вертикального контексту // Наук. записки Тернопільського нац. пед. ун-ту ім. Володимира Гнатюка. Сер.: Мовознавство. 2016. Вип. 1 (25). С. 112–118.
31. *Шур В. В., Кот С. М.* Онім-аллюзія біблійсага паходжаньня ў паэтычным тэксце У. Караткевіча // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта ім. І. П. Шамякіна. Сер.: Філалагічныя навукі. 2017. №1 (49). С. 167–172.
32. *Эллинские поэты VII–III вв. до н.э.* Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1999.
33. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*: более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М., 2005.
34. *Явір Л.* Аллюзивно-ремінісцентний потенціал Біблії в поетичних текстах Івана Франка // Проблеми гуманітарних наук : зб. наук. пр. Дрогобицького держ. пед. ун-ту ім. Івана Франка. Дрогобич, 2016. Вип. 38 : Філологія. С. 170–178.
35. *Яковенко Н. В.* Аллюзия на евангельские сюжеты в романах «Христос приземлился в Городне» В. Короткевича и «Мастер и Маргарита» М. Булгакова // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. №1. С. 212–227. doi: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-212-227.

Об авторе

Татьяна Алексеевна Дьякова — канд. филол. наук, доц., Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, ЛНР.

E-mail: diako122@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8440-7806

The author

Dr Tatiana A. Diakova, Associate Professor, M. Matusovsky State Culture and Art Academy of Lugansk, LPR.

E-mail: diako122@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8440-7806

УДК 159.9.07

И. С. Карась, А. А. Досаева

**СВЯЗЬ СОЗАВИСИМОСТИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ
ОБ АБЬЮЗИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН**

Поступила в редакцию 04.07.2022 г.

Рецензия от 27.07.2022 г.

85

Статья посвящена обсуждению специфики взаимосвязи созависимости с представлениями молодых женщин об абьюзивных, а также романтических и брачных отношениях с целью уточнить специфику суждений о жестоком поведении в партнерских отношениях у женщин с выраженной созависимостью. Выборку составили 110 респондентов в возрасте от 19 до 30 лет. Использованы методики свободных ассоциаций, шкала созависимости Б. и Дж. Уайнхолдов, опросник межличностных отношений В. Шутца, авторское полуструктурированное интервью в контексте проблемных ситуаций. Выявлены поверхностные представления об абьюзивных отношениях, в периферическую зону которых включены ассоциации «зависимость и слияние»; инфантильные представления о романтических отношениях; противоречивые представления о брачных отношениях. Чем более выражена созависимость, тем сильнее нарастают требования со стороны созависимой женщины к партнеру принимать решения и нести ответственность за нее, менее критично относиться к ней и поддерживать необоснованно глубокие эмоциональные отношения. Респонденты с выраженной созависимостью не стремятся заводить новые отношения, ожидая включения со стороны, при этом сами избегают искреннего контакта. Оценка значимости связи осуществлена с помощью ранговой корреляции Спирмена.

The article discusses the specifics of connection between codependency and young women's understanding of abusive, romantic and marital relationships and clarifies the specific judgments about violent behavior in partnerships among women with high codependency. The study relies on 110 responses from women aged from 19 to 30. The free associations methods, the scale of codependency of B. K. Weinhold and J. B. Weinhold, the questionnaire of interpersonal relations of W. Schutz, the author's semi-structured interview in the context of problematic situations are the methodology background of the work. Superficial representations about abusive relationships are revealed, the peripheral zone of which includes associations of "dependence and fusion"; infantile representations about romantic relationships; controversial representations about marital relations. The higher the codependency, the stronger the demands on the partner to make decisions and take responsibility of the codependent woman, the more

demands for a less critical attitude towards themselves and more demands from the partner to maintain unreasonably deep emotional relationships. Respondents with high codependency do not seek to start new relationships, expecting initiative from the others, while they themselves avoid open contact. The significance of the connection was assessed with Spearman's rank correlation.

Ключевые слова: созависимость, абьюз, абьюзивные отношения, партнерские отношения, брачные отношения, романтические отношения, социальные представления, женщины

Keywords: codependency, abuse, abusive relationships, partnerships, marital relationships, romantic relationships, social representations, women

Введение

В современных партнерских отношениях многие маркеры модели взаимодействия «агрессор – жертва» остаются замаскированными, что подчеркивает сложность и актуальность изучения проблемы абьюзивных отношений. Некоторые патологические паттерны поведения в общественном сознании романтизируются и затем начинают влиять на социальные представления о партнерских отношениях настолько, что создаваемые по такому образу семейные отношения обречены быть созависимыми.

Проблему представляет и то, что в обществе укоренился редуцированный и ригидный стереотип о жертвенном положении женщин в связи с агрессивным поведением мужчин. При этом отметим важную деталь в жестоких отношениях, которая часто ускользает от исследовательского взгляда: «преследователи» ощущают себя ограниченными определенными рамками и правилами той системы, которую создают «жертвы» с целью исправления ошибок, возникших в результате их беспомощности [9]. Также в тени для многих авторов остаются причины жертвенного, созависимого поведения, коренящиеся в родительской семье и в непреодоленном конфликте в раннем детстве.

Методология

В США в конце XX в. ряд исследователей обратили внимание на семьи, принимавшие участие в анонимных программах реабилитации от алкогольной и наркотической зависимости. Первоначально определение «созависимое поведение» применялось именно к членам таких семей, но позднее термин стал ассоциироваться в принципе с совместной жизнью или близкими отношениями с любой дисфункциональной личностью [22; 23]. Описание Т. Уоленом феномена созависимости с позиции реализации патологических потребностей жен алкоголиков способствовало введению Джонсоном в 1973 г. термина «со-алкоголизм», в дальнейшем, в 1980-х, это понятие было дополнено исследователями и трансформировалось в термин «созависимость» [5; 24].

Отметим, что многие отечественные и зарубежные ученые многогранно исследовали семейные взаимоотношения и выявляли проблемы,

которые сейчас можно классифицировать как проявление созависимости [3; 4; 19]. Наиболее полно и широко феномен созависимости представлен в многочисленных работах супругов Б. и Дж. Уайнхолдов [16]. Однако такое разнообразие данных вызывает трудности при фиксации проявлений созависимости [21].

Определение созависимости варьируется от автора к автору, что происходит из-за обилия характеристик, описывающих созависимость: неспособность дифференцировать свои потребности, мысли и чувства, ощущение ответственности и вины за проблемы других, перекалывание своей ответственности, манипулирующее поведение, излишняя концентрация на жизни и счастье другого человека, переживание циклов идеализации и разочарования в партнере и сомнения в его истинном отношении, непереносимость одиночества, ощущение тревоги и неустойчивость требований к другим людям и т. д. [16; 18; 19].

В рамках данного исследования вслед за Б. и Дж. Уайнхолдами под созависимостью понимается приобретенное дисфункциональное поведение, возникающее вследствие незавершенности решения одной или более задач развития личности в детстве [16].

В различных работах, исследующих абьюз, встречаются разграничения в понимании исследователями насильственного и абьюзивного поведения в парах. В нашей работе под абьюзивными отношениями понимается такое взаимодействие, когда оба партнера периодически «теряют над собой контроль» и ведут себя жестоко, но это редко приводит к травмам или поведению, угрожающему жизни [21]. Некоторые исследователи пишут о различии понятий «абьюзер» и «преследователь» [13], другие считают их характеристики весьма однородными [1; 11]. Мы полагаем, что речь идет об одном и том же сложном многоуровневом поведении, проявляющемся в разных формах в партнерских отношениях.

В структурном подходе социальное представление определяется как способ восприятия того или иного аспекта мира, которое трансформируется в суждение и действие [2]. Социальные представления служат в нашей работе основой для осмысления суждений, интерпретации и понимания поведения созависимых женщин в партнерских взаимоотношениях.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 110 молодых женщин в возрасте от 19 до 30 лет. Средний возраст испытуемых – 21 год. Из них 75,5% когда-либо состояли в романтических отношениях, а 7,3% состоят в брачных отношениях и сохраняют их на данный момент. При этом большая часть опрошенных (59%) отмечает, что находились в абьюзивных отношениях.

Использовались следующие методики исследования:

1. Шкала созависимости Уайнхолдов для исследования степени созависимости женщин.
2. Опросник межличностных отношений В. Шутца в версии А. А. Руквишниковой [17]. Методика позволяет определить, как респондентки оценивают свое поведение, и сопоставить результаты с характерным поведением в ролях «преследователя», «жертвы» и «спасателя».

3. Метод свободных ассоциаций. Респонденты предлагали по 5 ассоциаций для понятий «романтические отношения», «брачные отношения», «абьюзивные отношения». Обработка результатов производилась по методике, предложенной Вержесом. Число ассоциаций до группировки в различные категории — 546, 537 и 526 соответственно для романтических, брачных и абьюзивных отношений.

4. Разработано и проведено полуструктурированное интервью, в котором предлагалось ответить на 59 вопросов в контексте трех проблемных ситуаций в романтических, брачных и внебрачных отношениях. Некоторые вопросы предполагают развернутый ответ, другие — выбор «да» или «нет». В зависимости от того, на что ориентирован ответ испытуемой, баллы ранжировались и выставлялись следующим образом: ориентация на наказание и послушание, ориентация на личную выгоду — 0 баллов; ориентация на соответствие социальным нормам ближнего окружения, малой группе — 1 балл; духовно ориентированные суждения, поддержание гуманистических ценностей в отношениях — 2 балла. Таким образом, чем больше человек ориентирован на понимание гибкости законов, способен действовать автономно, сохраняя при этом ориентацию на основные права человека, чем более он опирается на духовные законы, тем большее количество баллов он мог получить по результатам интервью. Общий результат был представлен в баллах (118 максимум).

Кейс 1.

Лия и Джейсон давно знакомы. И хотя девушка не раз говорила, что не хочет встречаться с приятелем, на одной из вечеринок молодые люди выпивают и вступают в сексуальный контакт. После этого Джейсон еще больше настаивает на романтических отношениях, но девушка прямо сказала, что это ее не интересует. За это время он успел поговорить с ее подругами, чтобы выяснить, как лучше завоевать Лию. Джейсон делает ей дорогой подарок, и Лия соглашается попробовать встречаться. По-настоящему ей не нравится перспектива отношений с парнем, но подарок приходится весьма кстати, что заставляет ее сомневаться.

1. Следовало ли Лии отказаться от подарка?
  - 1а. Почему?
2. Правильно ли сделал Джейсон, что, несмотря на отказ, добивался девушки?
  - 2а. Почему?
3. Связан ли дорогой подарок с тем, что Джейсон является хорошим парнем?
  - 3а. Почему?
4. Является ли в этой ситуации важным тот факт, что Джейсон действительно любит Лию?
  - 4а. Почему?
5. Важно ли то, что Лия не настояла на отказе после получения подарка?
  - 5а. Почему?
6. Важно ли вообще давать шанс отношениям, если был сексуальный контакт?
  - 6а. Почему?

7. Важно ли говорить о своих намерениях, если вы сомневаетесь в решении, но ваш партнер настаивает на отношениях?

7а. Почему?

8. Что, на Ваш взгляд, должно больше всего беспокоить Лию в общении с молодым человеком?

8а. Почему это наиболее важно?

9. Когда вообще стоит обсудить с человеком начало романтических отношений?

9а. Почему?

10. Что, на Ваш взгляд, должно больше всего беспокоить Джейсона в его общении с девушкой?

10а. Почему это наиболее важно?

11. Осмысленная снова дилемма, какая самая ответственная вещь, которую нужно сделать в этой ситуации Лии?

11а. Почему?

Кейс 2.

Будучи студентами, Роман на 3-м курсе и Анна на 2-м курсе университета заключили брак. Семейная жизнь их радует, но о детях они не задумывались и не планировали углубляться в этот вопрос до окончания учебы. Спустя год Анна узнает о беременности, но ей хотелось бы продолжить учебу. Роман предлагает свою помощь, так как только получил диплом и еще не устроился на работу, потому что понимает, как это важно для жены. Девушка осознает, что муж действительно заботливый и чуткий человек и хорошо бы справился с ребенком, но считает, что если сосредоточится на учебе, то будет плохой матерью и столкнется с осуждением со стороны окружающих за то, что родила так рано. Родители и мужа и жены также предлагают помощь, но из-за сомнений в себе девушка даже задумывается об аборте и боится об этом кому-либо рассказать.

1. Должна ли Анна прекратить учебу, чтобы стать хорошей матерью?

1а. Почему?

2. Правильно ли, когда муж предлагает взять уход за ребенком на себя?

2а. Почему?

3. Должен ли Роман устроиться на работу вместо декрета, чтобы обеспечивать семью?

3а. Почему?

4. Что вообще делает мужчину хорошим мужем?

4а. Почему это самое важное?

5. Правильно или дурно для молодых людей создавать брак и заводить детей во время обучения?

5а. Почему?

6. Должна ли Анна обсудить с мужем мысль об аборте или оставить это в секрете, если не сделает его?

6а. Почему?

7. Делают ли Анну плохим человеком неуверенность и мысли о прерывании беременности?

7а. Почему?

8. Что вообще делает женщину хорошей женой?

8а. Почему это самое важное?

9. Делает ли неудачным брак тот факт, что супруги не планировали детей?

9а. Почему?

10. Как вообще должен решаться вопрос о рождении детей между супругами?

11. Должны ли в браке быть дети, чтобы брак был счастливым?

Кейс 3.

Мария и Роберт живут вместе уже 7 лет. С ними также проживает их 5-летний ребенок. Они давно не могут решить вопрос с официальным браком, так как оба не уверены, как будет делиться имущество и бизнес каждого, если придется разводиться, поэтому совместное проживание устраивало обоим некоторое время. Их родители не одобряют такое решение, из-за чего после общения с ними пара часто ссорится. Роберт считает, что их ссоры не должен видеть ребенок и просит вести Марию себя тише, чтобы не пугать малыша. Мария считает, что ребенок и так понимает, что между родителями что-то неладно, поэтому смысла скрывать нет. Также такие замечания еще больше задевают женщину, так как она хочет добиться правды и понять, семья они или нет. Из-за этого ссоры становятся еще сильнее, но ни к чему не приводят.

1. Что больше всего должно насторожить Марию в поведении Роберта?

1а. Почему это самое важное?

2. Правильно ли делает Мария, что пытается настоять на решении вопроса?

2а. Почему?

3. Важно ли рожать детей в зарегистрированном браке?

3а. Почему?

4. Важно ли, чтобы родители настаивали на браке своих детей?

4а. Почему?

5. В целом что такое семья?

6. Обязательно ли для создания семьи регистрировать брак?

6а. Почему?

7. Как вы считаете, что лучше для ребенка — быть или не быть свидетелем ссор родителей?

7а. Почему это лучше?

8. Что должно больше всего насторожить Роберта в поведении Марии?

8а. Почему это самое важное?

9. Как в принципе должен решаться между людьми вопрос о вступлении в брак?

10. В целом должны ли у супругов быть семейный бюджет и общее имущество?

Результаты

По результатам ответов по шкале созависимости Уайнхолдсов мы получили оценку созависимости в баллах. Минимальный результат в выборке, 39 баллов, соответствует нижней границе высокой степени созависимости, самый высокий, 65 баллов, находится в диапазоне очень высокой степени созависимых моделей (60 — 80 баллов). $M = 49,8$, $Me = 49,5$, $Mo = 54$.

Результаты по опроснику В. Шутца представлены на рисунке.

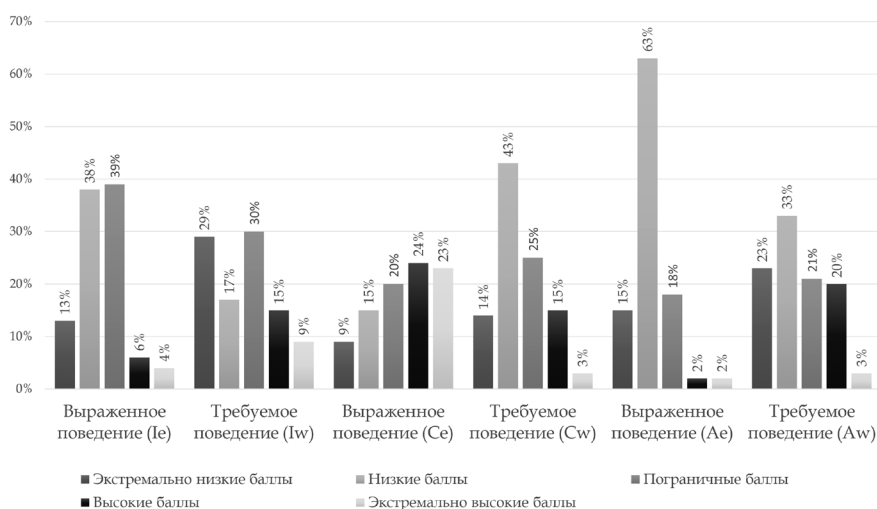

Рис. 1. Распределение ответов респондентов по шкалам: потребность включения (Ie, Iw), потребность контроля (Ce, Cw), потребность аффекта (Ae, Aw) методики В. Шутца

Результаты, полученные по методике В. Шутца, позволяют заключить, что большинство созависимых женщин избегают других людей и ощущают дискомфорт в их присутствии (шкала Ie). В то же время происходит поиск такого партнера, который преодолел бы замкнутость ищущей женщины, первым шел на контакт и организовывал его (шкала Iw).

Более половины испытуемых стремятся брать на себя большую ответственность, связанную с ведущей ролью в отношениях (шкала Ce). В деструктивном варианте такое поведение является одной из характеристик созависимости — склонности чувствовать иррациональную вину, ответственность за чувства и поведение других людей, необходимость принуждать, манипулировать, просить или подкупать других, чтобы получить необходимое. Довольно часто исследователи предполагают, что в созависимых, деструктивных отношениях именно женщины становятся жертвами ограничений, сверхконтроля, допросов и т. д. [13–15]. В то же время у половины респондентов наблюдается непринятие контроля над собой (шкала Cw). В. Шутц отмечает, что в детстве такая потребность формируется как реакция на контроль со стороны родителя со строгими запретами и отсутствием самостоятельно принятых решений, что вызывает фрустрацию у ребенка. Это стимулирует формирование обороняющегося поведения. В итоге формируются два стиля: доминирование с подчинением правилам либо полное отвержение контроля над другими и собой. Лишь четверть респондентов не прибегают к описанным крайностям и сочетают в своем поведении и те, и другие модели (шкала Cw).

Большее половины созависимых женщин проявляют крайнюю осторожность при установлении интимных отношений, стремятся поддерживать поверхностные связи со всеми, но при этом ни с кем не сближаться (шкала Ae). В. Шутц отмечает, что истоками такого поведения служит неадекватная эмоциональность в родительской семье. При чрезмерной

реакции, игнорировании или чередовании этих двух вариантов родительского поведения ребенок находится в ситуации сильнейшего страха и опасности. Единственными способами преодоления в данном случае является избегание той близости, которая в будущем может непредсказуемо ранить снова и снова. В результате формируется внешнее доброжелательное отношение вместе с чувством одиночества рядом с другими [17]. Более половины опрошиваемых женщин ожидают, что контакта с ними будут избегать (шкала Aw). Четверть респондентов склонны требовать, чтобы партнеры были эмоционально близки и делились интимными чувствами в личных отношениях (шкала Aw).

Связь созависимости с показателями шкал Ie, Iw, Ce и Ae не выявлена: $r_s(Ie) = 0,066$, $r_s(Iw) = 0,128$, $r_s(Ce) = 0,054$, $r_s(Ae) = 0,061$ при $p \leq 0,05$.

Обнаружены прямые связи:

– между созависимостью и шкалой Cw ($r_s = 0,317$ при $p \leq 0,05$), то есть при усилении созависимости нарастают требования большего контроля со стороны другого (в данном случае это не только партнеры, но и родители, друзья и коллеги по работе);

– созависимостью и шкалой Aw ($r_s = 0,348$ при $p \leq 0,05$), то есть чем более созависима женщина, тем больше у нее выражено требуемое поведение в завязывании необоснованно глубоких эмоциональных отношений (результаты подтверждают наличие неразрешенных эмоциональных детских травм у созависимых женщин).

Результаты по опроснику В. Шутца сопоставимы с полученными в ходе обработки данных по методике свободных ассоциаций (табл. 1–3).

Таблица 1

**Элементы, образующие ядро и периферию представления
о романтических отношениях у молодых женщин**

Зона ядра	Собственно периферическая зона	Зона потенциальных изменений
Част. ассоц. ≥ 17 Ср. ранг ассоц. $< 3,28$	Част. ассоц. ≥ 17 Ср. ранг ассоц. $\geq 3,28$	Част. ассоц. < 17 Ср. ранг ассоц. $\geq 3,28$
Доверие (62; 2,69)*	Приятное общение (45; 3,62)	Помощь (13; 3,62)
Комфорт (39; 3,1)	Безопасность (26; 3,35)	Прикосновения (8; 3,88)
Понимание (35; 3,14)	Секс и страсть (18; 3,89)	Страх неизвестного (7; 3,86)
Любовь (34; 2,79)	Част. ассоц. < 17	Манипуляции (7; 3,71)
Свидания (32; 3,22)	Ср. ранг ассоц. $< 3,28$	Развитие в отношениях (6; 4,48)
Забота (30; 3,1)	Свобода (5; 2,8)	Родство (5; 3,8)
Интерес (30; 3,2)	Верность (6; 2,83)	Партнерство (6; 4,33)
Поддержка (27; 3,19)	Ответственность (6; 1,67)	
Чуткость (25; 3)	Поцелуи (12; 2,75)	
Угнетение, боль (18; 3,06)	Объятья (10; 3)	
Нежность (17; 2,65)		
Уважение (17; 3,24)		

* В таблицах 1–3 первая цифра в скобках – частота ассоциаций, вторая – средний ранг ассоциаций.

В область ядра представлений о романтических отношениях (табл. 1) вошли следующие понятия: доверие, комфорт, понимание, любовь, свидания, забота, интерес, поддержка, чуткость, угнетение, боль, нежность, уважение. Из общего числа респондентов 59 % отметили, что их отношения были абьюзивными, что может способствовать ожиданию похожего отношения в будущем и формированию ассоциаций «угнетение, боль» в ядре. Одновременно в периферическую зону попадают ассоциации «приятное общение», «безопасность», «секс и страсть». При стремлении к поверхностному приятному общению, к которому склонны созависимые, затруднительно достичь безопасности, поддерживая сексуально страстные отношения с приятелем. Также в периферической системе обнаружены легкомысленные ассоциации о романтических отношениях: «поцелуи», «объятия», «свобода», однако в поверхностных отношениях затруднительно обрести верность и ответственность, что подчеркивает противоречивость представлений. Также несколько поверхностных ассоциаций попало и в ядро: «свидания», «нежность». Ассоциации «развитие в отношениях», «родство» и «партнерство» оказываются в самой нестабильной зоне представлений. Выявленные спутанные и незрелые представления о романтических отношениях в целом характерны для современной молодежи [8]. Как отмечают О. А. Екимчик, Т. П. Григорова, Н. С. Смирнова, И. А. Клешня, Е. С. Игнатова, Е. Д. Разводова, для того, чтобы со временем отношения могли удовлетворять потребность в доверии, взаимопонимании и длиться долго, партнерам необходимо иметь внутреннее стремление к саморазвитию, открытости, взаимопринятию [4; 6; 11]. Однако категорий, ассоциирующихся с развитием, открытостью и взаимопринятием в представлениях у созависимых женщин не выявлено.

Представления о брачных отношениях у молодых женщин с выраженной созависимостью отражены в таблице 2.

В ядре и первой периферической зоне представлений о брачных отношениях выявлено значительное количество негативных ассоциаций – «скованность, зависимость», «однообразие», «бесполезность». Ожидаемо появляются ассоциации, связанные с ведением совместного быта, созданием и расширением семьи. Отметим, что «любовь» и «общение» наблюдаются не в ядре, а в первой периферической зоне, в то время как «секс», «счастье» и «уважение» оказываются в самой неустойчивой и дальней области представлений. Это подчеркивает несформированность и противоречивость представлений о браке у женщин с выраженной созависимостью.

Отметим, что 93 % респондентов не состоят в браке, но уже сейчас брачные отношения ассоциируются у них с зависимостью и скованностью. Скорее всего, основным негативным прототипом брачных отношений является опыт, вынесенный из родительских семей испытуемых. Полученный результат согласуется с представлениями молодых людей, которые в большинстве отмечают, что не хотят, чтобы их семья была похожа на родительскую [10].

Важно отметить, что «доверие» попадает в первую периферическую зону. Однако ассоциаций, связанных со способностью вести себя открыто, не обнаружено. Доверие в первую очередь ориентировано на другого человека, в то время как открытость предполагает внутреннюю

готовность раскрывать различные стороны своей личности партнеру. Это подтверждает обнаруженную связь созависимости с требуемым поведением аффекта в установлении близких связей, респонденты боятся вкладываться в построение доверительного контакта.

Таблица 2

**Элементы, образующие ядро и периферию представления
о брачных отношениях у молодых женщин**

Зона ядра	Собственно периферическая зона	Зона потенциальных изменений
Част. ассоц. ≥ 18 Ср. ранг ассоц. $< 3,2$ Ответственность (47; 2,66) Взаимопонимание (29; 3) Поддержка (64; 1,95) Скванность, зависимость (18; 2,5)	Част. ассоц. ≥ 18 Ср. ранг ассоц. $\geq 3,2$ Доверие (27; 3,48) Семья (19; 3,26) Любовь (32; 3,44) Ведение совместного хозяйства (45; 3,24) Тягостные переживания (20; 3,60) Партнерство (33; 3,88) Надежность (36; 3,53) Законность (18; 3,22) Част. ассоц. < 18 Ср. ранг ассоц. $< 3,2$ Зрелость (7; 2,57) Однообразии (7; 2,29) Бесплезность (9; 3,00) Общение (4; 2,5) Воспитание и рождение детей (15; 3,13)	Част. ассоц. < 18 Ср. ранг ассоц. $\geq 3,2$ Неизвестность, недоверие (14; 3,57) Секс (17; 3,53) Счастье (10; 4,3) Уважение (15; 3,33)

Интервью также демонстрируют примитивность, несформированность суждений о брачных отношениях, которые кажутся респондентам более абьюзивными, чем романтические. Отсутствие пластичности в суждениях, ориентация на примитивную выгоду может приводить к затруднению в коммуникации, невозможности достигать более глубокого понимания партнера, договариваться в проблемных ситуациях. В ряде исследований подчеркивается, что ограниченность суждений в рамках бытового и материального благополучия, узость восприятия мужских и женских обязанностей в отношениях, роли мужа и жены ухудшают качество отношений, делают их более абьюзивными [7; 12; 14; 15]. Обнаружена связь между созависимостью и суждениями о получении личной выгоды при решении проблемных вопросов. Чем больше суждение ориентировано на поощрение или наказание, тем более выражена созависимость. Чем больше суждение ориентировано на гуманистические ценности в отношениях, тем созависимость выражена слабее ($r_s = -0,415$ при $p \leq 0,05$).

Структура представлений об абьюзивных отношениях приведена в таблице 3.

**Элементы, образующие ядро и периферию представления
об абьюзивных отношениях у молодых женщин**

Зона ядра	Собственно периферическая зона	Зона потенциальных изменений
Част. ассоц. ≥ 27 Ср. ранг ассоц. $< 3,27$ Страх, тревога (45; 3,16) Насилие (64; 3,03) Отчуждение (37; 2,89) Манипуляции (30; 3,13) Боль (29; 3,03) Лицемерное и эгоистичное поведение (37; 3,05) Власть, контроль (54; 3,04)	Част. ассоц. ≥ 27 Ср. ранг ассоц. $\geq 3,27$ Страдание (33; 3,33) Зависимость, слияние (31; 3,42) Част. ассоц. < 27 Ср. ранг ассоц. $< 3,27$ Символы насилия (25; 2,88) Брак (2; 1,5) Нежность (3; 2,67)	Част. ассоц. < 27 Ср. ранг ассоц. $\geq 3,27$ Иллюзия (17; 4,18) Расстройства личности (8; 3,88) Замалчивание (6; 4,5) Холодность (11; 3,64) Безысходность (17; 3,65)

В ядро представлений входят такие негативные ассоциации, как «страх, тревога», «насилие», «отчуждение», «манипуляции», «боль», «лицемерное и эгоистичное поведение», «власть, контроль», что подтверждает понимание респондентами деструктивной сути абьюзивных отношений. Периферическую зону образуют негативные ассоциации — «страдание», «символы насилия», а также «зависимость, слияние», что подчеркивает обреченный и трудно разрываемый характер абьюзивных отношений для созависимых. Ассоциации с «зависимостью» входят также в ядро брачных представлений, что может свидетельствовать о восприятии брачных отношений как абьюзивных. Возможно, поэтому брак становится той небезопасной близостью, которую стремятся избегать созависимые молодые женщины. Вторая периферическая система состоит из вполне адекватных ассоциаций: «иллюзия», «расстройство личности», «замалчивание», «холодность», «безысходность», испытуемые понимают абьюзивные отношения как нездоровую модель поведения.

Отметим, что в представлениях об абьюзе отсутствуют ассоциации, связанные с ответственностью и переживанием вины.

Понятие «семья», в отличие от «брака», не попадает ни в одну из зон представлений об абьюзивных отношениях. В то же время В. Шутц, Дж. и Б. Уайнхолды и М. Боуэн отмечают, что усвоение созависимых, неадаптивных моделей поведения происходит именно в детстве, на примере родительского поведения или как реакция на него. Таким образом, респонденты не осознают роли родительской семьи в формировании абьюзивных отношений.

Заключение

Исследование выявило, что при усилении созависимости женщины избегают принятия решений и взятия на себя ответственности, ожидают от партнера открытости и глубоких эмоциональных отношений. Созависимые избегают контакта, ожидают включения со стороны.

Абьюзивные отношения респондентами понимаются как болезненная, деструктивная и безвыходная форма взаимоотношений. Представления о брачных отношениях насыщены противоречивыми переживаниями, размыты и несформированы, а представления о романтических отношениях инфантильно идеализированы. Респондентки парадоксально сочетают в представлениях о брачных отношениях ответственность, взаимопонимание, поддержку со «скованными», зависимыми, однообразными, бесполезными и наполненными тягостными переживаниями ассоциациями, что объясняет стремление созависимых находиться в романтических отношениях и избегать брака, при этом надеясь на доверительные и безопасные отношения в паре. Отметим, что романтические отношения недолговечны, но все же накладывают определенные ограничения на поведение, которых боятся созависимые: посвящение времени другому человеку, нахождение компромиссов в решении возникающих споров, перераспределение количества совместного времени.

В качестве перспективных исследований представляется актуальным изучение созависимости и представлений о партнерстве у мужчин и женщин, состоящих в различных вариантах альтернативного брака, а также в более узком возрастном диапазоне: ранний подростковый возраст, поздний подростковый возраст, юность, зрелость, старость и т.д. Небольшое количество публикаций и данных о созависимых мужчинах создает еще одно направление для перспективных исследований. Из-за сложившихся стереотипов мужчины намного реже обращаются за помощью и заявляют о том, что находятся в деструктивных отношениях [20]. Мы видим решение этой проблемы в проведении аналогичного исследования созависимых пар и сравнении результатов мужчин и женщин.

Список литературы

1. Битти М. Алкоголик в семье, или Преодоление созависимости. М., 1997.
2. Бовина И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. №3. С. 5–20.
3. Боуэн М. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика / под ред. А. Я. Варги, К. Бейкер. М., 2015.
4. Екимчик О.А., Григорова Т.П., Смирнова Н.С. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров // Вестник КГУ. 2014. № 6. С. 278–283.
5. Ермаков П.Н., Кукуляр А.М., Коленова А.С. Ретроспективный анализ феномена «созависимое поведение» // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. Т. 6, №5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/82PDMN518.pdf> (дата обращения: 29.06.2022).
6. Игнатова Е.С., Разводова Е.Д. Взаимосвязь негативных черт личности и склонности к абьюзingu в межличностных отношениях между женщиной и мужчиной // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. №1 (3). С. 606–617.
7. Исаева А.С., Скупейко А.А. Психологические особенности жертв абьюза: теоретический анализ // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований : матер. междунар. студ. науч.-практ. конф., посвященной 120-летию со дня рождения Л.В. Занкова. Тверь, 2021. С. 327–331.

8. Карась И. С., Сокол Ю. И. Особенности представлений о любви и влюбленности у верующей молодежи // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. №3. С. 90–100.
9. Карпман С. Жизнь, свободная от игр / пер. с англ. Д. Касьянова. СПб., 2016.
10. Карташова Т. Е. Особенности брачно-семейных установок современной молодежи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. №129. С. 54–69.
11. Клешина И. А. Роль преследователя как следствие абьюза // Science Time. 2019. №12 (72). С. 17–19.
12. Михайленко Т. Н. Культура студентов в сфере семейно-брачных отношений // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15536> (дата обращения: 29.06.2022).
13. Панина К. В., Куликова А. А. Абьюзер: кто это в отношениях // NovaInfo. 2021. № 123. С. 49–50. URL: <https://novainfo.ru/article/18397> (дата обращения: 29.06.2022).
14. Садовникова А. Ф. Абьюзивные отношения как форма девиантного поведения // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 49-3. С. 96–98.
15. Тютюнник Н. С., Рудакова О. А. Абьюзер и особенности токсичной любви // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2019. №16. С. 102–106.
16. Уайнхолд Б. К., Уайнхолд Дж. Б. Освобождение от созависимости / пер. с англ. А. Чеславской. М., 2019.
17. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
18. Чередниченко Н. И., Карась И. С. Взаимосвязь уровня созависимости и суицидальных рисков у молодых женщин и мужчин // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. №4. <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN421.pdf> (дата обращения: 29.06.2022).
19. Эйдемиллер Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2002.
20. Bates E. Hidden victims: men and their experience of domestic violence // 5th National Conference on Male Victims of Domestic Abuse: Surviving Domestic Abuse: Experiences, Services and Solutions, 21 November 2017. L. URL: https://insight.cumbria.ac.uk/id/eprint/3463/1/Bates_HiddenVictims.pdf (дата обращения: 29.06.2022).
21. Karakurt G., Silver K. E. Emotional abuse in intimate relationships: the role of gender and age // Violence Vict. 2013. №28 (5). P. 804–821. doi: 10.1891/0886-6708.vv-d-12-00041.
22. Wegscheider-Cruse Sh. Another chance: hope and health for the alcoholic family. Palo Alto, CA, 1981.
23. Wegscheider-Cruse Sh. Choicemaking: For Co-dependents, Adult Children and Spirituality Seekers. Pompano Beach, FL, 1985.
24. Whalen T. Wives of alcoholics: four types observed in a family service agency // Quarterly Journal of Studies on Alcohol. 1953. Vol. 14. P. 632–641.

Об авторах

Инна Сергеевна Карась — канд. психол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: innakarass@mail.ru

Александра Анатольевна Досаева – студ., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: dosaeva.aleksandra.psy.spec@gmail.com

The authors

Dr Inna S. Karas, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: innakaras@mail.ru

Alexandra A. Dosaeva, Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: dosaeva.aleksandra.psy.spec@gmail.com

И. Н. Симаева, А. И. Чуркин, А. С. Чуприс

**МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕПЫХ И СЛАБОВИДЯЩИХ
В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОБЗОР ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Поступила в редакцию 28.06.2022 г.

Рецензия от 26.07.2022 г.

99

Обзор предметного поля исследований и публикаций в области музыкального образования слепых и слабовидящих, представленных в национальной базе данных, нацелен на установление границ предметного поля и выявление пробелов в данной области педагогических исследований посредством многоступенчатого электронного поиска на основе ключевых слов, ручного поиска в журналах, материалах конференций и диссертациях за период с 2010 по 2022 г. Обнаружена тенденция к положительной динамике исследовательской активности в данной области, обозначен приоритет исследовательского интереса к проблематике общего музыкального образования детей с ОВЗ по зрению. Показаны основные тематические направления: методическое обеспечение обучения слепых и слабовидящих музыке в профессиональном и предпрофессиональном образовании; общее музыкальное образование детей с ОВЗ по зрению в России и за рубежом; влияние музыкальной деятельности на развитие слепых и слабовидящих детей и др. Выявлена нехватка исследований и публикаций, посвященных методическому обеспечению обучения слепых и слабовидящих музыке в системе дополнительного образования, а также подготовке преподавателей к обучению детей с ОВЗ по зрению музыке вне учреждений специального образования.

The review of the subject field of research and publications in the field of music education for the blind and visually impaired presented in the national database- aims to establish the boundaries of the subject field and identify gaps in this area of educational research through multi-stage electronic search based on keywords, manual search in journals, conference proceedings and dissertations for the period from 2010 to 2022. The research activity in this field tends to become more dynamic, and the priority of research interest in the problems of general music education for visually impaired children is identified. The main thematic areas are shown: methodological support for teaching music to the blind and visually impaired in professional and pre-professional education; general music education of visually impaired children in Russia and abroad; the influence of musical activity on the development of blind and visually impaired children, etc. The study reveals a gap in research and publications on methodological support for teaching music to the blind and visually impaired in the system of supplementary education, as well as music teacher training for visually impaired children outside special education institutions.

Ключевые слова: ОВЗ по зрению, музыкальное образование слепых и слабовидящих, методика преподавания, методика обучения музыке, контент-анализ, научные публикации

Keywords: visual impairment, music education for the blind and visually impaired, methodology of teaching, methodology of music teaching, content analysis, research papers

Введение

100

Обеспечение реализации прав детей с ОВЗ (в том числе по зрению) на доступное и качественное образование является одной из приоритетных задач российской системы образования. Однако идеи инклюзии находят свое воплощение преимущественно в общем среднем образовании, в то время как использование высокого потенциала дополнительного музыкального образования для социализации и инкультурации детей с ОВЗ может стать важным фактором успешной реализации поставленных задач. Этим обусловлена необходимость изучения и оценки степени научной разработанности методического обеспечения музыкального образования слепых и слабовидящих в рамках отечественной педагогической науки за последние годы.

Обзор работ за данный период показал, что эволюция музыкального образования слепых и слабовидящих традиционно рассматривается в контексте эволюции музыкального образования, коррекционной педагогики и инклюзии. Вопросы коррекционного образования и интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в среду нормативно развивающихся сверстников разрабатывались Ю. И. Лебедевой [17], А. И. Сергеевой [25], Т. А. Соловьевой [26], Н. В. Крыгиной [14]. В работах Е. В. Акишиной [1], О. В. Шестаковой [33] освещены историко-педагогические основы и становление музыкального образования в России. Проблематика музыкального мышления и психологии познания музыки представлена в трудах Т. С. Орловой [22], И. Р. Левиной [18] и др. Вопросы разработки и реализации адаптивных программ в условиях инклюзии рассматриваются в публикациях Г. Ю. Баротовой [4], Т. А. Соловьевой [26] и др.

Однако преподавание музыки слепым и слабовидящим детям вне стен учреждений специального образования имеет значительные специфические особенности. Среди изученной нами литературы лишь одна работа [27] посвящена проблематике реализации инклюзии с учетом специфики музыкального образования. Наблюдается нехватка исследований и в таких важных областях, как методическое обеспечение преподавания музыки слепым и слабовидящим, профессиональная подготовка педагогов к обучению музыке детей с ОВЗ по зрению в профессиональном музыкальном образовании.

Сложившиеся противоречия между значительной ролью музыкального образования для развития и социализации детей с ОВЗ по зрению и недостаточной его освещенностью в литературе побудили нас поставить целью исследования обзор предметного поля. Это позволит наибо-

лее обширно охватить разнообразные источники, установить границы предметного поля, выявить пробелы в данной области и тем самым объективно оценить степень научной разработанности методического обеспечения музыкального образования слепых и слабовидящих в рамках педагогической науки.

Методы

Обзор осуществлялся поэтапно с применением пятиступенчатого алгоритма по методологии Х. Аркси и Л. О'Мэлли: 1) формулировка исследовательских вопросов; 2) отбор релевантных исследований; 3) отбор статей, тезисов на конференциях и диссертаций с учетом критериев; 4) распределение по тематическим областям; 5) выводы, выявление наиболее изученных направлений исследований и пробелов [2; 34]. Поиск и анализ публикаций по выбранной теме осуществлялся за период с 2010 по 2021 г. на сайте Российской государственной библиотеки. Поисковый массив был сформирован по следующим ключевым словам: музыкальное образование слепых и слабовидящих; развитие средствами музыки детей с ОВЗ по зрению; обучение слепых и слабовидящих детей музыке; музыка и социальная интеграция детей с ОВЗ по зрению; эмоциональная отзывчивость слепых и слабовидящих. Количественный (частотный) анализ проведен с использованием фильтра сайта РГБ, что позволило выбрать публикации по теме «**Ч30/49** Народное образование. Педагогические науки» и «**Ю9** Психология» по специальностям ВАК «Педагогика» и «Психология» и тем самым сузить область поиска до 2826 публикаций (18 % из всего поискового массива).

Следует отметить, что некоторые статьи соотносились с несколькими поисковыми запросами. К примеру, по запросам «развитие средствами музыки детей с ОВЗ по зрению» и «музыкальные способности детей с ОВЗ» с учетом описанного алгоритма фильтра было выявлено 67 % совпадений, что учтено при последующем качественном анализе. Качественный анализ состоял в следующем: сформированный при помощи поисковых алгоритмов сайта РГБ массив публикаций был проанализирован на релевантность (соответствие заданной тематике), публикации, нерелевантные выбранной теме, удалены. В оставшемся массиве релевантных статей и диссертаций определены наиболее и наименее изученные тематические области.

Результаты

В таблице 1 представлены количественные данные, отражающие публикационную активность по интересующей нас теме, где N_1 — количество статей за год, выданное поисковым алгоритмом на запрос по всем ключевым словам; N_2 — количество статей за год, выданное поисковым алгоритмом на запрос по всем ключевым словам в разделах «**Ч30/49** Народное образование. Педагогические науки» и «**Ю9** Психология» по специальностям ВАК «Педагогика» и «Психология»; N_3 — количество статей за год, релевантных заданной теме по ручной проверке.

Таблица 1

**Частотный анализ публикационной активности
по теме «Музыкальное образование слепых и слабовидящих детей»
по данным РГБ за 2010 – 2022 гг.**

Год	N ₁	N ₂	N ₃
2021	3000	171	2
2020	3110	329	4
2019	3214	413	3
2018	2758	511	6
2017	1391	448	7
2016	443	145	2
2015	373	153	5
2014	296	152	2
2013	309	102	1
2012	290	138	2
2011	318	140	2
2010	326	124	2

102

Корреляционный анализ динамики публикаций, определенных алгоритмом РГБ как релевантные заданным запросам (базовый и целевой поисковые массивы), показывает, что динамика массива публикаций по всем разделам имеет положительную ($r = 0,51$) связь с динамикой массива публикаций в разделах «Педагогика» и «Психология». В то же время наблюдается слабая корреляция ($r = 0,34$) динамики количества публикаций целевого поискового массива с динамикой количества публикаций, релевантных проблематике «Обучение слепых и слабовидящих детей музыке» (рис. 1).

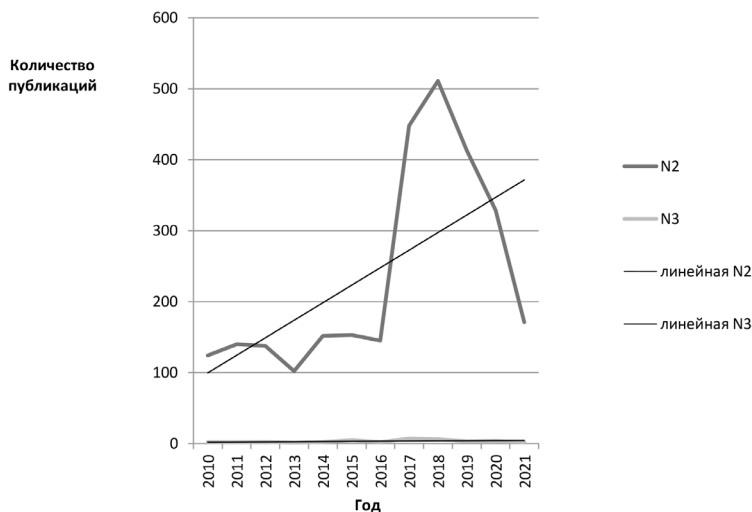

Рис. 1. Динамика количества публикаций в разделах «Педагогика» и «Психология» по теме «Музыкальное образование слепых и слабовидящих детей» и количества релевантных теме по содержанию публикаций

Из графика видно: несмотря на то что количество публикаций, определяемых поисковым алгоритмом РГБ как релевантные выбранной теме, имеет ярко выраженную тенденцию к возрастанию (линейная N_2), число публикаций, посвященных проблеме музыкального образования слепых и слабовидящих, почти не растет (линейная N_3): $d \text{ линейная } N_2 / dt = 24,7$ тогда как $d \text{ линейная } N_3 / dt = 0,2$.

Качественный анализ целевого поискового массива (столбец N_2 в таблице 1) показал, что с 2017 г. резко возросло количество сборников статей и сборников материалов педагогических конференций, которые поисковая программа определяет как релевантные заданным запросам. В таблице 2 показан результат анализа количества сборников статей и материалов конференций по запросу «Обучение слепых и слабовидящих детей музыке» в целевом поисковом массиве публикаций.

Таблица 2

**Количество статей в разделах РГБ «Ч30/49 Народное образование.
Педагогические науки» и «Ю9 Психология»
по запросу «Обучение слепых и слабовидящих детей музыке»
за 2010 – 2021 гг.**

Год	Общее количество публикаций	Количество сборников статей и сборников материалов педагогических конференций
2021	15	3
2020	25	5
2019	27	7
2018	43	20
2017	52	20
2016	16	1
2015	24	1
2014	23	1
2013	19	2
2012	25	2
2011	36	1
2010	31	2

Как видно из таблицы 2, начиная с 2017 г. происходит рост числа сборников статей и сборников материалов педагогических конференций, непропорциональный росту общего количества публикаций. В период с 2010 по 2016 г. среднее количество публикаций составило 25, сборников статей и материалов педагогических конференций – 1, в то время как в период с 2017 по 2021 г. среднее количество публикаций составило 32, среднее количество сборников статей и материалов педагогических конференций – 11. Доля сборников статей и материалов педагогических конференций в общем количестве публикаций отображена на рис. 2.

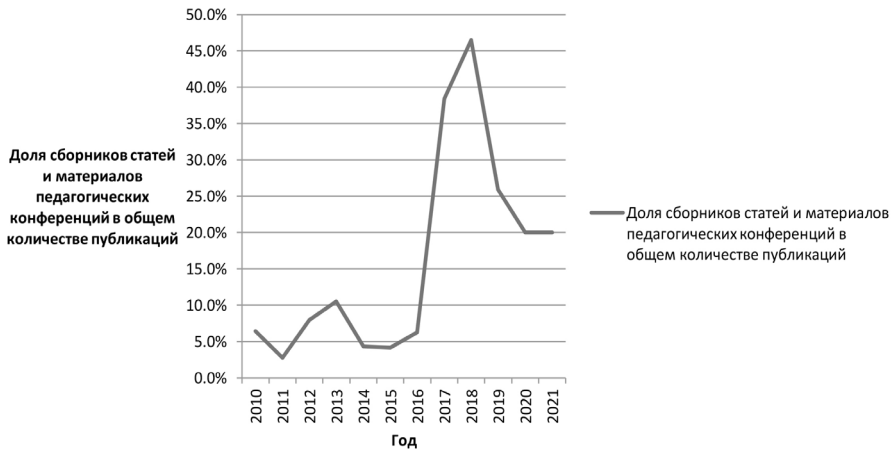

Рис. 2. Динамика доли сборников статей и материалов педагогических конференций в общем количестве публикаций в целевом поисковом массиве по запросу «Обучение слепых и слабовидящих детей музыке»

Примечание. В первом приближении может создаться впечатление, что педагогические исследования в данной области существенно продвинулись, однако ручная проверка показала, что значительная часть этих публикаций представляет собой результаты исследований, недоступных для публичного обсуждения и/или обобщения. Дело в том, что доступ к содержанию и самим текстам этих сборников ограничен, что создает серьезные препятствия для изучения и распространения результатов и опыта этих исследований среди преподавателей, реализующих аналогичные цели и задачи инклюзии. Именно по этой причине сборники статей и материалов конференций с ограниченным доступом, которые поисковый алгоритм определил как релевантные задаваемым запросам, не принимались для количественного и качественного анализа.

Качественный анализ содержания публикаций позволил выделить шесть наиболее часто встречающихся тематических областей исследований музыкального образования слепых и слабовидящих:

- 1) методическое обеспечение обучения слепых и слабовидящих музыке (в профессиональном и предпрофессиональном образовании);
- 2) подготовка преподавателей к обучению слепых и слабовидящих детей музыке;
- 3) общее музыкальное образование детей с ОВЗ по зрению в России и за рубежом;
- 4) влияние музыкальной деятельности на развитие слепых и слабовидящих детей;
- 5) анализ образовательной среды в контексте реализации инклюзивного музыкального образования (экономические, социальные, правовые, административные и прочие аспекты музыкального образования);
- 6) педагогические модели, условия реализации инклюзивного музыкального образования слепых и слабовидящих.

Результат качественного анализа содержания показал, что большую долю публикаций занимают вопросы подготовки преподавателей к обучению слепых и слабовидящих детей музыке. Объектами исследования чаще всего становились готовность будущих педагогов к деятельности в условиях инклюзивного образования (24 %) и процесс включения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в образовательную среду (40 %).

Следует отметить тот факт, что музыкальное образование подразделяется на общее музыкальное образование, реализуемое в основном на базе общеобразовательных школ, и профессиональное (предпрофессиональное) музыкальное образование. Анализ содержания публикаций выявил, что большая их часть (58 %) ограничивается рассмотрением проблематики лишь общего музыкального образования детей с ОВЗ по зрению, 42 % публикаций рассматривает аспекты как профессионального (предпрофессионального) музыкального образования, так и общего. Распределение публикаций по темам в контексте вышеуказанной категоризации показано на рисунке 3.

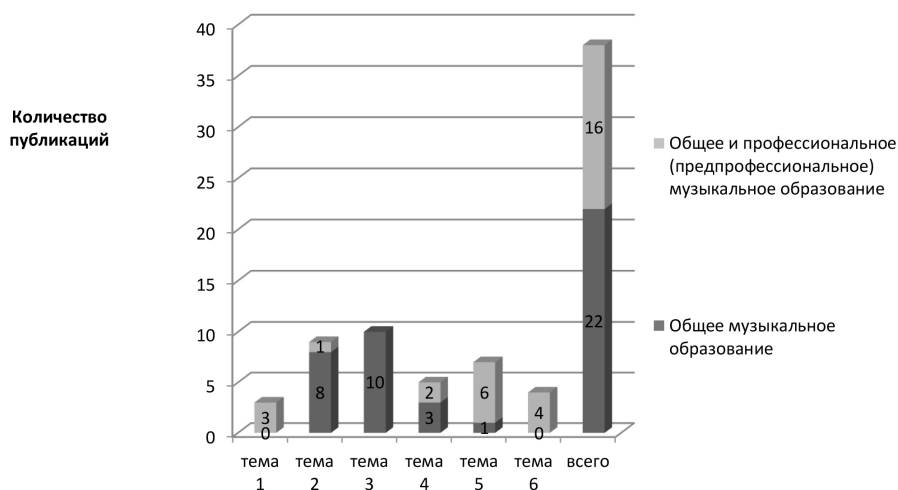

Рис. 3. Доля публикаций, ограничивающихся рассмотрением общего музыкального образования детей с ОВЗ по зрению в контексте выбранной тематической классификации

Из рисунка 3 видно, что внимание исследователей в основном сосредоточено на проблематике развития профессиональных компетенций учителей по обучению детей с ОВЗ по зрению музыке в рамках общего музыкального образования (89 % публикаций), и лишь в одной публикации были рассмотрены вопросы подготовки учителей к преподаванию музыки слепым и слабовидящим в сфере профессионального (предпрофессионального) музыкального образования.

Обсуждение

Качественный анализ тематических областей предметного поля показал, что в публикациях, посвященных методическому обеспечению обучения слепых и слабовидящих музыке, освещена лишь проблематика обучения детей с ОВЗ по зрению сольному пению [11] и игре на духовых инструментах [5], при том что методическое обеспечение обучения игре на различных музыкальных инструментах имеет значительное различие, обусловленное спецификой исполнительской техники.

В статьях по тематике «Подготовка преподавателей к обучению слепых и слабовидящих детей музыке» раскрыты проблематика формирования психологической готовности преподавателей предметной области «Искусство» к работе в условиях инклюзии [32], особенности профессиональной [10; 15; 28] и психологической [8; 9] готовности преподавателей к реализации инклюзии в системе общего (в том числе общего музыкального) образования.

Тематическая область, посвященная вопросам общего музыкального образования, представлена ФГОС [29], примерной адаптированной основной общеобразовательной программой начального общего (в том числе общего музыкального) образования слепых обучающихся [23] и методическими рекомендациями ее реализации [20]. Несколько публикаций посвящено проблематике психолого-педагогического сопровождения обучающихся в инклюзивном образовании (в том числе в общем музыкальном образовании) [6; 12; 24].

Влияние музыкальной деятельности на социализацию и инкультурацию слепых детей в культурное пространство, на их самооценку также рассмотрено в немногочисленных работах В.Ц. Цыренова [31], Т.В. Гудиной [7]. Опыт использования музыкальных занятий для развития слепых и слабовидящих детей в Школе Перкинса для слепых (США) описан в работе К. Хайдта [30].

Тематическая область «Анализ образовательной среды в контексте реализации инклюзивного музыкального образования» представлена публикациями по вопросам обеспеченности дополнительным образованием детей с ОВЗ в России, США и странах Евросоюза [13], государственного участия в процессе развития отечественной системы специального (коррекционного) образования во второй половине XX в., социально-экономическим аспектам инклюзивного образования [3; 16].

Обнаружены единичные «педагогическая модель инклюзивного музыкально-образовательного процесса детей с ОВЗ (в том числе с ОВЗ по зрению)» в диссертации А. А. Смирнова [27] и модель инклюзивного образования (в том числе общего музыкального) в условиях муниципальной образовательной системы в диссертации Н. А. Медовой [21]. Построение содержания образования (в том числе общего музыкального) для лиц с тяжелыми множественными нарушениями развития на основе компетентностной парадигмы рассмотрено в работе Т. В. Лисовской [19].

Выводы

Обзор предметного поля представленных в РГБ отечественных публикаций и педагогических исследований в области методического обеспечения музыкального образования слепых и слабовидящих в це-

лом демонстрирует положительную динамику исследовательского интереса к музыкальному образованию детей с ОВЗ по зрению в период с 2015 по 2020 г.

Однако распределение публикаций в РГБ по критериям «объект исследования», «сопоставимость содержания публикаций с объектом исследования» показало, что количество публикаций, реально соответствующих заданной тематике, не увеличивается и остается незначительным. Большинство исследователей рассматривают проблематику лишь общего музыкального образования детей с ОВЗ по зрению в процессе школьного обучения. В качестве изучаемых объектов чаще всего выступают готовность будущих педагогов к деятельности в условиях инклюзивного образования и процесс включения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в образовательную среду. Существенным пробелом, на наш взгляд, является то, что вне сферы педагогических исследований остаются вопросы методического обеспечения обучения слепых и слабовидящих детей игре на многих музыкальных инструментах, которая не только развивает общие способности, но и становится фактором социализации и инкультурации детей и взрослых с ОВЗ по зрению. Отсутствуют исследования с указанным содержанием в рамках дополнительного образования. Даже в общем недифференцированном по релевантности массиве публикаций не обнаружено статей о современных методах обучения слепых и слабовидящих без применения рельефных шрифтов, с использованием цифровой среды, современных цифровых технологий, онлайн-обучения и т. д.

Таким образом, представленный обзор предметного поля позволил определить его границы, выявить основные тенденции (тематические области) в его исследовании, а также пробелы в рамках педагогических исследований музыкального образования. Это позволяет прийти к выводу о недостаточной степени изученности анализируемой проблематики в отечественной педагогической науке и обозначить перспективное направление дальнейших исследований в данной области.

Список литературы

1. Акишина Е. М. Историко-педагогические основы освоения отечественной музыкальной культуры конца XX – начала XXI века в образовательных организациях : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2018.
2. Акоев М. А., Маркусова В. А., Москалева О. В., Писляков В. В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития наук и технологии : монография. Екатеринбург, 2014.
3. Афонькина Ю. А., Кузьмичева Т. В., Морозова Д. А. Инклюзивное профессиональное образование: социально-личностные и социально-экономические эффекты : монография. Красноярск, 2020.
4. Баротова Г. Ю. Формирование профессионально-педагогической культуры студентов педагогических вузов в условиях работы в системе инклюзивного образования : на материале Республики Таджикистан : дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2019.
5. Берестенко И. В., Берестенко Н. А., Эулан М. А. Методическая разработка для работы с детьми ОВЗ в классе духовых инструментов. Тверь, 2021.

6. *Годовникова Л. В.* Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся в условиях реализации ФГОС ОВЗ : учеб. пособие. Белгород, 2017.
7. *Гудина Т. В.* Социально-культурная деятельность как средство обеспечения равных возможностей развития и инкультурации детей-инвалидов в современном обществе : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2014.
8. *Дунаевская Э. Б.* Психологические факторы профессионального развития учителей коррекционных и обычных классов: на примере учителей провинциальных общеобразовательных школ : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010.
9. *Ивенских И. В.* Психологическая готовность будущих педагогов начального образования к работе с младшими школьниками в условиях инклюзивного обучения : дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2019.
10. *Карынбаева О. В.* Подготовка педагогов в дополнительном профессиональном образовании к формированию инклюзивной образовательной среды в общеобразовательных организациях : дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2015.
11. *Клименко Е. В., Глубокий П. С.* Обучение инвалидов с нарушениями зрения и нарушениями функций опорно-двигательного аппарата по дисциплине «Сольное пение» в образовательных организациях высшего образования и профессиональных образовательных организациях : учеб.-метод. пособие. М., 2021.
12. *Колокольцева М. А.* Воспитание нравственных взаимоотношений младших школьников в инклюзивном образовании : дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2012.
13. *Дополнительное образование детей в России: единое и многообразное / С. Г. Косарецкий, М. Е. Гошин, А. А. Беликов [и др.].* М., 2019.
14. *Крыгина Н. М.* Деятельность отечественного государства в области специального (коррекционного) образования: 1945–2000 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011.
15. *Кузьмина О. С.* Подготовка педагогов к работе в условиях инклюзивного образования : дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2015.
16. *Кулагина Е. В.* Образование детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья: социально-экономический аспект : монография. М., 2014.
17. *Лебедева Ю. И.* Формирование проектной компетентности педагога инклюзивного образования в системе дополнительного профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2020.
18. *Левина И. Р.* Развитие социального интеллекта педагога-музыканта в процессе профессиональной вузовской подготовки : дис. ... д-ра пед. наук. Уфа, 2019.
19. *Лисовская Т. В.* Педагогическая система непрерывного образования лиц с тяжелыми множественными нарушениями развития в Республике Беларусь : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2016.
20. *Методические рекомендации по реализации адаптированных дополнительных общеобразовательных программ, способствующих социально-психологической реабилитации, профессиональному самоопределению детей с ограниченными возможностями здоровья, включая детей-инвалидов, с учетом их особых образовательных потребностей.* Тверь, 2020.
21. *Мёдова Н. А.* Модель инклюзивного образования в условиях муниципальной образовательной системы : дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2013.
22. *Орлова Т. С.* Жанровый подход к обучению музыке в условиях дополнительного образования : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2019.

23. Примерная адаптированная основная общеобразовательная программа начального общего образования слепых обучающихся / Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2018.

24. Поникарова В. Н. Специфика психолого-педагогического сопровождения субъектов инклюзивного образования : монография. Череповец, 2017.

25. Сергеева А. И. Инклюзивно ориентированная подготовка педагогов-дефектологов в вузе на уровне бакалавриата : дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2019.

26. Соловьева Т. А. Системный подход к организации процесса включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду : монография. М., 2018.

27. Смирнов А. А. Педагогическая модель музыкально-образовательного процесса в условиях инклюзии : дис. ... канд. пед. наук. М., 2020.

28. Тимохина Т. В. Профессиональная подготовка педагогов к работе с детьми с особыми адаптивными возможностями : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2018.

29. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья / Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2018.

30. Перкинс Школа: руководство по обучению детей с нарушениями зрения и множественными нарушениями развития / К. Хайдт, М. Аллон, С. Эдвардс [и др.] ; пер. Е. Мельниковой. М., 2018.

31. Цыренов В. Ц. Социализация и инкультурация детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных организациях разных типов и видов : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2015.

32. Черномырдина Т. Н. Формирование психологической готовности будущих педагогов к профессиональной деятельности в условиях инклюзивного образования : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2018.

33. Шестакова О. В. Становление и развитие отечественных средних специальных музыкальных школ для одаренных детей: 1930–1980-е годы : дис. ... канд. пед. наук. М., 2018.

34. Arksey H., O'Malley L. Scoping studies: Towards a methodological framework // International Journal of Social Research Methodology: Theory and Practice. 2005. №8 (1). P. 19–32.

Об авторах

Ирина Николаевна Симаева – д-р психол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9491-1099>

Scopus Author ID: 57209421397

Александр Игоревич Чуркин – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AlChurkin@stud.kantiana.ru

Алина Сергеевна Чуприс – канд. пед. наук, Федеральный институт цифровой трансформации в сфере образования, Россия.

E-mail: a.chupris@ficto.ru

The authors

Prof. Irina N. Simaeva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9491-1099>

Scopus Author ID: 57209421397

Alexander I. Churkin, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AlChurkin@stud.kantiana.ru

Dr Alina S. Chupris, Federal Institute of Digital Transformation in Education, Russia.

E-mail: a.chupris@ficto.ru

Н. С. Цветова

**СЛОВАРИ КИЛЬДИНСКОГО СААМСКОГО ЯЗЫКА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ
ТЕНДЕНЦИЙ**

Поступила в редакцию 21.05.2022 г.

111

Рец. на кн.: *Иванищева О.Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка : словарь. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. — Ч. 1. : Рыбы. Вода. Рельеф. — 66 с. ; Иванищева О.Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка : справочник. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. — Ч. 2. Животные. Птицы. Насекомые. — 157 с.*

Проблема витальности исчезающих языков давно волнует научное сообщество. Как утверждают ученые, большей части таких языков грозит серьезная опасность исчезновения в ближайшие десятилетия. По самым осторожным оценкам, половина, а по наиболее пессимистическим прогнозам, до 95 % их может исчезнуть к концу XXI в. [4, с. 15].

На территории Российской Федерации к угрожаемым саамским языкам принадлежат четыре языка, ранее считавшиеся диалектами: кильдинский, йоканьгский и скольтский (колтта), а также бабинский язык, который считается исчезнувшим за последнее время. Все эти языки относятся к категории *critically endangered* [10, с. 29], то есть находящихся под угрозой исчезновения, так как на них «говорят только бабушки и дедушки, старшее поколение; родители иногда понимают язык, но не употребляют ни с детьми, ни между собой» [1, с. 326].

Рецензируемые работы О.Н. Иванищевой напрямую соотносятся с проблемой языковой витальности. Витальность, или жизнеспособность языка — это способность к развитию, изменению или сохранению структурных и главным образом функциональных качеств. Витальность показывает удельный вес потребления данного языка в регионе или сфере общения через характеристику числа и объема его социальных функций, степень литературной обработанности. На уровень витальности языка влияют такие факторы, как количество говорящих на нем как на родном и втором, использование языка младшим поколением; уровень его функциональной развитости; наличие письменной традиции; наличие стандартного варианта языка; статус языка, языковая политика, направленная на поддержку и развитие языка [14, с. 106].

В этом контексте процесс создания словарей кильдинского саамского языка затрудняют два обстоятельства.

Во-первых, наличие двух графических вариантов. Кильдинский саамский язык использует кириллическое письмо. Однако ведутся споры вокруг графических вариантов, в частности об использовании букв *h* и *j*.

Дискуссия спровоцирована составителями трех двуязычных (переводных) словарей — носителями или неносителями кильдинского саамского языка, которые отстаивали разные точки зрения на написание саамских слов [15].

Во-вторых, источники информации. Традиционные методы сбора языкового материала (полевые исследования, ассоциативные эксперименты, использование национальных баз данных) в случае исчезающих языков должны дополняться анализом письменных источников, если они есть, а также данными из этнографической литературы. При этом вторичность материала (ученый записывал материал, а лексикограф вынужден верить записям этого ученого) определяет субъективность представления реалии в словаре. Но эту проблему не решить. К тому же работа с информантами затруднена тем, что носители исчезающего языка — чаще всего люди преклонного возраста, а толкование слова производится с учетом жизненного опыта информанта и его собственной интерпретации значения слова.

Так, при описании значений слов, принадлежащих к тематической группе «Рельеф», О.Н. Иванищевой были обнаружены несоответствия между данными информантов и значениями, зафиксированными в кильдинско-саамских словарях. Например, слово «уррьт» в интерпретации информанта получило значение «большие горы (как Ловозерские)». В словарях это слово зафиксировано с несколько другим значением: гора высокая, гора скалистая (АН), гора (скалистая) (К), скалистая гора (АФ). Если говорящий никогда не видел Ловозерских гор, то он может вкладывать в это слово посторонний смысл [9, с. 117].

Эта проблема усиливается так называемой наивной лексикографией, которую активно развивают пользователи Сети — непрофессиональные лексикографы. Наивная диалектология, представляющая толкование диалектных слов носителями диалекта, выявляет разницу между «официальным» и «неофициальным» толкованием слов.

В связи с публикацией словарей О.Н. Иванищевой встают еще два вопроса: как лексикографическое представление решает проблемы сохранения культурно значимой информации, заключенной в исчезающем языке, и какие элементы культурных смыслов необходимо представлять в словаре, чтобы сохранить знания о материальной и духовной культуре народа для будущих поколений.

При обсуждении первого вопроса автор обращается к понятию *тезаурус* и выбирает этот тип словаря как оптимальный для описания лексической системы исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера.

Тезаурусом, как известно, называется словарь, где слова-понятия расположены иерархически. Составление тезауруса конкретного языка означает отображение системы знаний данного народа о мире, поскольку то, как человек видит мир, во многом определяется именно языком — языком вообще и языком родным [11, с. 17].

Структура тезауруса для языков малочисленных коренных народов, по мнению О.Н. Иванищевой, должна быть не такой, как для европейских языков, распространенных на большой территории и с большим количеством говорящих на них. По оригинальной идее автора словарей,

тезаурус должен представлять собой «не просто перечисление всех слов, входящих в те или иные понятийные поля, а расположение их с учетом принципа противопоставленности» [6, с. 101].

Но следует отметить, что тезаурус требует достаточно жесткой упорядоченности материала, а при отсутствии полного словника такая задача кажется трудно выполнимой, хотя стремление ее реализовать заслуживает уважения. Для кильдинского саамского языка, с небольшим количеством реальных носителей, не принятой единой графической системой и практически отсутствием преподавания на нем, необходимо прежде всего создать полную лексическую базу данных. Конечно, в лексиконе исчезающего языка обязательно обозначатся какие-то приоритеты. Мы согласны с О.Н. Иванищевой, что в первую очередь нужно сохранить для будущих поколений базовую лексику, репрезентирующую основные понятия жизни коренного народа: животный и растительный мир, хозяйственную и промысловую деятельность, жилище, пищу и др., потому что это основа жизнедеятельности народа. Но мысль О.Н. Иванищевой о том, что рассматривать лексику кильдинского саамского языка логичнее с ориентацией на оппозитивные отношения, все-таки требует уточнений. Оппозиции, выделяемые автором в лексическом материале кильдинского саамского языка, традиционны: это «противопоставление по полу (*чуххч* – глухарь; *куэххьпель* – глухарка); по месту обитания (*чя́рр рыһн* – тундряная куропатка; *кёрэм* – горная куропатка; *ля́мтт рыһн* – лесная куропатка); по функциональной значимости (*вўһнтэй*, *вўһньей* – задний [рулевой] гребец; *альсай олма* – рыбак, который остается на берегу в месте, откуда началась установка невода; *нўххьт киххчэй олма* – рыбак, который остается в лодке и следит за тем, чтобы невод вытягивался равномерно; *нўххьт нўррь кёзэй* – рыбак, вытягивающий невод; *туэрриэй олма* – рыбак, который при помощи палки бьет по воде для того, чтобы загнать рыбу в невод; *сужк* – зуй, наживочник (человек, который наживлял рыболовные снасти для ловли морской рыбы))» [5, с. 114]. Скорее всего, в лексике, презентующей материальную культуру малочисленного народа, такие оппозиции действительно существуют, но, думается, не во всех лексических группах. И лакунарность в таком случае объясняется не только объективными, но и субъективными причинами. Последние осознает и сама автор словарей. Но, размышляя над объективными причинами, можно обратить внимание, например, на лексическую презентацию духовной культуры, реалий советского и постсоветского быта. Как представить оппозиции к таким названиям предметов религиозного культура, как *сейд* (священный камень) или *нойд* (колдун, ясновидящий)? Повторим: думается, что идея оппозиций в приложении к словарю-тезаурусу еще требует детального осмысления.

Второй вопрос связан с решением «узких» проблем лексикографии – определением состава словника и содержания словарной статьи. Вопрос о составе словника словаря исчезающего языка коренного малочисленного народа решается автором рецензируемых словарей в соответствии с типом словаря и потребностями пользователя. Пользователь словарей О.Н. Иванищевой – носитель саамского языка и/или изучающий этот язык. Для носителя языка, в основном уже двуязычного, словарь – помощник в освоении богатств духовной и материальной культуры саам-

ского этноса через классическое описание значений лексических единиц кильдинского саамского языка [10, с. 75–82]. Для изучающего кильдинский саамский язык, имеющего своей целью освоить лексику языка, в словарную статью вводится переводной эквивалент и культурологический комментарий.

В главном О.Н. Иванищева права, хотя такое описание потребителей словарей все же видится несколько упрощенным. Запросы пользователей недостаточно изучены и еще ждут своих исследователей.

Интересный и опять же очень перспективный ракурс проблемы возникает при обращении к фигуре исследователя исчезающего языка. Очевидно, что он, даже будучи носителем языка, может не владеть им в достаточной степени. По каким критериям можно определить степень знания языка? Известны факты учета владения родным языком в процессе переписи населения. Но в таком случае о владении языком заявляет сам носитель, субъективно оценивая свой языковой уровень. Необходимо, по нашему мнению, сначала разработать методику выявления степени сохранности исчезающих языков Кольского Севера и Сибири, которая будет основана на ином подходе к пониманию диагностики языковой компетенции носителей малых языков. Существующая практика проверки знания языка сводится к тестированию и/или анкетированию носителей. В письменном тесте при этом чаще всего требуется написать текст или предложения на языке, в тесте на чтение — прочитав и понять текст. В полевых исследованиях применяются другие методики, обнаруживающие «парадокс наблюдателя» — такое положение, когда лингвист стремится к записи «чистого материала», но его присутствие как раз и препятствует этой цели. В качестве базовых можно использовать подходы, предложенные А.И. Кузнецовой для определения степени сохранности этнического языка и уровня владения им [12], а именно запись спонтанной речи (диалогов), порождение текста и составление рассказа по картинке, восстановление текста по его русскому переводу, самозапись текста, запись русской речи носителей этнического языка в их повседневном общении.

Словари О.Н. Иванищевой возникли в результате полевых работ, проводившихся в течение 10 лет [7; 8; 13]. По своему характеру они являются ономаσιологическими, создавались по понятийно-тематическому принципу. Для определенного понятия в словаре приводятся все лексемы, относящиеся к данной тематической группе (например, «Рыбы», «Вода», «Рельеф»), выявленные в процессе полевых исследований, анализа словарей (отечественных и зарубежных) и архивных источников.

Например, группа «Рельеф» представляет лексику, отражающую названия положительных и отрицательных форм рельефа на территории Кольского полуострова — места проживания кольских саамов. Каждое слово при этом имеет несколько графических вариантов. Фиксируются также разные оттенки значения. Приведем наиболее показательный пример:

ГОРА *vürp* 'невысокая гора, круча' (АН, с. 37); 'невысокая гора, холм' (АФ, с. 45); 'гора, круча' (К, с. 18), *virrr* 'лесная горка, «варака»' (ГС, с. 124), *virr* 'невысокая горка' (ЛГ), *virr* 'склон, хребет' (K09, с. 123),

луэххк 'небольшая гора, горка' (АН, с. 154; К, с. 53); луэжк 'горка' (АФ, 170); пāххк 'гора тундровая; тундра' (АН, с. 216); пāнкк '[тундровая] гора' (АФ, с. 244); пāххк 'гора' (К, с. 71); пāххк, паххк 'гора' (К03, с. 54); паххк 'поросшая растительностью гора' (ЛП); пāххк 'гора, меньше «уррѳт»' (ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ); 'локализованное место на горе' (РР); 'гора, покрытая растительностью' (КА); пāгка (ум.-ласк.) 'горка тундровая' (АН, с. 209); пагка (ум.-ласк.) 'небольшая гора' (ГС, с. 124; ЛП); пāгкэнч 'горка тундровая' (АН, с. 209); пāкэнч '[тундровая] сопка' (АФ, с. 244); 'горочка' (РР); 'горушка' (КА); пака 'невысокая, отдельно стоящая гора, покрытая растительностью' (ЛП); пака 'маленькая сопка' (ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ); 'маленькая горочка' (РР); 'небольшая горка' (КА); рааккi 'высокая земля' (К09, с. 122); пāррнэ уйнсэнѳ чофѳта эллесь пагка 'дети увидели очень высокую горку' (АН, с. 209); чѳгар ялл пагка альн 'стадо пасется на сопке' (АФ, с. 244); шѳрр пāххк 'большая гора' (АН, с. 20); тѳррѳм 'гора, горушка, холм' (АН, с. 296); 'горка, возвышенность' (АФ, с. 349); 'гора, горушка, холм' (К, с. 92); 'невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке' (ЛП); тѳерм 'горка, холмик, пригорок, обрыв' (ГС, с. 124); tiemп 'горушка, обрыв' (К09, с. 123); тѳндар 'тундра' (АН, с. 311; К, с. 98); tũndar, tũndar 'лопарская гора (большая)' (ПТ, с. 613); чāрр 'тундра' (АН, с. 336); чāрр 'тундра' (АФ, с. 387); пāльяс чāрр 'голая тундра' (АФ, с. 387); тундр, тундар '1) возвышенность, выходящая за пределы лесной растительности; 2) горный массив' (ГС, с. 124); тундренч 'тундрица, горка' (ГС, с. 124); tsharr 'гора ягельная' (К09, с. 123); уррѳт 'гора скалистая, гора высокая' (АН, с. 325); 'скалистая гора' (АФ, с. 373); 'высокая скалистая гора, лишенная растительности, часто располагающаяся у берега моря' (ЛП); 'большие горы (как Ловозерские)' (ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ); urrd 'большая скалистая гора' (СОС, с. 28); Луявѳр уррѳт 'Ловозерские горы' (АН, с. 325); ортенч, орденч 'уменьш. от урт' (ГС, с. 124); шаррѳй 'гора (невысокая)' (АН, с. 351; К, с. 110); шарий, шоарий 'гора среднего размера, ниже, чем уррѳт, но выше пака' (ЛП); kuedshkash 'гора, покрытая сосной' (К09, с. 122); vāgġe 'гора, лесистая гора, сопка, покрытая лесом' (ПТ, с. 721); варрѳ 'у русских «варака» — холм, покрытый лесом; гора, покрытая лесом' (ГС, с. 124); варрѳ — общее название леса; vārrѳ 'лес' (РР); варрѳ — лес (носитель языка дополняет, что помимо всего прочего в других диалектах саамского языка (в северосаамском, колтта и инари диалектах) это слово означает «гора») (КА); варенч (уменьш.) от варанч 'горка, покрытая лесом' (ГС, с. 124); нѳллькесь пāкк 'плоские горы' (АФ, с. 210); гāġġE 'гористый рельеф (сопки) на побережье, в отличие от хвойного леса' (ПТ, с. 416) [7, с. 30–31].

Такой способ подачи лексического материала дает исследователю языка материал, который фиксирует динамику лексической системы кильдинского саамского языка: указывает на то, что часть терминов, хотя они и представлены в словарных и архивных источниках, в современном кильдинском саамском языке уже не функционируют, так как утратили свою актуальность и перешли в пассивный запас.

Автор убедительно доказывает мысль, что номинация географических объектов объясняется спецификой хозяйственной деятельности саамов, что выделение, например, дифференциальных семантических признаков «растительность», «лес» и «ягель» «связано с необходимостью

обозначения значимых географических реалий для выпаса оленей и охотничьего промысла, а в отличие от научных терминов лексика группы «Рельеф» в кильдинском саамском языке не сосредоточена на актуализации высоты географических реалий, на характеристиках их вершин и склонов. Ядром представлений реалий в исследуемом языке является соотношение «выше, чем» / «ниже, чем»: *шарий* – ‘гора среднего размера, ниже, чем уррэт, но выше пака’ (ЛГ), а понятие «высота» при этом смещено: ‘большие горы (как Ловозерские)’ (ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ); ‘невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке’ (ЛГ); *пáррнэ уйнсэнгь чофта элесь пагка* – ‘дети увидели очень высокую горку’ (АН)» [10, с. 81].

Без сомнений, заниматься выявлением всех этих нюансов необходимо. Сама идея тезауруса языка малочисленного коренного народа кажется нам актуальной и востребованной в современной лексикографической практике. Собирать лексику исчезающего языка – безусловно важно. Следует одобрить огромную многолетнюю работу автора рецензируемых словарей по сбору и анализу слов кильдинского саамского языка. Но работы О. Н. Иванищевой показали, что теоретических вопросов, возникающих в процессе создания словарей исчезающих языков, больше, чем ответов. И задачу теоретического осмысления собранного материала может решить только научный коллектив.

Бесспорно, на фоне расцвета лексикографии «больших» языков составление словарей «малых» языков может стать очень серьезным основанием для эволюции общей теории лексикографии, что позволит «наряду с новыми словарями, продолжающими лучшие традиции классической лексикографии, создавать экспериментальные справочники, закрывающие лексикографические лакуны» [2, с. 14]. Словари О. Н. Иванищевой еще раз подтверждают мысль профессора Томского университета О. И. Блиновой о том, что «лексикография (точнее, лексикографирование) представляет собой специфический метод описания лексического материала языка», а хороший словарь может стать серьезным «инструментом познания» этого языка [3, с. 5–6].

Список литературы

1. Агранат Т. Б. Миноритарные языки Европейской части России с точки зрения критериев витальности ЮНЕСКО // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №9 (801). С. 324–350.
2. Бобунова М. А., Дьяченко Ю. А. Об экспериментальных словарях XXI века // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. №1 (44). С. 14–24.
3. Голев Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О. И. Блиновой // Вопросы лексикографии. 2021. №21. С. 5–32.
4. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012.
5. Иванищева О. Н. Этнокультурная идентичность и язык (на материале языка коренного малочисленного народа) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. №3. Вып. 9. С. 111–115.

6. *Иванищева О.Н.* Проблемы тезаурусного описания лексики исчезающих языков // Современные исследования социальных проблем. 2016. №2-2 (26). С. 94–105. URL: <http://journal-s.org/index.php/mrsp/article/view/9208> (дата обращения: 17.04.2022).
7. *Иванищева О.Н.* Материалы к словарю кильдинского саамского языка. М. ; Берлин, 2017. Ч. 1 : Рыбы. Вода. Рельеф.
8. *Иванищева О.Н.* Материалы к словарю кильдинского саамского языка. М. ; Берлин, 2018. Ч. 2 : Животные. Птицы. Насекомые.
9. *Иванищева О.Н.* Специфика методологического подхода к исследованию исчезающего языка коренного народа Севера // Человек. Культура. Образование. 2018. №1 (27). С. 112–123.
10. *Иванищева О.Н.* Лексикология и лексикография языка коренного малочисленного народа Севера: Кильдинский саамский язык. М., 2020.
11. *Касевич В.Б.* Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М., 2013.
12. *Кузнецова А.И.* Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007.
13. *Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт.-сост. О.Н. Иванищева, А.М. Эрштадт.* Мурманск, 2014.
14. *Язык и общество.* Энциклопедия. М., 2016.
15. *Ivanishcheva O.N.* Dictionaries of Critically Endangered Languages: Focus on Users // Journal of Linguistics = Jazykovedný časopis. 2016. Vol. 67. P. 73–86.

Список сокращений

- АН — Антонова А.А. Саамско-русский словарь. Мурманск, 2014.
- АФ — Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева [и др.] ; под ред. Р.Д. Куруч. М., 1985.
- ГП — Галкин Пётр Алексеевич (1928 г.р.).
- ГС — Географический словарь Кольского полуострова : в 3 т. / Мурман. фил. геогр.-экон. науч.-исслед. ин-та Ленингр. ун-та. Л., 1939. Т. 1. 1939.
- ГТ — Галкина Татьяна Гавриловна (1936 г.р.).
- ЗЕ — Захаров Евдоким Кузьмич (1956 г.р.).
- ЗН — Золотухина Надежда Анатольевна (1960 г.р.).
- КА — Кобелев Александр Андреевич (1968 г.р.).
- К — *Керт Г.М.* Словарь саамско-русский и русско-саамский : пособие для учащихся нач. шк. Л., 1986.
- К09 — *Керт Г.М.* Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009.
- К03 — *Керт Г.М.* Саамский язык // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2003. С. 49–57.
- ЛГ — Лукин Геннадий Петрович (1949 г.р.).
- РР — Рахманина Роза Михайловна (1966 г.р.).
- СОС — *Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т языка, лит. и истории ; [сост. А.П. Баранцева и др.] ; под общ. ред. Ю.С. Елисеева и Н.Г. Зайцевой.* Петрозаводск, 2007.
- IT — *Itkonen T.I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. O. 1. Helsinki, 1958. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XV).

Об авторе

Наталья Сергеевна Цветова — д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: cvetova@mail.ru

The author

Prof. Natalya S. Tsvetova, St. Petersburg University, Russia.

E-mail: cvetova@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук – 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов – не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (примерно 25 источников) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>

Порядок рецензирования рукописей статей

120

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
- б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;
- в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;
- г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия

Филология, педагогика, психология

2022

№3

Редактор *Д. А. Малеваная*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 26.09.2022 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,6
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 97
Подписной индекс 20098

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6